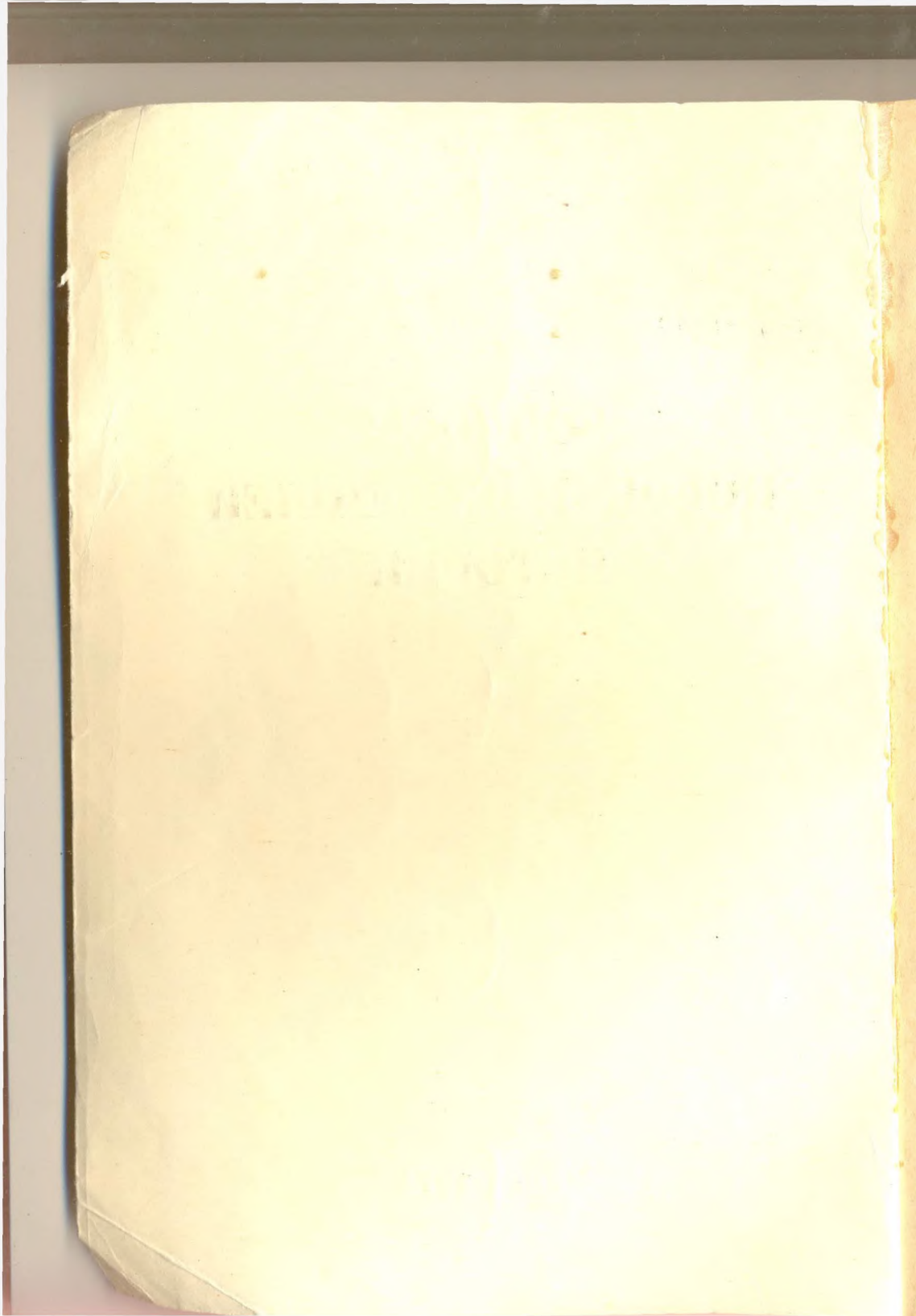

**ВОПРОСЫ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ**

Минск 1974

ВОПРОСЫ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Под общей редакцией доктора исторических наук
профессора Л.М.ШНЕЕРСОНА.

МІНСК 1974

ВОПРОСЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Редактор Григорьев В.С.

АТ 13027. Подписано к печати 15.1.1974. Бумага типогр. № 3
Формат 60х84 1/16. Физ. поч. л. 15,75. Усл. печ. л. 14,64.
Учётно-изд. л. 10,48. Тираж 300 экз. Заказ . Цена 63 к.
Издательство Белорусского государственного университета
им. В.И.Ленина. Минск, ул. Кирова, 24. Отпечатано в офсет-
ной лаборатории Белорусского государственного университета
им. В.И.Ленина.

© Белгосуниверситет им. В.И.Ленина, 1974 г.

В.И.СМИЦА

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768-1774 гг. И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Термин "восточный вопрос" впервые прозвучал в зале заседаний Веронского конгресса Священного союза /1822г./ и с тех пор вошел в дипломатический лексикон для краткого условного обозначения комплекса проблем, касавшихся судеб Османской империи. Новое понятие объединило в себе три взаимодействовавших друг с другом фактора: 1/ кризис и наметившийся распад Османской империи; 2/ усиление национально-освободительного движения подвластных туркам народов; 3/ обострение борьбы между великими державами за экономическое и политическое преобладание на Ближнем Востоке 1/.

Сам восточный вопрос возник значительно раньше, чем появился одноименный термин. Его формирование заняло около двух столетий - примерно с конца XVI в., когда Османская империя начала погружаться в состояние упадка, и до русско-турецкой войны 1768-1774 гг., в ходе которой в основном завершилось вызревание всех его составных частей. В данной статье делается попытка рассмотреть влияние этой войны на каждый из трех аспектов восточной проблемы.

Экономический и политический упадок Османской империи был очевидным еще в предвоенные десятилетия. Главная причина этого упадка заключалась в неспособности османского государства перестроиться с военного направления на мирное. Турецкое правительство слишком много ставило на карту войны. "Государство османов, - по мнению К.Маркса, - было единственной подданной военной державой средневековья" 2/ и напоминало "настоящую организацию рыцарей-феодалов" 3/.

Военный характер турецкого государства проявлялся прежде всего в том, что в основу его благополучия были положены военные захваты, т.е. фактор ненадежный, подверженный влиянию случайностей, ставящий судьбу империи в зависимость от исхода нескольких сражений. Это имело роковые последствия. Османская империя безнадежно отстала от европейских держав в экономическом отношении, что влекло за собой неизбежное отставание и в военном деле. В результате страна вступила в полосу военных неудач и уже в конце ХУПв. вынуждена была перейти в Центральной Европе из наступательного положения в оборонительное^{4/}. Казалось, теперь уже Порты вынуждена будет изменить свой взгляд на войну и вплотную заняться вопросами внутреннего устройства. Но она как бы застыла в своем первоначальном убеждении и до конца ХУШв. почти ничего не сделала в этом направлении.

Кризис углублялся. Его важнейшими проявлениями были все увеличивавшееся отставание Османской империи от передовых стран Европы, прогрессирующее разложение военно-ленной системы, дальнейшее ослабление военного могущества империи, развал государственного аппарата, моральное разложение господствующего класса и рост сепаратизма в его среде, усиление национально-освободительной борьбы покоренных народов. Внутренняя жизнь государства представляла печальную картину, — все разлагалось и рушилось, пока чинили одно, валилось другое.

Промышленное развитие не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило в это время в Англии и Франции, где закладывались основы машинной индустрии. К середине ХУШв. турецкая промышленность не смогла под-

няться выше уровня мелкотоварного ремесленного производства. Сельское хозяйство приходило в упадок. Земля обрабатывалась примитивными орудиями труда, "погружавшими воображение путешественников в поз-
вию первобытного времени"^{5/}. Накопление капитала на-
такивалось на труднопреодолимое препятствие — отсут-
ствие безопасности личности купца и его собствен-
ности.^{6/} Общий экономический упадок, разложение военно-
ленной системы привели к падению военной мощи империи.
Еще довольно внушительная по своей численности, ту-
рецкая армия утратила свои прежние боевые качества
и прежде всего дисциплину^{7/}.

В высшем обществе царили воровство, мошенни-
чество, разврат, пример чему нередко подавал сам
султан. Талантливые государственные деятели стали
редкими, их сменили слабые и несамостоятельные лич-
ности, доступные для подкупов и интриг^{8/}. Сами
султаны перестали заниматься государственными делами,
предпочитая наслаждаться спокойной жизнью сераля,
в то время как всевозможные придворные группировки
боролись за власть и золото, а влияние гаремов
оппонировало с властью министров^{9/}. Следствием общего
упадка была деградация культуры^{10/}.

Государственная власть без денег, без сильной
армии, без развитой экономики не могла полностью
удовлетворить все потребности господствующего класса.
Поэтому отдельные турецкие феодалы и чиновники боро-
лись между собой за источники доходов, нарушали за-
коны, отказывались повиноваться Порте, действуя
в ущерб интересам своего класса в целом. О недоволь-
стве правлением, сепаратизме мрачно свидетельствовал

вид отрубленных и сложенных у серальских ворот голов взбунтовавшихся янычар, отдельных феодалов, пашей и даже господарей Дунайских княжеств, ставших жертвой интриги или собственной неосторожности.

И вот в этот турецкий хаос с суши и с моря ударила Россия. Выдержит ли Османская империя этот удар, сохранит ли она в неприкосновенности свои владения, достаточно ли сильной окажется Россия, чтобы навсегда сокрушить остатки турецкого могущества, — все эти вопросы в равной мере интересовали и друзей, и врагов Порты.

Турция оказалась намного слабее России. Русское оружие торжествовало повсюду. И.А. Румянцев на суше / у Рябой Могилы, при Ларге и Кагуле/, а Г.А. Спиридов и А.Г. Орлов на море / В Чесменской бухте/ уничтожили лучшую часть турецких военных сил. И это случилось на протяжении двух неполных месяцев /июнь-июль 1770г./ ! Оправиться от этих поражений Турция не смогла до конца войны. И хотя на протяжении трех последующих лет русской армии и флоту не удалось повторить успех 1770г., территориальные и политические уступки со стороны Порты были неизбежны, она могла осматривать только размер этих уступок.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 10/21/ июля 1774г. зафиксировал крупные потери Османской империи. Турки лишились 2055 кв. миль территории¹¹, открыли для русской торговой навигации Черное море, Босфор и Дарданеллы, предоставили России легальную возможность вмешиваться в свои внутренние дела путем покровительства Молдавии, Валахии и всем христианам империи¹². Итог более чем неутешительный.

Не менее чувствительными были последствия войны, не фигурировавшие в статьях договора. Опустошенная государственная казна и разоренное население не могли утолить алчность турецких феодалов, чиновников и мусульманского духовенства, постоянно требовавших денег. Улемы и яничары глухо роптали на правительство, обвиняя его в военных неудачах и особенно в потере Крыма и безраздельного господства на Черном море. Волновался до отчаяния простой люд Константинополя, в полной мере испытавший тяжесть войны и полуголодного существования. В условиях нарастания антиправительственных настроений, усиления сепаратизма и дезорганизации Порты с еще большей жестокостью подавляла недовольство во всех классах общества, "без пощады давила кричащих" ^{13/}.

Проигранная война подорвала престиж Османской империи в глазах всей Европы. Довоенные представления о ее потенциальных возможностях уступили место скептическим прогнозам и оценкам. Если в 1762г. русский канцлер М.Л.Воронцов считал, что "благоразумный" государь может преодолеть беспорядок и превратить империю в сильное и "крайне опасное" для соседних стран государство^{14/}, то девять лет спустя в письме к Вольтеру от 22 июля 1771г. /ст.ст./ Екатерина II полусмешно-полусерьезно назвала Турцию "материалом для исправления географических карт" ^{15/}.

Но Порте было не до шуток. На глазах у всей Европы только что была разделена Польша, и турецкое правительство тревожила мысль о том, что и Османской империи готовят подобную же участь. И действительно, австрийский канцлер Кауниц с полной серьезностью

утверждал, что "небольшое, но хорошо организованное войско в состоянии выгнать турок из Европы" и что они обречены на погибель ^{17/}.

Война 1768-1774 гг. собрала воедино и открыла перед Европой все слабости Османской империи, надломила ее "оборонительную силу" и поставила на очередь дня вопрос о будущем этого "больного", страдавшего от глубоко вкоренившихся недугов государства. "Турция долго не могла переварить условий Кайнарджийского мира", - писал С.М. Соловьев ^{18/}. "Начало конца" турецкого владычества в Европе - подытожил результаты войны для некогда грозной империи султанов другой авторитетный историк ^{19/}.

Русско-турецкая война сильно пошатнула все здание Османской империи. И хотя оно еще не упало, будущая судьба государства, в первую очередь его европейских владений, с этого времени стала больше зависеть от согласия или несогласия между великими державами, чем от самой Порты. В итоге формирование одной стороны восточного вопроса - углубление кризиса и наметившийся распад Османской империи - было в основном завершено.

Другая его сторона - усиление национально-освободительного движения нетурецких народов империи - была тесно связана с первой. Кризис империи дополнительным бременем ложился на покоренные турками народы, подвергавшиеся и без того тяжелому экономическому, национальному и религиозному гнету, полностью лишенные политических прав и всякой возможности для нормального развития. Но, с другой стороны, явления, обусловившие упадок турецкого

государства и сопутствовавшие этому упадку, — разложение военно-ленной системы и зарождение чифликчийства, зачатки мануфактурного производства, рост и развитие городов, некоторое расширение торговли, зарождение национальной идеологии, развал османского государственного аппарата и ослабление центральной власти — открывали новые возможности для развития национально-освободительной борьбы. "Запазушные враги" османов, как называл христиан империи русский дипломат Н.Толстой²⁰, стали более опасными для разлагавшегося государства как вследствие его ослабления, так и в результате зарождавшегося в их среде буржуазного развития, создававшего новую социально-экономическую основу для консолидации национальных стремлений.

Накануне русско-турецкой войны национальные и социальные движения сильно потрясали Османскую империю. Непокойно было в Албании и Черногории, на Хиосе и Кипре дело дошло до кровавых столкновений из-за злоупотреблений сборщиков налогов, в Багдаде не прекращались бунты, в Грузии царил хаос, в Аравии шла борьба между жителями священных городов Мекки и Медины и соседними кочевыми племенами, в Египте — между мамлюками и турецким пашой²¹. Эти движения еще более усилились в годы войны, особенно в Греции и в Дунайских княжествах.

Россия пыталась объединить под своим руководством все локальные выступления на Балканском полуострове, в Молдавии и Валахии в одно мощное антитурецкое восстание и таким образом организовать в турецком тылу, по излюбленному выражению Екатерины II, "диверсию" невиданных масштабов.²² Из этой

затеи ничего не вышло. Тем не менее накал борьбы в отдельных районах полуострова и в княжествах был очень высок, что создавало для Порты немало затруднений, отвлекал десятки тысяч турецких солдат на операции по усмирению собственных подданных.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. не только продемонстрировала возросшую мощь освободительной борьбы в османских владениях, но и создала более благоприятные условия для ее развития в будущем. Укрепили связи подвластных султану народов с Россией - наиболее грозным противником турок, накопился опыт в осуществлении координации действий повстанцев с операциями русской армии и флота, открылись слабые стороны движения, из которых местные лидеры и русское правительство могли извлечь уроки на будущее, а самое главное, была подорвана мощь турецкой военной машины, единственной скрепы пестрой империи. Национально-освободительное движение становилось неотъемлемым составным элементом в системе противоречий, составлявших восточный вопрос.

Третья сторона восточного вопроса - борьба держав за раздел Османской империи - являлась логическим завершением двух первых его сторон и в годы войны с наибольшей силой дала о себе знать в тех трудностях, с которыми России пришлось столкнуться, пожиная плоды своих военных побед. Ход войны исполнил европейскую дипломатию. Россия могла нанести смертельный удар Османской империи и значительно увеличить свое могущество за ее счет. Поскольку и то и другое по разным причинам противоречило расчетам Франции, Австрии и Пруссии, то они в меру

своих сил и возможностей и под предлогом необходимости сохранения "европейского равновесия" удерживали тянувшуюся к добыче руку Екатерины II. Намерения России добиваться независимости Крыма, Дунайских княжеств и права на свободное торговое судоходство по Черному морю встретили самые резкие возражения со стороны этих держав.

Большую враждебность к русским планам, одобренную большей долей личной ненависти коронованных особ /Екатерины II и Людовика XV/, проявляло французское правительство, носившееся с идеей об устранении России от участия в европейских делах и возвращении ее к допетровским временам путем организации внутренних смут и создания из Турции, Пруссии, Польши и Швеции антирусского барьера ^{23/}. Австрия, сначала заявившая о намерении соблюдать строгий нейтралитет в русско-турецком конфликте, после занятия русскими войсками Дунайских княжеств, которые она облюбовала для себя, пошла на недвусмысленное сближение с Пруссией и стала концентрировать войска в Трансильвании, а в 1771 г. заключила даже тайный союз с Портой, направленный против России ^{24/}. Даже союзник России прусский король. Фридрих II хитрил и лукавил, стремясь повернуть дело к разделу Польши ^{25/}. Из великих держав лишь одна Англия, дорожившая дружбой с Россией и склонявшая последнюю к заключению антифранцузского союза, не выражала тревожных опасений относительно русских требований к Порте ^{26/}.

Стремясь нейтрализовать неприязнь Австрии и создать, хоть на время, общность интересов с Пруссией, русское правительство вынуждено было согласиться

на раздел Польши и уступить в вопросе о княжествах. После этого в Вене и Берлине с неохотой, но все же признали условия Кючук-Кайнарджийского договора. Франция, парализованная английскими предупреждениями, приняла их как горькую необходимость.

Ход переговоров о заключении русско-турецкого мирного договора испытывал, таким образом, сильное влияние со стороны европейской дипломатии, как никогда ранее заинтересованной в турецких делах. Война 1768-1774 гг. дала сигнал общеевропейской тревоги за судьбы Османской империи.

Подведем общий итог. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. явилась важным, переходным событием в истории восточного вопроса. В своих основных чертах восточный вопрос вышел из стадии формирования и вызревания на арену большой политики и стал проблемой европейского значения, составив элемент системы международных противоречий того времени.

В.И. СИНЦА

ВОССТАНИЕ В МОРЕЕ 1770г. И РОССИЯ

1770-й год был памятным и богатым событиями годом в истории русско-греческих отношений. Для России, стремившейся открыть себе доступ к Черному морю, это было время войны с Османской империей, безраздельно хозяйничавшей на всем черноморском побережье. Для изнемогавшей под турецким гнетом Греции это была пора ожидания, надежд и борьбы за национальное освобождение. У России и Греции был общий враг, и это обстоятельство решительно сближало их и побуждало искать пути прямого военного взаимодействия.

Но как преодолеть огромное расстояние, разделявшее две страны? Возможность была одна: Россия должна отправить из Балтийского моря и греческим берегам свой военный флот, оружие и десант, а греки — организованно и бесстрашно восстать против своих иноземных поработителей. Подобный план был подсказан русскому правительству греком Эммануилом Саро еще в 1765г.

Через два месяца после начала русско-турецкой войны, в ноябре 1768г., генерал-фельдцейхмейстер Григорий Орлов от своего имени внес его на рассмотрение Государственного совета, заранее заручившись поддержкой императрицы Екатерины II.

Члены Государственного совета задумались. Слишком велики были трудности, стоявшие на пути осуществления этого предложения, слишком непривычными были масштабы, слишком много было риска и авантюризма. Не погубят ли русскую эскадру, никогда не бывавшую в Средиземном море, морские ветры? Не потопят ли ее флоты враждебных государств — Франции и Испании? Где русским

морякам брать воду и продовольствие, если они все-таки придут в Средиземное море?

Но Екатерина II и Г. Орлов, увлекшиеся смелой идеей, настаивали на своем. Русский флот казался им не таким уже беспомощным, чтобы не выдержать борьбы с морскими стихиями. Что же касается позиции Версаля и Мадрида, то здесь была сильная надежда на Англию, которая из-за своей вражды к Франции не могла допустить франко-испанского нападения на русскую эскадру. Так оно впоследствии и случилось.

Под натиском императрицы и ее могущественного фаворита Государственный совет отступил. В конце концов, что теряла Россия даже в самом худшем случае? Десяток-другой кораблей. Потеря вполне восполнимая и не роковая — все-таки главные события войны должны были развернуться на сухопутном театре, в Молдавии и Валахии. А выигрыш мог быть огромным. Брат Григория Орлова Алексей, находившийся на лечении в "талии", рисовал заманчивые перспективы общевалканского восстания и "освобождения" всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого^{3/}.

Конечно, об "освобождении" и Орловы, и Екатерина II думали меньше всего. Нанести туркам неожиданный удар в спину, чтобы облегчить военные операции в Дунайских княжествах и подписать с Портой выгодный мир — такова была их главная цель, которую, впрочем, они и не скрывали^{4/}. Под аккомпанемент громких фраз о готовности защитить "православие и закон" царизм стремился собрать под свои знамена всех врагов Порты на Балканах и двинуть их в бой против турок, мало заботясь о том, приведет это к освобождению балканских народов от османской зависимости или нет. "Облегчение жребия" —

вот все, что Екатерина II сочла возможным пообещать своим балканским единоверцам ^{5/}. Что это за "облегчение" она не уточняла, не исключая мысли о территориальных приобретениях на Балканах и желая оставить возможность для лавирования.

Впрочем, на Балканах не особенно вчитывались в обещания царских манифестов. Их воспринимали суммарно, как призыв к борьбе и как твердую гарантию помощи, вытекающую из объективного хода событий согласно праву: всякий враг турок — союзник угнетенных ими народов. Правда, русские были не просто врагами турок, они были православными христианами, единоверцами греков. Это религиозное родство в условиях XVIII в. само по себе располагало греческое население, испытывавшее все ужасы мусульманского фанатизма, в пользу России. Хотя, конечно, для всякого грека важнее было увидеть идущий к его берегу корабль союзника, чем узнать, что у штурвала этого корабля стоит православный христианин.

Русский флот между тем 19 июля 1769 г. покинул кронштадтский рейд и направился к греческим берегам. Эскадру вел опытный моряк и талантливый флотоводец адмирал Григорий Андреевич Спиридов. Накануне отплытия он получил инструкцию, требовавшую, чтобы все силы эскадры использовались для поддержки восстания в Греции и не отвлекались для посторонних целей ^{6/}. По прибытия в Средиземное море Спиридов должен был поступить в распоряжение А. Орлова, на которого возлагалось общее руководство операциями. •

Пока эскадра Спиридонова, борясь со штормами и болезнями, медленно, но неуклонно шла к своей далекой цели, греки усиленно запасались оружием и продовольствием, строили небольшие суда, словом, готовились к

схватке со своим вековым противником. Выиграть ее один на один они не могли и, теряя терпение, ждали русской помощи.

В середине декабря основные силы эскадры Спиридова собрались в Порт-Магоне /о. Менорка/ ^{7/}. Через своего брата Федора А. Орлов послал Спиридову приказание отправить несколько кораблей в Ливорно, где находился он сам, а с остальными следовать к берегам Мореи. Отсюда и предполагалось начать военные действия против турок.

Расчет был верным. В неприступных горных ущельях Южной Мореи жило небольшое, но воинственное племя майнотов, которое турки так и не смогли подчинить своей власти и которое готово было выступить против них по первому же сигналу. Предводители майнотов Иованни и Мавромихали условились с А. Орловым поднять восстание сразу же по прибытии эскадры Спиридова. Оно должно было дать толчок к повсеместным антитурецким выступлениям на Балканах. Таков был замысел.

18 февраля 1770 г. корабли эскадры вошли в майнотский порт Витуло и русские матросы и солдаты сошли на берег древней Эллады, восторженно приветствуемые собравшимися на берегу греками.

Русское командование и руководители майнотов, не теряя времени, приступили к делу. В течение ближайших дней было сформировано два легиона майнотов-ополченцев, усиленных 60 русскими солдатами и офицерами каждый. В соответствии с разработанным Ф. Орловым планом один легион — Восточный — должен был овладеть турецкими крепостями Мизитра, Триполица, Наполи-ди-Романи и при поддержке местного населения освободить от турок Восточную Морею. Другому, Западному легиону предстояло выбить турок из Наварина, Модона, Корона

и овладеть Юго-Западом Морей. Перед флотом стояла задача: обеспечить действия повстанцев с моря, под-
держать их артиллерийским огнем и десантами ^{8/}.

План этот, составленный вполне в духе стратегии и тактики регулярных армий XVIII в., не учитывал того обстоятельства, что именно регулярных войск, не считая нескольких сотен русских солдат и офицеров, в Греции не было. Здесь были повстанцы-ополченцы, не обученные штурмовать крепости, не выдерживавшие удара турецких регулярных войск, храбро сражавшиеся, когда победа склонялась на их сторону, но в панике разбегавшиеся в случае неудачи.

Что же делает Ф. Орлов? Он бросает оба легиона в атаку на крепости, лишив тем самым восстание наступательного порыва и поставив его судьбу в зависимость от прочности крепостных стен. Более того, он раздробил и без того незначительные силы повстанцев на две части, действовавшие в разных направлениях, вместо того чтобы держать их в одном кулаке, который был бы более грозен и опасен для турок.

Более дальновидный Г. Спиридов предлагал использовать главные силы восставших для освобождения внутренних областей Морей, а прибрежные крепости блокировать с помощью флота. Отрезанные от моря, они должны были пасть. Это был вполне целесообразный и реальный совет, нацеленный на вовлечение в борьбу широких масс населения и придававший восстанию наиболее решительный характер. Но Ф. Орлов не принял во внимание возражений Спиридова и использовал полученную от своего брата власть для приведения в действие собственного плана ^{9/}.

21 февраля 1770г. оба легиона выступили из Битуло. Восточный легион под командованием капитана Баркова взял направление на Триполицу, где находилась резиденция турецкого правителя Морей. У Бердони он натолкнулся на 5-тысячный отряд турок, смял его, а запершихся в замке после двухдневной осады заставил открыть ворота. 8 марта легионерам сдались лишения воды Мизитра. Легион подошел к Триполице. Здесь и было остановлено его победное шествие.

У Баркова было до 8 тыс.чел., в том числе около 60 русских солдат и офицеров. Гарнизон Триполицы состоял из 6 тыс. чел. Барков предложил туркам сдать крепость, но встретил отказ и начал подготовку к штурму. В это время, когда легион еще не успел занять исходные позиции, турки совершили вылазку из крепости. Греки не выдержали неожиданного удара и бросились в горы. С Барковым осталось только 58 русских солдат. Построившись в каре, они стали пробиваться в горы, но почти все погибли. Чудом спаслись лишь дважды раненный Барков, лейтенант Псаро, сержант и два солдата Кексгольмского полка. Однако легиона не стало ^{10/}.

Западный легион под командованием генерал-майора П.Долгорукова действовал пока успешно. Он овладел всей Аркадией, крепостями Каламата и Леснтари, взяв в плен 2 тыс.турок, и подошел к Наварину ^{11/}. Русскому командованию нужна была наваринская бухта, как более удобное, чем открытый для юго-западных ветров порт Битуло, место стоянки эскадры. Но прежде чем решиться на штурм Наварина, Ф.Орлов решил взять Корон, что казалось ему делом двух дней. К Корону были стянуты значительные силы: эскадра Спиридова, более 50 чел. русского десанта и двухтысячный отряд майнотов ^{12/}.

Сооруженные на окружающих крепость высотах батареи подполковника Лещкого и корабельная артиллерия отырали по крепости сильный огонь. Но крепостные стены разрушить не удалось. Осада Корона приобретала затяжной характер и, не снимая ее, решено было овладеть Наварином с его менее мощными укреплениями.

К Наварину подошла эскадра Спиридова, был произведен десант, подоспел как раз и легион Долгорукова. Руководство операцией осуществлял искусный артиллерист цехмейстер И. Ганнибал, сын "арапа Петра Великого" и дед А. С. Пушкина.

В результате четырехдневного артиллерийского обстрела была пробита брешь в валу цитадели, и 10 апреля крепость капитулировала. Гарнизону был разрешен выезд в г. Канию на о. Крит, а в Наваринской гавани расположился русский флот. 14 апреля из Ливорно в Наварин, наконец-то, прибыл сам главнокомандующий — А. Орлов, распорядившийся снять бесперспективную осаду Корона.

Состоявшийся 20 апреля военный совет из генералов, флагманов и бригадиров принял решение атаковать угрожавшую Наварину крепость Модон и в случае успеха превратить Наварин и Модон в опорные пункты, обучить греков военному порядку и дисциплине и начать действия внутри Мореи ^{13/}. Это было правильное, но уже запоздалое решение.

На Модон была двинута сводная группировка войск из 500 русских, 800 греков и 100 албанцев с четырьмя 8-фунтовыми единорогами, двумя 6-фунтовыми и двумя 3-фунтовыми пушками во главе с генерал-майором Долгоруковым. После шестидневного артиллерийского огня все крепостные орудия были собиты, а в стене крепости

была пробита брешь. Но в это время на склонах окрестных гор показалось более 5 тыс. турок, подоспевших из Триполицы. Небольшие греческие заслоны, выставленные в горных проходах /Долгоруков не послал с ними ни одного русского солдата, хотя вместе с прибывшим пополнением в его распоряжении имелось 725 чел. русского десанта/, при виде противника разбежались, только 30 словенцев, отправленных вместе с ними, возвратились к русским. Лишь мужество и храбрость спасли русский отряд от полного уничтожения. Одна его часть прорвалась к дороге на Наварин, другая вышла к морю и погрузилась на суда, участвовавшие в осаде Модона. Русские потеряли 215 чел. убитыми, 304 ранеными и всю артиллерию, турки около 2 тыс. убитыми ^{14/}.

Крупные силы турок подступали к Наварину, и, чтобы не попасть в ловушку, А. Орлов приказал одеть его. 23 мая

1770г. наваринская крепость была взорвана, а 27 мая русская эскадра покинула наваринскую бухту и отправилась на поиски турецкого флота ^{15/}.

Итак, что же произошло? Восстание в Морее, так и не успев набрать силу, было жестоко подавлено турками. Оно не смогло соединиться с другими освободительными выступлениями в Греции и других странах Балканского полуострова и осталось изолированным боевым эпизодом в антитурецкой борьбе народов.

Об общегреческом и тем более об общевосточном восстании уже не приходилось думать. Вместо ожидаемых сотен тысяч в борьбу вступили лишь тысячи греков, албанцев, южных славян - в Морее более 10 тыс., в Эпире и Албании - до 24 тыс. чел. ^{16/}.

В ряде случаев греки сражались стойко и мужественно. Так было в Миссалунги, где восставшие жители

изгнали из своего города турецкий гарнизон и с успехом отражали атаки напавших на них дульциниотов; так было и в восставшем Патрасе, храбро отбивавшемся от турок, опираясь на помощь греков Занте, Корфу и Кефалонии ^{17/}. Но эти искры не могли воспламенить всю страну. Греки еще не приготовились к общенациональному действию и не могли, даже желая этого, организовать и сплотиться для вооруженной борьбы против турок по заказу и по призыву царского правительства.

В Петербурге же не видели и видеть не желали в Греции ничего, кроме стремления к национальному освобождению. Отсюда и чрезмерное увлечение идеей восстания, и недооценка практической готовности греков к вооруженной борьбе. Распространению иллюзий о восстании как несложном и нетрудном деле во многом содействовал сам А. Орлов. В начале войны он писал своему брату Григорию: "как мне кажется, очень мало стоит будет привести этот народ /греков и славян - В.С./ против турок и чтоб они у меня в послушании были" и уверял, что без труда поднимает на борьбу 40 тыс. чел. ^{18/}. Ему вторила Екатерина II, утверждавшая, что русского флота и десанта вполне достаточно для поддержки восстания в Греции и что один русский солдат легко справится с десятью турецкими ^{19/}.

Что бы ни говорила Екатерина II, русская помощь была явно недостаточной. Другое дело, можно ли было ее увеличить уже в 1770г.? Но что русский десант был малочисленным, а флот был не в состоянии поддерживать действия сухопутных войск вдали от берега - это факт, не вызывающий сомнения. Очевидно и то, что даже те силы, которые были, русское командование использовало не лучшим образом, а об обучении повстанцев оно не позаботилось вовсе.

Кроме всего этого, А. Орлов неправильно рассчитал время прихода русского флота и преждевременно начал свою антитурецкую агитацию на Бакарах ^{20/}. В результате ему пришлось сбивать вызванное им же возбуждение и удерживать греков от восстания до прихода эскадры Спиридова. Эти колебания порождали неопределенность и неуверенность и отрицательно сказывались на развитии освободительной борьбы.

Наконец, еще одно обстоятельство, отмеченное многими историками ^{21/}. Майноты слишком беспощадно и жестоко расправлялись с пленными турками, несмотря на решительные протесты русских офицеров и солдат. Получив такой урок, турки стали предпочитать плену смерть в бою, а после ухода русских отплатили грекам еще более кровавыми расправами.

Таковы причины поражения морейского восстания.

Неудача на время обескуражила и разочаровала греков. И все же они надолго сохранили добрую память о русских солдатах и матросах, бесстрашно сражавшихся и умиравших за тысячи верст от родной земли. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. не принесла Греции освобождения от турецкого гнета. Но она укрепила связи греков с Россией, научила царское правительство и греческих руководителей серьезнее относиться к организации совместных действий против турок, подорвала силы Османской империи и тем самым облегчила борьбу за национальное освобождение родины европейской цивилизации.

Л.М. ШНЕЕРСОН

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И ФРАНКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНЦЕ 1866 - НАЧАЛЕ 1867 гг.

В новой обстановке, возникшей в Европе в связи с победой Пруссии в германской войне 1866г. и формированием Северогерманского союза, характер взаимоотношений Франции и России приобретал важное значение, во многом определявшее направление дальнейшего развития европейской политики.

Вместе с тем в буржуазной исторической литературе относительно франко-русских отношений второй половины 60-х годов XIXв. издавна бытуют далекие от действительности концепции. Французская буржуазная историография, как правило, старается сгладить анти-русское острие политики наполеоновской Франции и ее ответственность за успех прусско-пикерских планов. С этой целью преувеличивается степень и значение русско-прусского сближения второй половины 60-х годов и игнорируется то обстоятельство, что это сближение вызывалось главным образом враждебной России политикой Франции и Англии, попытками Наполеона III вступить в сделку с Пруссией, таящую большие опасности для России.

С другой стороны, затушевывалась острота франко-прусских противоречий. Крупный французский исследователь Шарль Ру приписывал Наполеону III отсутствие в то время каких-либо враждебных Пруссии намерений: "Если в его уме гнездилась идея расширения Франции со стороны Рейна, то он никогда не намеревался осуществить ее силой"^{1/}.

Развивая эту мысль, Шарль Ру заключал, что даже после распространения господства Пруссии на Северную Германию Франция не нуждалась ни в наступательном, ни в оборонительном союзе с Россией и скорее должна была опасаться, что такой союз подтолкнет Германию к враждебной Франции политике ^{2/}. В кривом зеркале подобных представлений Россия выглядела односторонне нуждавшейся во французской поддержке. В характеристике русско-французских отношений Ру к тому же придавал преувеличенное значение польскому вопросу, идеализируя попутно польскую политику Наполеона и его "принцип национальностей". Такого же рода ошибки можно обнаружить у А.Дебидура в его "Дипломатической истории Европы".

В современной западногерманской историографии тоже можно встретиться с приукрашиванием личных внешнеполитических установок Наполеона III, вызванным стремлением некоторых кругов в свое время исторически "обосновать" возможность оси Бонн-Париж ^{3/}.

Тенденции идеализации наполеоновской политики характерны и для буржуазных историков Англии. Примером может служить книга А.Дж.Тейлора, в которой проводится мысль, будто в годы возвышения Пруссии Россия и Англия "фактически отстранились от участия в европейском равновесии... и Наполеону приходилось выступать от имени Европы без малейшей помощи двух негерманских государств" ^{4/}.

Другой современный английский историк У.Моссе искусственно выпячивает восточный вопрос в качестве центральной проблемы международной борьбы, определяющей взаимоотношения держав в Европе и их перегруппировку в годы, последовавшие за австро-прусской войной ^{5/}. Такая концепция помогает выставить

Россию в роли основного возмутителя европейского спокойствия и страны, наиболее страдающей от состояния изолированности.

В действительности же объективная обстановка складывалась особенно сложно и угрожаемо для Франции. И отнюдь не восточный вопрос / при всей его важности для взаимоотношений европейских держав/, а перемены, произошедшие в самой Европе, и прежде всего возвышение Пруссии и объединение под ее господством Германии, были в те годы главным фактором кристаллизации международных сил и формирования группировок. Определяющей всю обстановку становилась нарастающая угроза франко-прусской войны. Нежелание или неумение наполеоновской дипломатии учесть это и найти путь к преодолению разногласий с Россией имело для Франции самые тяжелые последствия.

Между тем ряд обстоятельств благоприятствовал тогда франко-русскому сближению. Настроения помещичье-буржуазных кругов России первое время после войны 1866 г. диктовались главным образом тревогой по поводу неожиданно быстрого усиления Пруссии. Русские газеты почти из номера в номер писали в те дни, как рискованно для России допускать, чтобы Пруссия стала хозяйном всей Германии, и какие угрозы обострения европейской ситуации таятся в этом. Опасения перевешивали чувство удовлетворения тем, что перемены в Германии прошли без революции и не повлекли за собой сокращения монархической власти.

Возросла практическая весомость восточных проблем в политике России. Восстание на Крите осенью 1866 г.

и движение, развертывавшееся среди славянских народов, свидетельствовали о том, что войны 1864 и 1866 гг. с их национальными лозунгами и пренебрежением к договорам, составляющим "основу" европейских отношений, и поражение Австрии /одной из главных держав, поддерживавших господство султана/ расшатали статус-кво на Востоке. "Все указывало, — писал министр иностранных дел России А.М.Горчаков, — что пришло время для народов Востока потребовать утверждения своих прав" ^{6/}.

Складывавшаяся ситуация подсказывала русской дипломатии необходимость внести коррективы в восточную политику, принятую ею после поражения в Крымской войне, и взять более активный курс, который Горчаков выразил в формуле "морального руководства" движением балканских народов ^{7/}. Естественно, что в этих обстоятельствах для России актуализировалась проблема освобождения от ограничений на Черном море, наложенных на нее Парижским договором 1856 г. Все это были плоскости, в которых французская поддержка и благосклонность могли оказаться весьма полезными для России. Горчаков достаточно ясно давал понять, что Россия готова установить тесную связь между судьбами договоров 1815 и 1856 г. и не возражать против компенсации Франции за пределами "границ 1814 г.", если Франция учтет заинтересованность России в освобождении от стеснительных условий Парижского мира ^{8/}.

Таким образом, существовала реальная почва для взаимной заинтересованности Франции и России в сближении. Однако в положении России и Франции была существенная разница. У России имелся выбор. Она могла в случае неблагоприятной позиции наполеоновского правительства воспользоваться некоторыми

услугами Пруссии, заинтересованной нейтрализовать Россию в предстоящей прусско-французской схватке, хотя соглашение с Пруссией рассматривалось в Петербурге как менее выгодный и желаемый вариант. Правда, французская дипломатия в свою очередь имела в виду использовать австрийский реваншизм и получить Австро-Венгрию в качестве союзника, но в Париже недоучитывали глубокой противоречивости положения габсбургской монархии в этот момент. Практические возможности осуществления плана австро-французского союза были невелики.

Расчеты на Австрию мешали наполеоновской дипломатии ощутить в полной мере всю сложность внешнеполитической ситуации, в которой оказывалась Франция с исходом германской войны 1866г. Вместе с тем проявляемые Наполеоном III тенденции к сближению с Австрией отрицательно сказывались на развитии русско-французских отношений, усиливая в Петербурге сомнения в искренности французских намерений установить контакты с Россией. Перспектива столкнуться с австро-французским союзом на Востоке заставляла Россию проявлять больший интерес к Пруссии.

Франко-русские переговоры в августе 1866г. вылились во взаимный зондаж и не принесли положительных результатов^{9/}. Вторая империя по-прежнему не шла на уступки, касающиеся важных интересов России. К осени 1866г. разочарование в практических возможностях добиться соглашения с Францией стало оказывать влияние не только на русскую дипломатию, но и на настроения помещичье-буржуазных кругов. Вместе с ощущением растущей значимости Пруссии в европейской политике, это разочарование толкало их к пересмотру прежних внешнеполитических расчетов и оценок.

Уклончивая позиция Франции в момент нарастания кризиса Османской империи, вызванного критским восстанием и сербо-турецким конфликтом по поводу нахождения турецких гарнизонов в сербских крепостях, приобретала опасный смысл в глазах собственнических классов России. "Теперь, по-видимому, настала минута, когда Франция готовится пожать плоды своих десятилетних усилий", с тревогой писала газета "Голос", рассказывая, что после Крымской войны Франция изменила свою политику в отношении Турции и под флагом покровительства ей, а в последнее время и поддержкой плана политической автономии турецких владений на Балканах усилила свое внимание там, "несмотря на соперничество Англии и неудовольствие России"^{10/}.

Настороженное отношение вызывал тон близких к правительству парижских газет, типа полуофициозной "Patrie", развешивавших явно антирусскую кампанию, приписывавших все потрясения Османской империи общему заговору, составленному якобы Россией, Англией и даже США против Франции^{11/}. Известный французский журналист Форкад выступил в "Revue d.d. Mondes" с призывом к франко-прусскому союзу. Чем добиваться незначительных территориальных возмещений, утверждал он, лучше постараться путем соглашения с Пруссией умерить ее германскую политику и приобрести в ее лице союзника. Что же касается России, то расхождение интересов на Востоке и в Польше, а также "отрицательное отношение к абсолютизму" мешают сближению Франции с ней, заявлял Форкад^{12/}.

Реагируя на французскую политику и выступления французской прессы, немало русских газет, поддерживавших раньше с большей или меньшей активностью

мысль о сближении с Францией, приняли теперь по отношению к ней позицию враждебности и недоверия. "Весть", выражавшая взгляды консервативной дворянской группировки, заявляла предупреждающим образом, что "ключ мира и спокойствия континентальной Европы хранится не на берегах Сены, как думают некоторые, этот ключ в руках императора Александра II и родственного ему короля Вильгельма"^{13/}. На ее страницах промелькнула идея русско-пруско-американского союза для решения восточного вопроса, предполагавшая нейтрализацию Англии через участие США в этом деле^{14/}.

Приезд принца Прусского в Петербург на бракосочетание цесаревича дал повод "Вести" выступить с покаянием по поводу беспокойства, возбужденного в России усилением Пруссии. "Беспокойство длилось недолго и было порождением тех политических недоразумений, которые неизбежны при всяком важном повороте в относительной силе и значении соседних государств"^{15/}. Что же касается сближения с Францией, заявляла тут же газета, то оно теряет свою ценность вследствие утраты Францией влияния в Европе и ненадежности бонапартистского режима.

Позднее "Весть" заговорила даже о возрождении в духе "Священного союза" тесных политических связей с Австрией и Пруссией, которые "уже в течение сотни лет обеспечивали спокойствие нашей западной границы". На Востоке же, поучала газета, следует отказаться от политики покровительства "славянским народам и вообще народам исповедующим православие" и сосредоточить внимание на том, чтобы не допустить при распаде Турции возникновения какого-нибудь

сильного государства, "которое захватило бы в свои руки ключ Черного моря, Босфор"^{18/}.

"Неделя" стала писать о возможности решить восточные проблемы в политике России на путях сотрудничества с Англией и Пруссией. Она считала, что позиция Англии в восточном вопросе уже теперь претерпевает изменения, а с постройкой Суэцкого канала Англия будет нуждаться для гарантирования своей монополии в Индии уже не в сохранении Османской империи, а в обладании Египтом. Россия не может безболезненно согласиться на это ценой английского согласия на уничтожение Парижского трактата. Что же касается Пруссии, то ей выгодно, "чтобы русские морские силы перестали сосредоточиваться в Балтийском море и чтобы центр этих сил был перенесен в Черное море". И так как Австрия слаба, а Италия уже ничего не может извлечь из союза с Францией, присоединение же к англо-пруско-русскому союзу способно принести ей Триент, итальянский Тироль, а может быть и Далмацию, то Франции грозит полная изоляция на Востоке^{17/}.

В таком примерно духе выступали и "Биржевые ведомости", возлагая на Францию главную вину за ущемление русских интересов. "Англия уже перестала быть прежней ревностной охранительницей Турции; она уже не видит в России своего непримиримого врага на Востоке. Австрия, прежде столь благосклонная к Турции, ныне охладела к ней. Одна Франция пытается поддерживать тот статус-кво, который в данный момент более соответствует ее интересам"^{18/}.

"Толос" тоже в те дни проявлял интерес к вопросу о возможности англо-русского сближения и, хотя с оговорками, отмечал шансы на успех этой комбинации. Газета признавала, что во многих случаях интересы России и Англии прямо противоположны, но утверждала,

что сама эта противоположность интересов "требуется установления такой линии раздела, при которой взаимные выгоды и невыгоды, насколько возможно, уравновешивались" 19/.

Можно весьма критически отнестись ко всем этим внешнеполитическим выкладкам, поставить под сомнение их реальную осуществимость, но важно другое, — важно то, что они явственно отражали растущее недоверие к французской политике и стремление сделать из этого определенные выводы. Причем в скобках надо заметить, что значительная часть русских газет и журналов сохраняли так же весьма настороженную позицию и в отношении Пруссии.

Некоторые из оппозиционных французских публицистов призывали бонапартовское правительство учесть все это и изменить свою линию на Ближнем Востоке с учетом интересов России 20/.

Тревога затронула и дипломатические круги Франции. Затеявая новые поиски компенсаций за усиление Пруссии, они не могли совсем игнорировать настроения России. В начале октября 1866г. французский посол Талейран частным письмом из Петербурга информировал своего нового министра иностранных дел Мустье, что здесь наблюдается заметное охлаждение к Франции и о ней распространяются самые недоброжелательные слухи, а Горчаков, кажется, окончательно повернул в сторону Пруссии 21/.

На Мустье это, видимо, произвело некоторое впечатление, и он счел нужным повторить Будбергу, русскому послу в Париже, заверения в желании достичь все-таки согласия в восточном вопросе 22/.

Взгляды Будберга и Горчакова в оценке французской позиции разошлись. Посол верил в реальность французских заверений и общих авансов, считая, что восточный вопрос имеет для наполеоновской Франции главным образом подсобное значение — средства для урегулирования западных проблем. Он не доучитывал французской экспансии на Ближнем Востоке и силу франкорусских противоречий, возникших на этой почве. Будберг пытался, например, объяснить воздержание Франции от формального предложения относительно отмены ограничений 1856г. на Черном море для России, с одной стороны, зависимостью Франции в этом отношении от Англии и собственного общественного мнения, а с другой — возможным заблуждением относительно ценности этого акта для России. Такое заблуждение могло возникнуть, по словам Будберга, в результате мер по сокращению черноморской эскадры, в последнее время проведенных русским правительством, и из предположения, что "ввиду возрастающей благодаря реформам мощи России" небольшие препятствия, создаваемые договором "отпадут сами собой, когда они действительно станут стесняющими". А если это так, то стоит ли навлекать на себя неудовольствие Англии и другие неприятности ради простой любезности, которая могла бы быть с безразличием принята в России. В таком духе, по предположению русского посла, могли рассуждать в Париже ^{23/}. Весьма успокоительно высказывался Будберг и о намерениях Франции в польском вопросе ^{24/}.

Горчаков уже давно оспаривал заблуждения посла, его попытки приписать Игнатьеву /посол в Константинополе/ пристрастную информацию о поведении французской дипломатии в Константинополе ^{25/}. В докладе царю по поводу переданного через Будберга французского

предложения Горчаков в противсвес мнение посла перечислил важные проблемы восточной политики, где Франция явно демонстрировала отсутствие желаний пойти навстречу России или выработать общую с ней позицию. "Всякий раз, когда французский кабинет нуждается на момент в нашем благоволении, имея в виду расчеты своей европейской политики, — писал Горчаков, — он слепит наши глаза миражем согласия на Востоке, чтобы использовать затем конфиденциальные объяснения, мотивированные этой близостью, для компромисса нас перед Англией и Турцией".

Спыт подобного рода диктовал особую осторожность. Горчакову казалось лучшим не проявлять никакой инициативы, а лишь выразить согласие "откровенно обсудить любое предложение, которое будет сделано тильрийским кабинетом". Но можно думать, что на этот раз царь готов был идти дальше. К такому предположению располагают слова Горчакова в цитируемом докладе: "Если царь все-таки хочет определить содержание разговоров Будберга в Компьене /там находился в это время Наполеон III — Л.Ш./ и сделать шаг вперед вместо того, чтобы ждать его с французской стороны". Эту фразу можно оценить и как чисто литературный оборот, позволяющий Горчакову дальше развернуть на всякий случай программу русских требований, однако известно, что Александр II проявил в эти дни личную инициативу с целью стимулирования русско-французских переговоров. Во время бала у великого князя Константина царь считал нужным воспользоваться случаем для объяснения с французским послом, чтобы рассеять у него впечатление о неблагоприятных Франции настрое-

ениях в Петербурге. "Что касается меня,-- заявил в этой беседе царь,-- я хочу, как и в прошлом, сохранять с вами хорошие отношения. Они нам взаимно необходимы, в особенности сейчас, когда восточный вопрос, кажется, должен прийти в движение с момента на момент"^{28/}.

Так или иначе в докладе царю Горчаков рассмотрел и возможные, с его точки зрения, варианты русских предложений Франции. Он шел к определению того, что Будберг мог бы сказать французам, рассуждая по методу исключения. Во-первых, при всей неустойчивости французской политики все же в ближайшие два года, по мнению Горчакова, Франция вынуждена будет сохранять мир из-за реорганизации армии, перевооружения и в силу других причин. Это даст достаточное время царскому правительству завершить слияние Польши с Россией без необходимости искать специального соглашения с Францией по польскому вопросу. Во-вторых, нет смысла прибегать сейчас к связывающим услугам Франции в отношении отмены ограничений 1856г., так как можно рассчитывать, что вскоре /повод так считать давало Горчакову критское восстание/ последуют перемены в Османской империи и Парижский договор отпадает сам собой. К тому же, подчеркнул Горчаков, "нельзя показывать, что мы помним только о собственных интересах, забывая интересы наших единоверцев"^{29/}.

Вывод Горчакова сводился к тому, что следует заявить в Париже об отсутствии у России личной заинтересованности на Востоке. Россия "имеет в виду только улучшение судьбы христиан и на этой почве

готова вступить в соглашение с Францией". Конкретно можно было предложить Франции совместные действия в Константинополе с целью добиться уступки Крита Греции. Горчаков мало верил в успех этого предложения, но ему казалось, что даже отвергнутое оно принесло бы пользу России, поскольку, склонив его, Франция скомпрометировала бы себя желанием законсервировать нетерпимое статус-кво на острове. Кроме того, предлагалось придерживаться принципа невмешательства в случае, если не удастся предотвратить общий взрыв на Востоке^{30/}.

28 ноября 1866г. Будбергу была направлена конфиденциальная депеша с поручением предложить французскому правительству совместно с Россией добиваться присоединения Крита к Греции, а если это покажется чрезмерным, то хотя бы предоставления Криту автономии по образцу Дунайских княжеств^{31/}.

В частном письме послу Горчаков разъяснял, что решение сделать первый шаг, выдвинув эти предложения, вместо того, чтобы ждать французской инициативы, не означает переоценки в более розовом свете всего прошлого поведения Франции по отношению к России. Однако допустимо, подчеркивал Горчаков, что Франция, положение которой особенно ущемлено последними политическими переменами в Европе, почувствовала необходимость "изменить своим политическим заблуждениям" и сейчас, возможно, "ее желание достичь с нами серьезного соглашения более искренне и опирается на более прочные основания"^{32/}. Кроме того, в Петербурге узнали, что у Франции пока ничего не выходило из сближения с Австро-Венгрией. Это должно было повысить в глазах наполеоновских политиков ценность русской дружбы^{33/}.

Тем не менее послу предписывалось сохранять крайнюю осторожность, диктуемую уроками прошлого.

Через несколько дней в качестве меры предосторожности Горчаков информировал о завязавшихся переговорах русского посла в Великобритании. Брунову рекомендовалось, как только он заметит малейшие признаки использования этого факта французской дипломатией в целях пантажирования Лондона и возбуждения там недоверия к России, откровенно переговорить с английским министром иностранных дел Стенли и даже, в случае необходимости, познакомить того с депешей Горчакова Бундбергу. Горчаков посоветовал послу подобрать к этому моменту сводку фактов, показывающих, что Англия "была первой и долгое время единственной державой, которой мы выражали желание обмена интимными мыслями" ^{34/}

В начале января 1867г. Брунов ввел Стенли в курс дела ^{35/}. Такие же сообщения были сделаны в Вене и Берлине ^{36/}. "Россия не хотела секретного соглашения с Францией и не желала возбуждать подозрения других правительств", — так мотивировались эти акты в официальном отчете царского Министерства иностранных дел ^{37/}. Но главное заключалось в том, что франко-русские переговоры затягивались и не давали повода России для оптимистических надежд на серьезное сотрудничество с Францией. В Париже, по существу, отклонили принцип невмешательства, игравший в этот момент для России важную роль ^{38/}. Не готовая к прямому активному воздействию на события, могущие возникнуть в результате кризиса Османской империи, она была заинтересована связать в какой-то степени невмешательством другие державы. При этом французы пытались дать свою интерпретацию принципа невмешательства, заявляя, что он, мол, исключает всякое сотрудничество Греции

с Сербией и Черногорией в войне против Порты. Это не могло быть принято Россией и оспаривалось ею.

И в остальном французская дипломатия искала своих толкований и существенных оговорок к русским предложениям. После длительного раздумья наполеоновское правительство согласилось поддержать в Константинополе требование передачи Крита Греции и вывода турецких войск из сербских крепостей, однако выдвинуло контрпретензии: Россия должна поддержать интересы Франции на Западе ^{39/}.

Еще в декабре 1866г. Мустье заявил Будбергу, что судьба франко-русского соглашения относительно восточных дел "зависит прежде всего от предварительного согласия петербургского кабинета с политикой, которой обстоятельства могли бы заставить нас следовать на Западе"^{40/}. Этому условия придерживались и в дальнейшем ходе переговоров. В Петербурге в принципе не возражали против подобной координации, но Горчаков настаивал на точном обозначении тех французских проектов на Западе, для которых необходимо было содействие России. Допуская, что и намерения самого французского правительства еще не определились, Горчаков просил доверить ему обсуждаемые варианты. "Нельзя проводить полную аналогию между вашей политикой на Западе, которая может быть только французской, — спешил устансовить грани в соотношении заинтересованности сторон русский вице-канцлер, — и нашей политикой на Востоке, которая в силу существующих обстоятельств может быть только европейской"^{41/}. Намек Талейрана, сделанный тут же на Черное море и ревизию договоров 1856г., как объекты национальной русской политики, не вывел Горчакова из состояния осторожности ^{42/}.

Боясь, что откровенность затруднит переговоры в Берлине, по своей лепетливости требующие глубокой тайны, но вместе с тем стремясь продолжить поиски контакта с Россией, министр иностранных дел Франции Мустье пошел на довольно наивный дипломатический прием. Он снабдил Талейрана вопросником, провоцирующим Горчакова высказать свое отношение к европейской ситуации, к факту усиления Пруссии и к переменам в положении Австрии. Французского министра особенно интересовало, не вызывает ли прусская политика у России ощущения необходимости сближения с Францией ^{43/}. Единственной конкретизацией видов французской политики на Западе, допущенной Мустье, было упоминание, что они не распространяются на земли немецкого происхождения. Конечно, этот намек был достаточен, чтобы позволить Горчакову без труда определить, что речь идет о Бельгии и Люксембурге. Но, заставляя Горчакова самого называть их, Мустье как бы перекладывал на него инициативу формулировки возможных вариантов компенсации Франции за прусское усиление и то, что назвал бы Горчаков /Бельгия или Люксембург/, приобрело бы оттенок русского предложения.

Горчаков был слишком опытным и проницательным дипломатом, чтобы попасть на подобную удочку. "Ну что же, — воскликнул он, когда Талейран ответил ему вопросом на вопрос, — вы спрашиваете, каково мое мнение о проектах, по поводу которых еще не определилось мнение вашего двора. Вы требуете от меня, чтобы я встал на путь предложений и сказал вам, к каким из возможных преектов, несмотря на ваше желание, мы не

могли бы присоединиться. Откровенно говоря, это значит поменяться ролями, и не мне следует вступать в область гипотез. И подвергаясь, помимо прочего, риску внушить Вам мысли и планы, о которых Вы может быть и не задумывались" 44/.

Связанный инструкцией, французский посол не мог сказать больше, чем сказал, а Горчаков, как бы посмеиваясь над его затруднениями, прикинулся простаком и, ухватившись за заверение об отсутствии у Франции намерения нанести ущерб Пруссии или Германии, заметил недоумевающе: "Уж не Иберию ли вы хотите присоединить к себе?" "Нет, — возразил Талейран, — решившись сделать шаг дальше, Пиренеи хорошая граница, но что вы скажете о притязаниях в направлении Люксембурга?"

"О, если это то, что вы хотите, то поясните мне, — отозвался Горчаков, — ... или сердечно прошу прекратить этот разговор" 45/. Так Горчаков отказался принять за предложение кивок Талейрана в сторону Люксембурга и его соседей и не назвал Бельгии. "Слово Бельгия, — информировал Талейран своего министра, — не было произнесено, я думал, однако, что князь Горчаков, а не я должен был произнести это слово первым" 46/. Излияния чувств не получилось. Горчаков "хочет прежде всего ясности, — писал Талейран, — и я убежден, что мы не добьемся от него ничего серьезного, пока не скажем ему откровенно о цели, к которой стремимся" 47/.

Что касается Востока, то французская дипломатия настаивала на оовместных усилиях России в предотвращении здесь кризисных осложнений, на создании серьезных гарантий жизнеспособности Османской империи путем рекомендации ей моральных и материальных улучшений и содействия преодолению финансовых затруднений турецкой

казни. Эти претензии излагались в общем виде. Таким образом, французское правительство не расширявало ни содержания своих интересов на Западе, ни характера тех мер, которыми оно предполагало "не допускать развития восточного вопроса или обеспечить жизнеспособность Порты. Поэтому в Петербурге имели основание подозревать Францию в желании обрести повод оттянуть демарш в пользу Греции и Сербии ^{48/}. Договоренность же об оказании материальной помощи Турции могла легализировать дальнейшее проникновение Франции и Англии в турецкую экономику, тогда как не располагающая свободными финансовыми средствами Россия не способна была использовать открывающиеся этим возможности.

Кроме того, Франция стремилась при рассмотрении критской программы обойти вопрос о положении славянского населения Турции и вместе с тем вышла за рамки русского предложения относительно Греции, выражая намерение, кроме Крита, добиться для Греции лучших границ в Эпире и Фессалии ^{49/}. В России неохотно соглашались с односторонней ставкой на усиление Греции. Этим могло быть ущемлено положение славянских народов Балканского полуострова, и Россия настаивала на том, что для обеспечения спокойствия на Востоке необходимо добиваться действительного улучшения положения и "других христианских народов Турции" ^{50/}. В Петербурге считали, что французская благосклонность к Греции и в этом случае связана с уже не раз проявлявшимся желанием Западных держав использовать Грецию как противовес русскому влиянию, "способный когда-нибудь заменить в этом отношении Турцию" ⁵¹. Помимо того, Горчаков просто находил опасным чрезмерно поощрять греческую активность. "Угнетаемое

народными страстями или провокациями турок" греческое правительство могло при этих условиях решиться на вторжение в Эпир и Фессалию, что, в свою очередь, способно было воодушевить сербов ввести свои войска в Боснию и Герцеговину. Такой поворот событий, по мнению Горчакова, содержал бы угрозу не только для Порты, но и для самих балканских народов. Все могло свестись к "напрасному пролитию крови", так как "ни одна из национальностей, призванных сыграть роль в борьбе, не имела необходимых ресурсов. Причем следовало предвидеть и вмешательство некоторых держав, особенно Австрии, которая под предлогом предотвращения сербской оккупации Боснии и Герцеговины способна была оккупировать их сама с согласия Порты и Европы^{52/}.

У Франции имелись намерения завязать с Австрией антирусскую интригу. Мустье внушал австрийскому послу Меттерниху, что наступил момент серьезно заняться Востоком и беспокойной позицией России, стремящейся подготовить к будущей весне общий взрыв, чему важно вовремя помешать^{53/}.

Однако австрийские планы в это время складывались несколько иначе. В правящих кругах габсбургской империи, потерпевшей крах в германской политике, были довольно сильны реваншистские настроения, и выдвижение Бейста к руководству австрийской политикой являлось одним из доказательств этого. Тем не менее обстоятельства заставляли откладывать осуществление реваншистских надежд на будущее, а пока, чтобы избежать катастрофы, концентрировать внимание на внутриполитических преобразованиях, накапливать новые силы и выжидать благоприятной международной обстановки. При этих условиях Австрия не могла ссориться с Россией. Ей важно было максимально ослабить побуди-

тельные мотивы, сближающие Россию с Пруссией, отвлекли силы и внимание России от европейских дел активизацией ее политики на Востоке, которая неизбежно привела бы к осложнениям во взаимоотношениях России с другими державами.

С другой стороны, поражение Австрии в Германии передвигало центр австрийских интересов на Восток, но общее ослабление и незавершенность внутренней реорганизации не позволяли габсбургской империи предпринять самостоятельные акции в этом направлении. Отсюда тоже возникала известная заинтересованность в поисках контакта с Россией, с перспективой что-нибудь извлечь из взаимной сделки. Наконец, необходимость ослабить национальное движение славянских народов внутри империи и возросшая заинтересованность Габсбургов в завоевании более сильных позиций на Востоке диктовали им заигрывание с программой облегчения положения балканских народов.

Сближение с Францией так же входило в реваншистские планы Бейста, но возможности этого сближения обуславливались самой силой франко-пруссских противоречий, и здесь скорее Австрия могла оказаться увлекаемой стороной в противоположность ситуации, складывающейся в ее отношениях с Россией.

Еще накануне прихода Бейста к руководству австрийским иностранным ведомством влиятельная клерикально-аристократическая газета "Debatte" выступила с заявлением, что Австрия должна содействовать устранению из Парижского договора 1856г. статей, ограничивающих морскую деятельность России, и установлению автономной администрации в "христианских областях турецкой империи"^{54/}. Позднее близкая по установкам статья появилась в "Wiener Zeitung" ^{55/}.

В начале декабря в Петербурге получили информацию, что Бейст намерен держаться программы развития автономии народов Османской империи ^{56/}. Этот принцип автономии он предпочел присоединению Крита к Греции, когда ему сообщили русские предложения от 28/16 ноября. Он утверждал, что отторжение Крита от Турции только возбуждает страсти других народов вместо умиротворения ^{57/}. В отношении же поддержки требования об освобождении сербских крепостей от турецких гарнизонов у Бейста не было возражений.

1 января 1867г. австрийское министерство иностранных дел направило в Петербург депешу, предлагающую содействие Австрии в отмене черноморских ограничений 1856г. и созыв конференции для обсуждения положения на Ближнем Востоке ^{58/}.

Горчаков усмотрел в этом повороте австрийской политики " влияние нашего согласия с Пруссией " и не доверял ему ^{59/}. В Петербурге рассматривали бейстовскую политику, как выражение стремления перехватить у России роль покровительницы славян и превратить австрийскую империю путем либеральных преобразований в некий центр "общеславянского" тяготения. Это не могло без тревоги восприниматься правящими кругами России.

Австрийская инициатива относительно отмены ограничительных статей 1856г. оценивалась в этих кругах как совершенно несвоевременная и опасная для России. Возбуждение этого вопроса создавало недоверие "относительно целей нашей восточной политики, которое мы имели в виду устранить" ^{60/}, и могло, в частности, оказать отрицательное влияние на ход франко-русских переговоров. К тому же результат обсуждения этого вопроса на европейской конференции или в прямых переговорах с европейскими державами был очень сомнителен, а желание Австрии получить за свою "услугу" хорошую плату, и не откладывая на будущее, совершенно очевидно. Австрийская дипломатия

еще раньше зондировала в Петербурге /с отрицательными результатами/ возможность осуществления своих притязаний на Албанию и Герцеговину ^{61/}. Поэтому австрийский аванс нашел холодный прием у русского правительства.

Русский посол в Вене Штакельберг, видимо, по поручению своего правительства сообщил послу Франции герцогу Грамону, что его правительство с неудовольствием узнало о факте возбуждения Бейстом вопроса относительно ревизии договора 1856г., которого оно не имело никакого намерения ставить, и добавил, что если бы Россия хотела что-то требовать в этой области, то, как писал ему в телеграмме Горчаков, она адресовалась бы не к Австрии ^{62/}. Это предупреждение имело важный тактический смысл, так как в Париже категорически отвергли план Бейста, причем у Мустье возникло подозрение, что между Австрией и Россией было достигнуто предварительное согласие по поводу этого плана ^{63/}.

Весь ход переговоров с Францией диктовал царской дипломатии все более осторожную позицию. Мустье пытался внушить Будбергу мысль о необходимости письменно зафиксировать взаимные обязательства, в отношении которых уже достигнута договоренность ^{64/}, но в России считали преждевременным и даже невозможным письменное оформление существующих отношений. То, что было достигнуто, никак не оправдывало обособление этим соглашением России от других держав. "Франция до сих пор не предложила России никаких специальных выгод, а требует очень много", -- считал Горчаков ^{65/}. Было дано понять в Париже, что во всяком случае действия Франции на Востоке должны предшествовать помощи, которую Россия могла бы ей оказать на Западе ^{66/}.

В июле 1867г. Наполеон III предложил осуществить одновременный демарш в Берлине в пользу реализации У статьи Пражского мира о возврате Северного Шлезвига Франции ^{67/}. Прямая заинтересованность Франции в этом вопросе была проблематичной, тогда как Россия проявляла несомненный интерес к датским делам и Горчаков подзревал, что в Париже избрали эту тему, желая втянуть Россию в активную антипрусскую политику на Западе ^{68/}. " у России не было оснований отклонять это предложение -- писал Горчаков, -- но надо было, чтобы мотивы, руководящие Россией, не были смешаны со стремлением Наполеона использовать вопрос как повод для враждебной Пруссии демонстрации" ^{69/}. Горчаков ограничился строго конфиденциальным обещанием к Бисмарку, хотя Франция придала своему демаршу настойчивый безапелляционный характер, способствующий осложнению франко-прусских отношений ^{70/}.

Между тем в ходе переговоров по Востоку возникали лишь новые мотивы для укрепления в Петербурге чувства разочарования и сомнения в возможности эффективного сотрудничества с Францией.

В течение более пяти недель после достижения не- которого согласия по критским делам между Россией и Францией Мустье не направлял соответствующей инструкции французскому послу в Лондоне. Затычка с действиями была не в пользу канлиотов, силы которых иссякали. "Не хочет ли маркиз Мустье предложить автономию Крита, когда турки станут победителями, а греки мертвецами?? ^{71/} писал Бруннов. Наконец, переданное 21 января лорду Стенли сообщение Французского правительства отличалось от того, что говорил французский посол в Петербурге и что говорили русскому послу в Париже. В предложении английскому правительству совершенно умалчивалось о необходимости предусмотреть какие-то средства дав-

ления в случае, если Порта откажется принять предложения держав ^{72/}.

Хотя Англия отвергла французский план присоединения Крита к Греции и расширения греческих границ в Эпире и Фессалии /Россия, Австрия и Пруссия поддержали это/ и согласилась лишь посоветовать Турции /без всякого давления/ предоставить Криту автономные права, Наполеон в своей речи при открытии сессии Законодательного корпуса счит нужным демонстративно заявить о так называемом полном согласии западных держав, тогда как о России было сказано лишь, что она решила не отделяться от политики Франции на Востоке. Таким образом, России отводилась второстепенная, подчиненная роль, с которой царское правительство в отношении Востока не могло согласиться ^{73/}.

В эти дни в Петербурге имели, кроме того, особые основания для недовольства поведением Франции в критском вопросе. Франция, желая нейтрализовать Англию в континентальных делах, связанных с судьбой Люксембурга, сближалась с английской политикой на Востоке. Она проявляла нежелание принять идею коллективного демарша в Константинополе, выдвинутую Россией, ее посол дезавуировал теперь свои советы, данные Порта в отношении уступок киприотам. В этой связи Будбергу было поручено заявить в Париже, что французское поведение воспринимается как проявление дурной воли или отсутствие искренности ^{74/}. К тому же Франция, потерпев неудачу в притязаниях на рейнские земли, затеяла переговоры с Пруссией относительно аннексии Бельгии и Люксембурга ^{75/}.

В этом свете все более тускнела в глазах России надежда на успешное установление полезных и выгодных контактов с наполеоновской империей. Даже перспектива близкой войны с Пруссией, так явственно опреде-

лившаяся в связи с конфликтом из-за Люксембурга в 1867 году, не изменила существенно французской политики в отношении России. Это обнаружилось достаточно ясно во время визита Александра II и Горчакова в Париж в связи с открытием там Всемирной выставки летом 1867 года. Личные переговоры Горчакова с Наполеоном и Мустье не продвинули практически выработку общей позиции. Мустье, исключая вопрос о коллективном демарше в Константинополе, во всем остальном касательно русских планов на Востоке не вышел за пределы расплывчатых философских рассуждений. В таких выражениях оценил результаты переговоров сам Горчаков ^{76/}. Французский министр, недавно планирующий передачу Греции не только Крита, но и Эпира и Фессалии, теперь говорил о необходимости выждать, пока сработает естественная потребность в освобождении Крита, и не спешил о передаче острова Греции, чтобы не стимулировать другие территориальные претензии греков ^{77/}.

В конце 1867 года французская официальная печать в ответ на декларацию царского правительства о невмешательстве развернула ожесточенную антирусскую кампанию с целью скомпрометировать декларацию и изобразить Россию в качестве тайного возбуждателя страстей на Крите. Эта кампания была поддержана Австрией ^{78/}.

Свидание в Зальцбурге Наполеона III и Франца-Иосифа / 18/22 августа 1867г./ стало рассматриваться в Петербурге как подтверждение уже распространявшихся слухов о начавшемся франко-австрийском сближении. Новые осложнения римского вопроса осенью 1867г., в котором и Париж и Вена занимали одинаково проапскую позицию, способствовали усилению общности их действий на Востоке и в то же время отрицательно отзывались на франко-русских контактах ^{79/}. В австрийской политике крепили враждебные России тенденции. Горчаков видел в этом

последствие реорганизации австрийской империи " на базе мадьяро-германского дуализма" 80/.

В начале 1868 г. после совещаний Горчакова с Бундербергом и Игнатьевым, находившимися в это время в Петербурге, исходные позиции русской политики были определены в следующих выводах: 1. "Всякое движение на Востоке было бы несвоевременно и опасно", ибо ни Россия, ни балканские народы не готовы к решающей битве, а в Европе сохраняется мир. 2. Используя все усилия для умиротворения, Россия должна не переставать высказываться " в пользу наших единоверцев", всемерно укрепляя традиционные связи с ними. 3. Не отказываясь от улучшения отношений с Францией, Россия вынуждена признать, что Пруссия сейчас "единственная держава, способная стать сравнительно прочной опорой нашей политики" 81/.

Франции пришлось тяжело расплачиваться за грубейшие просчеты Второй империи. Изолировав себя от России, подтолкнув Россию к вынужденному сближению с Пруссией, она стала в 1870 - 1871 гг. сравнительно легкой жертвой прусского милитаризма.

Это один из важных уроков истории, свидетельствующих о том, что дружба Франции и России являлась в разные времена существенной предпосылкой устойчивого положения Франции в Европе и препоной для развертывания германской агрессии. Наиболее дальновидные и трезвые из современных политических деятелей Франции хорошо понимают это, ориентируясь на улучшение франко-советских отношений.

О.Г. РАДЬКОВА

БОРЬБА КЛАРЫ ЦЕТКИН ЗА ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ЖЕНЩИН
/1905-1907 гг./

Клара Цеткин рассматривала решение вопроса о равенстве женщины с мужчиной в государственной и общественной жизни как составную часть борьбы рабочего класса за преобразование общественных отношений. Лишь с победой социализма может быть достигнуто освобождение женщин от всех форм угнетения. Но, участвуя в рабочем движении, трудящиеся женщины еще при капитализме могут добиться расширения своих прав в политической, экономической и семейной жизни, что в свою очередь сказывается на повышении их сознательности и политической активности.

Приобщение женщин к активному участию в политической жизни являлось не простым делом, ибо на протяжении многих веков женщины воспитывались в духе пассивности и ограниченности, были лишены всех политических и гражданских прав. В Германии общенеперская конституция 1871 г., провозглашавшая всеобщее избирательное право при выборах в рейхстаг, отказывала женщинам в политическом равноправии. В конце XIX - начале XX в. во всех странах женщины не имели права голоса на выборах в государственные органы^{1/}.

I Интернационал и марксистские социалистические партии II Интернационала, борясь с левомарксистскими теориями, проповедывавшими необходимость исключения женщин из сферы производства и возвращения их к домашнему очагу, сыграли большую роль в деле воспитания у женщин классового сознания, преодоления вековых традиций. Учредительный конгресс II Интернационала в 1889 г. потребовал полного равноправия женщин с мужчинами во всех сферах общественной жизни.^{2/} На Амстердамском конгрессе

в 1904 г. социалисты приняли специальную резолюцию о политических правах женщин, где говорилось, что " в борьбе, которую ведет пролетариат для завоевания всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права в центральные и местные органы, социалистические партии должны провозгласить в законодательных учреждениях избирательные права женщин, специально напоминать о них при агитации и защищать со всей энергией"^{3/}. Однако с распространением оппортунистических тенденций в партиях II Интернационала требование политического равноправия женщин становилось все более формальным, все меньше делалось для претворения этого принципа в жизнь ^{4/}.

В годы массового движения за избирательную реформу, начавшегося под влиянием первой русской революции, оппортунисты некоторых партий из-за тактических соображений сняли с повестки дня требование избирательного права женщин. В Швеции, Бельгии, Голландии они мотивировали исключение этого требования тем, что оно якобы затрудняло введение всеобщего избирательного права для мужчин ^{5/}. В Австрии это требование также было снято. Выступая в принципе за всеобщее избирательное право, австрийские социал-демократы ради достижения избирательного права для мужчин "сочли удобным не выдвигать в агитации на первый план требование избирательных прав и для женщин"^{6/}. В Англии независимая рабочая партия во главе с К.Гарди выступила за ограниченное избирательное право женщин, мотивируя это тем, что оно якобы представляет собой шаг ко всеобщему избирательному праву ^{7/}.

Социал-демократическая партия являлась единственной в Германии политической организацией, признававшей справедливой борьбу за эмансипацию женщины. В Эрфуртской программе она потребовала "уничтожения всех законов, которые ставят женщину в неравноправное положение по отношению к мужчине"^{8/}. В 1895г. социал-демократическая партия впервые внесла в рейхстаг запрос о введении во всех союзных государствах Германии избирательного права для всех граждан, без различия пола. Революционные марксисты в партии постоянно защищали интересы женщин. Ревизионисты же пытались увести работниц с пути классовой борьбы в область социальных реформ, предприняв в нач. XXв. наступление на марксистское положение о необходимости профессионального труда женщин для достижения ими равноправия во всех областях общественной жизни. В 1905 г. Э. Фишер заявил в печати, что "так называемая эмансипация женщины противоречит ее естеству и вообще природе человека", потребовал запрета производственного труда женщин^{9/}.

Э. Бернштейн в интервью парижской газете "Revue Socialiste", проводившей опрос мнений известных социалистов по вопросу избирательного права женщин, заявил: "По моему мнению, вопрос избирательного права женщин не является вопросом номер один для социализма и для рабочего движения. Он представляет собой в большей мере требование справедливости, чем практического интереса для всеобщего освободительного движения. Большинство женщин и даже женщин - работниц относятся к нему весьма равнодушно. Поэтому я делаю вывод, что вопрос избирательного права женщин не должен занимать преимущественного положения в ряду

требований, выставляемых рабочим классом. Я не колеблюсь поэтому в том, чтобы подчинить его неотложным задачам движения, и даже голосую против введения избирательного права женщин, если буду убежден, что это нанесет серьезный ущерб неотложным требованиям "10/

В этой обстановке перед революционными марксистами встала задача защитить пролетарскую точку зрения в вопросе политических прав женщин, показать трудящимся значение и необходимость борьбы за предоставление женщинам избирательных прав. Теоретический орган германской социал-демократии "Die Neue Zeit" указывал: "Вопрос о нашем отношении к женскому избирательному праву является важнейшим среди тех, которые нуждаются в ясности" II/.

Клара Цеткин подходила к данному вопросу с марксистских, классовых позиций, понимая, что есть принципы, которыми рабочий класс в своих собственных интересах не должен жертвовать. На конгрессах II Интернационала, съездах социал-демократической партии, женских пролетарских конференциях, массовых рабочих, партийных, женских собраниях, в печати она указывала на важность борьбы за гражданские права женщин, призывала рабочих защитить интересы работниц, призывала трудящихся женщин бороться за свои права. Клара Цеткин заявляла, что "оставлять в тени требования избирательных прав для женщин ни в коем случае не следовало, что австрийцы оппортунистически жертвовали принципом ради соображений удобства, что они не ослабили, а усилили бы размах агитации и силу народного движения, если бы также энергично отстаивали и избирательное право женщин" 12/. Она подвергла также резкой критике англичанок, блокировавшихся с буржуазными реноправками

и считавших, что для работниц подойдет ограниченное избирательное право. На страницах редактируемого Кларой Цеткин журнала работниц "Die Gleichheit" постоянно уделялось внимание вопросам женского равноправия, периодически печатались статьи, вносившие ясность в вопрос женского избирательного права. В особенности в 1905-1907 гг. журнал сконцентрировал свое внимание на борьбе за политические права женщин ^{13/}.

По мере роста классовой сознательности и организованности трудящиеся женщины все острее ощутили свое политическое бесправие. Под влиянием первой русской революции в Германии началось массовое движение, направленное против трехклассного избирательного закона в Пруссии, а также против ограничений избирательного права, существовавших в других государствах Германии. Важное место в нем занимала борьба за предоставление женщинам права голоса. Кларе Цеткин выдвинула требование избирательного права женщин в этот период на передний край в агитационно-пропагандистской работе германских социал-демократок. К данному вопросу они подходили принципиально, рассматривая его не изолированно, а в связи со всеобщей борьбой пролетариата за демократизацию избирательного права.

Центральное доверенное лицо работниц Германии Оттилия Баадер потребовала, чтобы местные партийные организации и социал-демократическая пресса в ходе борьбы против трехклассного избирательного закона активно выступили и за введение избирательного права женщин ^{14/}.

В январе 1906 г. рабочие Гамбурга провели первую в истории Германии политическую стачку в связи с проектом ухудшения избирательного права по выборам в сенат "вольного города". Работницы приняли актив-

ное участие в этой стачке^{15/}. Луиза Циц, которую В.И. Ленин назвал "выдающейся немецкой социал-демократкой", организовала в эти дни в Гамбурге и его окрестностях без разрешения Правления партии несколько собраний женщин, на которых призвала гамбургских работниц вступить в борьбу за свои гражданские права^{16/}.

Пролетариат Саксонии на массовых митингах требовал всеобщего избирательного права как для мужчин, так и для женщин. "Leipziger Volkszeitung" писала: "Мы требуем предоставления избирательного права и для женщин. Как раз в Саксонии, где в текстильной промышленности и в других отраслях заняты⁴ десятки тысяч женщин, их политическое бесправие является особенно гнусной несправедливостью"^{17/}.

По всей Германии работницы активно включались в борьбу за всеобщее избирательное право. Власти отвечали на это репрессивными мерами. Так в Эрфурте, Даме и других местах было запрещено участие женщин в массовых собраниях, проходивших 21 января 1906г.^{18/}

На женской пролетарской конференции в Мангейме, состоявшейся в 1906г., вопрос об избирательных правах женщин являлся центральным вопросом повестки дня. Клара Цеткин сделала интересный доклад, позже опубликованный отдельной брошюрой^{19/}. В этом докладе она вскрыла причины, поставившие вопрос о политических правах женщин на повестку дня. По ее мнению, события в России перенесли этот вопрос "из области чисто принципиально - программной в область практических требований, в область программы действий"^{20/}.

Клара Цеткин указала, что требование избирательного права женщин является прежде всего буржуазно-демократическим требованием. Буржуазия, борясь за

власть, выступила и за политическое равноправие женщин. В годы Великой французской революции это требование выставлялось в петициях Национальному собранию. Но, придя к власти, буржуазия отказалась от предоставления женщинам политических прав. Позже борьбу за женское избирательное право вели французские социалисты - утописты Сен-Симон, Фурье и их ученики. В Англии в 1867г. Джон Стюарт Милль, поборник равноправия женщины, внес в парламент запрос о введении избирательного права для женщин. Однако лишь тогда, когда началось массовое вовлечение женщин в общественное производство, вопрос о предоставлении им политических прав приобрел новое социальное звучание.

Клара Цеткин отметила, что хотя и "все женщины без различия классов смотрят на свое политическое равноправие как на средство свободного и полного развития их жизни и общественной деятельности"^{21/}, все же избирательное право имеет различное содержание для женщин господствующих классов и женщин-работниц. Для представительниц крупной буржуазии обладание политическими правами не играет большой роли, им достаточно кошелька". Женщины средних классов нуждаются в избирательном праве, так как зачастую вынуждены искать применения своим силам на рынке труда. Клара Цеткин провела резкую грань между значением избирательного права для буржуазных женщин и для работниц. Она указывала: "Для буржуазных женщин социальные реформы в конечном счете являются средством к поддержанию существующего буржуазного строя. Пролетарка же нуждается в избирательном праве не только для борьбы с мужской половиной своего же класса, но также - и это прежде всего - для борьбы с классом капиталистов"^{22/}.

Клара Цеткин подвергла резкой критике бельгийских и австрийских социал-демократов, отказавшихся от требования избирательного права женщин в борьбе за избирательную реформу. Она остановилась также на позиции буржуазных партий в отношении женского избирательного права, отметив, что, стремясь приобрести влияние среди женщин, они начинают отказываться от своих негативных взглядов на эмансипацию женского пола. Так, например, партия центра поддерживала в баварском ландтаге петицию феминистского союза "Благо женщины" о предоставлении женщинам избирательного права.^{23/} Далее в своем докладе Клара Цеткин отметила, что германская социал-демократия "всегда вела борьбу за избирательное право как борьбу за равные права мужчин и женщин"^{24/}, указала, что этому принципу партия должна остаться верна и в будущем.

В резолюции, предложенной конференцией Кларой Цеткин и принятой единогласно, говорилось: "Четвертая конференция женщин-социалисток в Мангейме заявляет, что в борьбе, которую ведет пролетариат за всеобщее, прямое и тайное избирательное право при выборах в государственные и муниципальные представительные учреждения, должно быть выставлено также и требование избирательного права для женщин, при этом следует проводить это требование и вести агитацию за его осуществление"^{25/}.

Борьба между революционной и оппортунистической линией в вопросе избирательного права женщин развилась на Первой Международной женской социалистической конференции в Штутгарте в 1907г. Созывая конференцию, Клара Цеткин стремилась объединить

силы международного женского пролетариата в борьбу за демократические права и свободы, за мир и прогресс.

Отчеты делегатов о движении работниц в разных странах в целом свидетельствовали о том, что женское движение возникло в большинстве стран, однако оно не стало еще массовым, зачастую было проникнуто реформистскими иллюзиями ^{26/}.

Во вступительной части резолюции, предложенной Кларой Цеткин конференции, указывалось, что требование всеобщего избирательного права соответствует буржуазно-демократическим требованиям, представляет собой необходимый элемент экономической эмансипации женщины при капитализме. В основной части резолюции отмечалось, что работницы борются за избирательное право не в союзе с буржуазными женщинами, а в тесном единении с социалистическими партиями. Резолюция отвергла ограниченное избирательное право женщин и констатировала, что единственно приемлемым принципом для социал-демократии является требование избирательного права для всех совершеннолетних без различия пола и без ценза. Резолюция призывала социалисток всех стран принимать активное участие в борьбе своих партий за демократизацию избирательного права, защищать в этой борьбе требование всеобщего избирательного права женщин ^{27/}. А. Коллонтай указывала: "Требую от социалистических партий признания всей важности практической борьбы за политическое равноправие женщин, резолюция имела вместе с тем в виду провести резкую грань между буржуазным феминизмом и женским пролетарским движением" ^{28/}.

Резолюция немецких социал-демократок встретила сопротивление со стороны делегатов Австрии и Англии. Социал-демократки Австрии внесли свой проект резолюции. Будучи яркими противницами феминизма, они не собирались действовать с буржуазными равноправками, однако, защищая на конференции свою тактику, применяемую в борьбе за всеобщее избирательное право, они стремились доказать, что при наличии определенных политических условий допустимо исключение одних требований ради достижения других. Англичанки внесли в резолюцию поправку, в которой предлагали признать выработку тактики делом каждой организации, пытаясь тем самым добиться оправдания сотрудничества с феминистками.

Большинство делегатов, среди которых были представительницы России, Финляндии, социал-демократической федерации Англии, поддержали резолюцию немецкой делегации ^{29/}. Социал-демократки Германии решительно встали на защиту своей классовой политики. Луиза Циц в яркой речи призвала социалисток принципиально подходить к избирательному праву женщин. Одна лишь Лили Браун, представительница ревизионизма в немецком женском пролетарском движении, поддержала английскую поправку и австрийскую резолюцию. Она отказалась осудить англичанок за их сотрудничество с феминистками, одобрила тактику австрийской социал-демократии, рекомендовала немецкой социал-демократии быть более уступчивой в борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии ^{30/}.

При принятии резолюции австрийские и английские социалистки оказались изолированными. Большинством в 47 голосов против II была принята резолюция Клары Цеткин. Адельгейд Попп сняла резолюцию своей делегации и решила перенести борьбу на Международный социалистический конгресс, обвинив конференцию в непонимании австрийской тактики.

Проходившая при непосредственном идейном руководстве Клары Цеткин Первая Международная женская социалистическая конференция стала символом пробуждения широких масс женщин — работниц. Она заняла принципиальную позицию в вопросе избирательного права женщин, отвергнув сторонников блока с феминизмом, осудив практический оппортунизм австрийской социал-демократии. Конференция прошла под знаком борьбы за революционный марксизм.

Принятая на конференции резолюция об избирательном праве женщин была внесена на Международный социалистический конгресс, проходивший одновременно с конференцией. Конгрессом была создана комиссия по вопросу об избирательном праве женщин, в состав которой от Германии вошли Клара Цеткин, Пауль Зингер, Эмма Иерер и Луиза Циц^{31/}. При обсуждении этого вопроса в комиссии столкнулись различные точки зрения — буржуазная и пролетарская.

Клара Цеткин, предлагая в комиссии принять за основу проекта резолюцию женской конференции, настойчиво добивалась отклонения социал-демократией в принципе ограниченного избирательного права женщин^{32/}. Резолюция Клары Цеткин исключала возможность оппортунистического толкования избирательного права женщин. Эта была точка зрения революционных социал-демократов.

В противоположность ей Виктор Адлер и Адельтейд Попп, оправдывая тактику австрийской социал-демократии в вопросе избирательного права женщин, добивались устранения из проекта резолюции требования бороться за всеобщее избирательное право и для мужчин и для женщин. Англичанка Макмиллан оправдывала и считала достаточным требование для женщин ограниченного избирательного права. Клара Цеткин решительно защищала пролетарскую линию, подчеркивая, что это "вопрос не тактики, а принципа, которому социал-демократия должна оставаться верной при любых условиях" ^{33/}.

В комиссии после споров победила точка зрения революционных социал-демократов. Поправка В.Адлера, предлагавшая социалистическим партиям отдельных стран определять сроки и методы, когда они выступят за избирательное право женщин, была отклонена 12 головами против 9. В.И.Ленин, внимательно следивший за обсуждением вопроса об избирательном праве женщин на конференции и конгрессе, заметил по поводу поправки В.Адлера: "В этой поправке говорится только о том, чтобы не было перерыва в борьбе за избирательное право действительно для всех граждан, а не о том, чтобы борьба за избирательное право велась всегда с требованием равенства прав мужчин и женщин" ^{34/}.

По предложению англичанки Ку комиссия добавила к резолюции абзац, в котором говорилось, что международный конгресс не имеет возможности определить для каждой страны момент борьбы за демократизацию избирательного права, но, если эта борьба началась, то она должна вестись на основе социалистических принципов, с выставлением требования всеобщего избирательного права одновременно и для мужчин и для женщин" ^{35/}.

На пленарном заседании конгресса Клара Цеткин осветила вопрос о борьбе за избирательное право женщин в связи с новыми условиями развития и задачами рабочего движения. Она указала, что работницы могут завоевать избирательное право "только в классовой борьбе всех угнетенных без различия пола против всех угнетателей тоже без различия пола" ^{36/}. Клара Цеткин характеризовала новый этап рабочего движения как период обострения классовой борьбы и появления новых методов ее, в частности, массовой политической стачки. Она отметила значение русской революции для подъема революционного движения пролетариата многих стран, указала на активное участие женщин - работниц в классовых битвах ^{37/}.

Резолюция, предложенная комиссией конгрессу, была принята подавляющим большинством, против голосовала только фабианка Марби, питавшаяся "защитой допустимости социалистической борьбы за ограниченное избирательное право женщин, т.е. не всеобщее, а цензовое" ^{38/}. Социалистические партии, принимая эту резолюцию, обязывались вести борьбу за избирательное право женщин так, как и за избирательное право вообще, требовать всеобщего избирательного права для всех совершеннолетних без различия пола. Резолюция подчеркивала, что избирательное право женщин является лишь средством в борьбе за полное равноправие женщин, которое должно быть завоевано не в борьбе между полами, а в классовой борьбе с буржуазией.

В.И. Ленин очень высоко отзывался о Кларе Цеткин за ее поведение на конференции и на конгрессе, он причислял ее к наиболее вдумчивым и выдающимся вожакам мысли немецких социал-демократов ^{39/}, использовал ее статьи о Штутгартском конгрессе, напечатанные в "Die Gleichheit", для своих отчетов о конгрессе.

Итак, в годы массового движения за избирательную реформу, развернувшегося под влиянием первой русской революции, Клара Цеткин решительно выступила в защиту пролетарского принципа в вопросе избирательного права женщины, считая, что оно является важным средством в деле воспитания классового сознания женских пролетарских масс. Клара Цеткин внесла большой вклад в победу марксистского положения о необходимости борьбы за политическое равноправие женщин.

Г.М. ТРУХНОЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ РЕАКЦИИ В ГЕРМАНИИ В ПЕРВЫЕ
ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ /1919-1922 гг./

Классовые бои, развернувшиеся в Германии в начальный период жизни Веймарской республики, переплетались со сложными внутренними процессами, происходящими в среде мелкой буржуазии и интеллигенции. Старые устои немецкого Мидхеля под влиянием военного поражения и особенно Версальского мира чрезвычайно пошатнулись и в результате усилилась поляризация городского бюргерства. Значительные экономические и политические перемены, происшедшие в результате разгрома германского империализма и ноябрьской революции, оказали огромное влияние на умонастроение бюргерства. После войны в среде мелкой буржуазии ускорился процесс дифференциации и обнищания, а это, в свою очередь, создавало предпосылки ее поворота вправо.

Революция 1918 г. хотя и покончила с монархическим режимом в стране, но оставила нетронутыми позиции тех сил, которые ненавидели республику. Опираясь на мощь монополистов и юнкеров, пользуясь попустительством местных и центральных властей, фашиствующие элементы получили возможность без помех широко пропагандировать антиреспубликанские идеи.

Антиреспубликанские настроения находили отклик у людей, сильно пострадавших от инфляции, потерявших свои сбережения и, следовательно, лишившихся уверенности в завтрашнем дне. Десятки тысяч немецких мелких рантье разорились. Серьезные материальные затруднения испытывала и интеллигенция. Она переживала горькие дни и во всех своих бедах винила республику.

Именно об этом и писал чиновник Эрих Россман бургомистру Штуттгарта: "Хозяйственные и политические последствия Версальского договора, — отмечал он, — ставят под вопрос республиканско-конституционное влияние на многих жителей нашей страны. Большинство немцев никак не могут признать нового государственного строя. Люди умственного труда приходят к заключению, что новый режим ничего хорошего стране и народу не дал. Выдающиеся личности Германии, игравшие значительную роль в экономической и духовной жизни, также убеждены в том, что республика принесла стране лишь обнищание, разруху и одиночество" ^{1/}.

По всей Германии реакционные круги подогревали настроение обреченности и старались раздувать пламя ненависти к республике. Во второй половине 1922 г. они развернули бурную деятельность в пользу возвращения кронпринца в Германию. Это была широко задуманная демонстрация в пользу Гогенцоллернов. Одновременно в Рурской области и в Южной Германии подняли голову сепаратисты, которые были связаны с баварским королевским домом Виттельсбахов. Все это вызвало беспокойство даже у руководства социал-демократии. Так, например, видный деятель СДПГ Гейльман в письме к своему коллеге прусскому министру культуры Генишу жаловался, что в городах Эссен, Дюссельдорф, Дуйсбург, Обергаузен, Бармен, Оберфельд, Золинген проводилась усиленная монархическая пропаганда ^{2/}. Однако органы государственной безопасности, во главе которых стояли социал-демократы, не принимали никаких мер против нарушителей порядка. Иные социал-демократические лидеры с первых дней революции заключили союз с контрреволюционным отребьем для борьбы с пролетариатом.

С целью обуздания революционных рабочих, они стали создавать уже в конце 1918г. из монархического офицерства вооруженные банды.

Прусское и имперское правительства сочувственно относились к кампании в поддержку наследного принца Гогенцоллерна, но опасались реакции общественности. Вот что писал по этому поводу министр внутренних дел Германии прусскому министру просвещения: " Уже не раз в правительственных кругах поднимался вопрос о возможности возвращения кронпринца на родину. Однако как бы нам не хотелось, но в данное время это трудно осуществить как по внутренним, так и по внешним причинам. Возвращение принца может вызвать серьезные волнения в стране" ^{3/}.

На протяжении ряда лет существования Веймарской республики в Германии господствовал режим осадного положения. Конституция со всеми ее статьями покоилась под сукном. Президент республики, опираясь на кучку генералов, правил по законам военного времени. Все внимание сменявших друг друга правительств Германии было обращено на то, чтобы наращивать силы для подготовки и проведения новой реваншистской войны. Выполнение данной задачи в сложных условиях послевоенной Германии требовало огромного экономического напряжения. Подготовка большой тайной армии проходила в своеобразной обстановке. Версальский договор обязал Германию сократить свою армию до ста тысяч человек. В 1920 г. правительство приступило к выполнению военных статей договора. В результате значительное число офицеров осталось на время без дела. Однако неопределенное положение этих преторианцев длилось недолго, из них был создан костяк так называемых добровольческих корпусов, предназначенных для борьбы

с революционными рабочими. Вскоре эти милитаристские формирования объединились с теми черносотенными союзами, которые существовали еще с конца 1918г. В последующий период все они вместе составляли вооруженную силу контрреволюции. Параллельно с ними росли, как грибы после дождя, различные националистические союзы, которые открыто проповедовали фашистские идеи.

В 1919г. в Германии существовало множество студенческих военизированных союзов, которые сражались с революционным пролетариатом под руководством Носке; при их помощи было кровавым образом подавлено выступление берлинского пролетариата в январские дни 1919г.

Немалую роль в организации офицерских и студенческих товариществ сыграли социал-демократические вожди Германии. Так, например, в докладной записке прусского министра просвещения социал-демократа Геншта своему собрату по партии министру - президенту Пруссии Брауну мы находим прямое указание на это ^{4/}.

Действия контрреволюционной камарильи с ее ландскнехтами были должным образом оценены монополистическими кругами немецкой буржуазии. Они щедро финансировали эти формирования. Еще в начале декабря 1918г. Немецкий промышленный совет предоставил в их распоряжение 500 миллионов марок. Через год эта сумма была удвоена. А позднее в кассы террористических союзов уже потекли миллиарды ^{5/}. Начиная с 1920 г. каждый предприниматель Германии ежемесячно отчислял в пользу тайных фашистских организаций известный процент. Особенно крупные суммы нацистские круги получали от Стайнесса, Тиссена, Флика, Борзинга и Круппа ^{6/}.

Фашистская клика в Германии с первых дней своего существования спиралась на кайзеровское офицерство.

Она была тесными узами связана с "республиканским" рейхсвером. "Свои первые уроки социальной и националистической демагогии Гитлер получил летом 1919 г. на курсах секретной политической агентуры рейхсвера"^{7/}.

Как в Италии, так и в Германии имущие классы во главе с юнкерами и крупными монополистами использовали фашистские банды, этих крестоносцев капитализма для борьбы с революционным движением. В своем выступлении на XI Пленуме Исполкома Коминтерна 25 марта 1931 г. З. Мануильский, касаясь вопроса о фашизме, отметил: "Фашизм есть запоздалый исторический выкидыш средневековья. Он продукт монополистического капитализма, основанного на концентрации и централизации капитала при росте трестов и картелей, ведущих к чудовищной централизации всего аппарата угнетения масс"^{8/}.

С первых своих шагов нацистские круги показали на деле, что "монополистический капитал порождает идеологию крайнего шовинизма и расизма"^{9/}. Это и подтвердилось позднее практической деятельностью фашистских правительств, которые при помощи социальной демагогии прокладывали себе путь к массам. Немецкая разновидность фашизма возникла в господствовавшей тогда в Германии мрачной атмосфере заговоров, тайных судилищ и политических убийств из-за угла. Организаторы фашистских союзов в Германии стремились привлечь на свою сторону те социальные слои немецкого народа, которые были недовольны республиканским порядком. Потому кроме обычных приемов запугивания и преследования своих жертв они пускали в ход демагогию и антисемитизм.

Будучи выходцами из самых реакционных кругов общества, нацисты боролись против всего живого, растущего и прогрессивного. Они "ненавидели человека из народа"^{10/}, презирали все, что не вязалось с их моралью

и идеологией; они были готовы совершить любое преступление, лишь бы "спастись от пролетаризации" ^{11/}. Применяя яд лжи и вероломства, тевтонцы 20 века прибегали к неслыханному террору. Моральный кодекс этих носителей "нового порядка" был с самого начала кодексом убийц, они применили его на практике, когда встали у власти.

После того как фашисты в Германии взяли бразды правления в свои руки, они стали распространять бандитские методы не только во внутренних, но и во внешних делах ^{12/}.

Нацизм в Германии воплотил в себе самые отвратительные черты прусского юнкерства. При этом он явился не просто модернизированным прусачеством. Следует помнить, что как ни "реакционно" было прусачество, сколько ни несло оно в себе темных черт, оно все же обладало определенными понятиями о чести и в ходе столетий вынуждено было пойти на некоторые либеральные уступки, предоставить хотя бы ограниченные правовые гарантии. Начисто лишенный всякой чести Гитлер воспринял в качестве составного элемента своей новой теории и практики все реакционное, что было в прусачестве" ^{13/}.

Поэтому фашизм в Германии был олицетворением политической безразличности, соединенной с жесткостью. Ему были присущи садизм и алчность, высокомерие и невежество. Несмотря на исключительную спесь, коричневые молодчики становились "героями" только по отношению к слабым и беззащитным. Высшим принципом во всей этой иерархии служило человеконенавистничество. Именно немецкие фашисты своими зверствами подтвердили, что "принцип деспотизма это -- презрение

к человеку, обесчеловеченный человек" 14/.

Германский фашизм с самого начала выступал как авангард контрреволюции в борьбе с революционно-прогрессивным движением. являясь преступным орудием в руках промышленных и земельных баронов, нацизм выполнял двойную задачу: во-первых, методом террора он физически истреблял революционные силы рабочего класса и, во-вторых, при помощи демагогии отравлял националистическим ядом сознание широких кругов народа. Кроме того, монополисты рассматривали фашистские боевые союзы как резерв "урезанных по Версальскому договору вооруженных сил Германии" 15/. На протяжении всего периода существования Веймарской республики фашисты занимались массовыми убийствами ни в чем не повинных людей, начав это с январской бойни 1919г. Уже тогда, под руководством социал-демократических вождей Шейдемана, Носке, Эберта и других, были выдвинуты на авансцену такие убийцы, как обер-лейтенант Марло, капитан Эрхард, полковник Бауэр, майор Пабст и десятки подобных двуногих зверей 16/.

За разгромом революционных сил в Германии в 1919г. последовал капповский путч, который не удался из-за выступления пролетариата в защиту республики. Но вместе с тем реакция извлекла определенные уроки из своего поражения. Она стала применять в дальнейшем более гибкие приемы, стремясь создать себе массовую опору в стране.

После разгрома Советской республики в Баварии в мае 1919 г., Мюнхен стал штаб-квартирой фашистских орд. Здесь возникла и организационно оформилась нацистская партия. Первая политическая организация, основанная

фашизмом, названа была рабочей. Чуть позднее создается и вторая партия на севере Германии под наименованием "Немецкой народной партии свободы" ^{17/}.

Национал-социалистская партия, обосновавшаяся в Мюнхене, ничего общего не имела с подлинным социализмом. Геббельс впоследствии писал: "социализм в нашей программе есть лишь клетка для того, чтобы поймать птичку" ^{18/}. При помощи такой вывески нацисты стремились заманить в свои сети широкие слои трудящихся и отвлечь их от борьбы против буржуазии — главной виновницы бедственного положения Германии. Руководитель нацистов Адольф Гитлер был мелким шпиоком в немецкой армии в годы войны. За доносы на революционно настроенных солдат он был награжден железным крестом. По окончании войны, являясь тайным агентом войсковой охраны, Гитлер был направлен в созданную фашистскую партию с тем, чтобы доносить командованию о ее деятельности. Вскоре ему удалось, совмещая функции осведомителя и интригана, оттеснить первых организаторов партии и взять бразды правления в свои руки.

Хозяева концернов и банков, продвигая вперед этого ефрейтора, стремились осуществить при его помощи далеко идущие цели германского империализма. После кровавого подавления Баварской советской республики ее столица Мюнхен становится меккой контрреволюции и нацизма. Туда даже перебрался генерал Людендорф ^{19/}.

Негласный диктатор Баварии, монархист и сепаратист Кар берет под свою опеку фашистское движение и при его участии в марте 1920г. террористические банды "Оргеш" и "Консул" объединились в Союз баварской гражданской милиции. По приказу того же Кара служба порядка была обязана согласовывать свои

действия с так называемой Гражданской милицией 20/.

Став фюрером нацистской партии, Гитлер окружил себя такими же темными личностями, как и он сам. В числе его ближайших сподвижников находились репортер скандальной уголовной хроники Геббельс, побывавший в доме умалишенных, Геринг, вор, пьяница и взломщик Лей, сутенер Гесс, философ притонов Розенберг, казнокрад капитан Рем и несколько юнкеров, стремившихся к власти и наживе. Вся эта шайка отпетых негодяев включала людей с темным прошлым. Финансовый туз и покровитель нацистов Тиссен назвал Гитлера "мрачным преступником" и "мстительным ублюдком" 21/. Однако эта оценка не помешала тому же Тиссену тратить миллионы марок на поддержку нацистов.

Немецкая империалистическая буржуазия явилась вдохновительницей разбойных планов гитлеровцев. Впоследствии, основываясь на человеконенавистническом учении геополитиков и других псевдоученых, подняли на щит культ убийств, грабежа и войны. В книге одного из сподвижников Гитлера Германа Раушвинга приведен такой диалог. На вопрос Раушвинга, как Гитлер относится к применению газов и смертоносных бактерий в будущей войне, нацистский фюрер, не задумываясь, ответил, что все средства хороши для уничтожения противника 22/.

Черносотенная пресса изо дня в день отравляла умы немецкого народа ядом шовинизма и реваншизма, стремясь превратить немцев в готовое пушечное мясо для войны 23/. Грабежи чужих стран, истребление целых народов стали главным лейтмотивом нацистской пропаганды. Попирание человеческого достоинства, надругательство над священными идеалами было уже в ранний период обыденным,

привычным занятием фашистов. Подобная "работа" гитлеровцев щедро вознаграждалась монополистами. Особенно хорошо платил им Гуго Стигнес ^{24/}.

Выступая перед своим сбродом в пивнушках Мюнхена, Гитлер иступленно вопил: "Мы — варвары. Мы хотим ими и остаться. Для нас это самый почетный титул. Только варваризм может омолодить дряхлеющий мир" ^{25/}.

С первых дней существования фашистские союзы были построены по военному образцу и снабжались со складов баварского рейхсвера. В дни, когда демократические силы страны во главе с пролетариатом сражались с монархической реакцией, генерал Эпп устроил в Мюнхене 18 марта 1920 г. смотр фашистско-монархическим силам в присутствии знати и членов бывшего королевского дома Баварии ^{26/}.

Поражение кайповского путча, который был первым открытым выступлением профашистской военщины, не помешало ей продолжать плести сети заговора против республики. Militarистские круги приступили к организации штурмовых отрядов. В конце 1921 г. при национал-социалистической партии уже функционировала массовая военизированная организация, получившая название "Штурм абтейлунг". Штурмовые отряды состояли в основном из кадровых офицеров и унтер-офицеров, из распущенных по требованию союзников "добровольческих корпусов" ^{27/}.

Главарь нацистского движения и штурмовых отрядов получали миллионные субсидии от немецких, а также от английских, французских и американских монополистов для проведения террористических актов. В центре внимания стояла организация прямых убийств неугодных людей. Так, член фашистского союза

"Консул" старший лейтенант Эрвин Керн днем 9 июня 1921 г. в присутствии многочисленной публики застрелил на улице Мюнхена депутата ландтага Гарриса. Убийца не только не был наказан, а напротив, стал героем дня. Вслед за этим 27 августа того же года, нацистские террористы Генрих Шульц и Генрих Тиллезен убили видного деятеля католической партии центра и министра финансов имперского правительства Матиаса Эрцбергера. К актам террора приложили свои руки и руководящие деятели национально-народной партии. Германская реакция не могла простить Эрцбергеру подписания компьенского перемирия в ноябре 1918 г. и защиту основ Веймарской конституции. Национально-народная партия в рассматриваемый период находилась также в центре контрреволюционного движения в стране. Она прикрывала погромщиков от гнева трудящихся ^{28/}.

Под крылышком республиканского правительства военщина устраивала полковые праздники, проводила факельные шествия своих сторонников. В Мюнхене парад принимал бывший баварский король и высшие чины армии, в Карлсруэ -- герцог со своей свитой ^{29/}. Палач прибалтийских народов, душитель революции в Финляндии генерал фон дер Гольц, стремясь не отстать от коронованных особ, также устраивал смотры. Такие же манифестации проводил генерал Маккензен и ряд других милитаристов.

За вспышкой милитаристской лихорадки следовали погромы фашистов. Они даже предприняли попытку убить Шейдемана. Теперь и он на собственной шкуре испытал выстрелы погромщиков и убийц из тех реакционных организаций, при рождении которых он играл роль повивальной бабки.

Разгул военного психоза в Германии шел в ногу с наступлением реакции на демократические завоевания ноябрьской революции, на жизненные интересы рабочего класса ^{30/}. Все это говорило о росте фашистско-монархической угрозы в стране и действительно требовало единых действий всех рабочих. Именно в таком аспекте и решала вопрос КПГ. В одном из своих воззваний она отмечала, что Коммунистическая партия готова поддерживать всех, кто борется против монархизма, милитаризма и национализма, и призывала рабочих напрячь все силы, чтобы дать достойный отпор реакции ^{31/}.

Единодушное выступление рабочих масс в защиту демократических свобод и республиканского строя вызвало ярость у фашистских банд, и они еще больше усилили террор против виднейших деятелей Коммунистической партии Германии. 19 июня 1922 г. головорезы из тайной организации "Консул" совершили нападение на квартиру, где проживал Эрнст Тельман, на Мисенштрассе /в Гамбурге/. Ночью они пристроили две гранаты к его окну на первом этаже. К счастью взрыв произошел снаружи. Взрывом разрушило оконную раму, некоторые предметы с подоконника сбросило в комнату, но Эрнст Тельман, его жена и дочь остались невредимыми ^{32/}.

Вслед за этим фашистские бандиты попытались в Гамбурге взорвать здание Коммунистической партии на Биржевом мосту и книжный магазин коммунистов на Адмиральтейской улице ^{33/}. Гамбургская полиция знала местонахождение налетчиков, но ничего не сделала, чтобы поймать преступников. Имперская и прусская служба охраны общественного порядка смотрела сквозь пальцы на бесчинства нацистов, ибо ее руководство было связано с фашистами.

Разгул реакции в Германии совпал с подписанием советско-германского договора в Рапалло 16 апреля 1922г. Милитаристские круги, являясь злейшими врагами Советской России ^{34/}, были недовольны рапалльским соглашением и вместе с другими черносотенными элементами Германии особенно обрушились против министра иностранных дел Вальтера Ратенау, поставившего свою подпись под этим жизненно важным для Германии договором.

Травля Ратенау сопровождалась угрозами, оскорбительными письмами и другими провокациями. Прусская полиция через своих агентов была информирована, что люди из "Консула" подготавливают убийство министра. Им даже были известны имена людей, которые предназначались для убийства Ратенау.

Вместе с "Консулом" и нацистами в травле Ратенау активное участие принимали лидеры Немецкой национально-народной партии: Гельферих, Гертг и граф Вестарп. Их поддерживал Гуго Стиннес, который на страницах своих многочисленных газет летом 1922 г. обвинял Ратенау в разорении Германии. Газета Стиннеса "Дейтше альгемайне цейтунг" за несколько недель до убийства Ратенау прямо писал, что после уничтожения Эрцбергера еще остался Ратенау, мешающий Германии идти по намеченному пути. Фактически это был непосредственный призыв к уничтожению министра.

В апреле 1922г. Стиннес перевел на имя главарей, руководивших террористическими актами в Германии, солидную сумму денег. Террористы из "Консула", будучи связанными с баварским правительством, снабжались подложными документами и имели в Мюнхене своих высокопоставленных покровителей.

Диктатор Баварии Карр и командующий мюнхенским гарнизоном генерал Доссов открыто поддерживали теснейшие связи с шайкой заговорщиков. 24 июня 1922 г. террористы из союза "Консул" убили Ратенау. Злодейское убийство министра иностранных дел вызвало бурное негодование всей немецкой общественности. Особенно бурным было возмущение среди широких пролетарских масс. Трудовой народ Германии расценил этот акт не как обычное убийство одного человека, а увидел в нем замах на республику, на демократические права народа^{35/}.

По всей стране прокатилась волна выступлений трудящихся. Во многих немецких городах прошли мощные демонстрации протеста. В Берлине в них участвовало не менее 800 тысяч человек, в Кельне — около 200 тысяч, в Гамбурге — более 300 тысяч, в Лейпциге — 150 тысяч, в Дрездене — 100 тысяч, в Дюссельдорфе, Бремене, Галле, Эссене — десятки тысяч человек^{36/}.

Разгул фашиствующей реакции и политический террор против инакомыслящих открыли глаза многим людям, недооценивавшим до этого серьезную фашистскую опасность. Канцлер Вирт заявил в рейхстаге, что враг республики стоит справа, ибо правые партии и группировки Германии приняли участие в подстрекательстве к расправе над Ратенау^{37/}.

Под влиянием выступлений народных масс против разгула фашистского террора и монархической угрозы правительство Вирта внесло на утверждение рейхстага законопроект об охране республики^{38/}. Его обсуждение показало, что террористические союзы в Германии были теснейшим образом связаны с буржуазными партийными группировками так называемых национальной, народной, демократической и католической партий.

Поэтому немудрено, что представители последних стремились использовать этот закон в основном против КНП, революционных рабочих и прогрессивных людей страны, оградив в то же время фашистов от наказания. Даже партии, участвовавшие в Веймарской коалиции, включая и верхушку СДПГ, были глубоко проникнуты идеями национализма и монархизма, которые вели к фашизму.

Руководящие монополистические круги Германии для сохранения своего господства прибегали к помощи нацистских погромщиков, занимавшихся не только физическим уничтожением политических противников, но и проводивших идеологическую обработку буржуазства и широких кругов крестьянства.

Хотя фашизм, в зависимости от различной исторической обстановки в отдельных странах, имел некоторые отличительные черты, "но повсюду его основная сущность сводилась к сочетанию грубого террористического насилия с мнимо революционной фразеологией, демагогически спекулирующей на запросах и настроениях широких трудящихся масс"^{39/}.

Немецкой буржуазии фашизм нужен был для "подавления и длительного порабощения пролетариата"^{40/}. В той или иной мере все группировки имущих классов в Германии тяготели и были связаны с немецкой разновидностью фашизма — нацизмом.

Нацистские демагоги, хотя и кричали громче всех о своем "патриотизме", но по существу они также, как сепаратисты всех мастей и оттенков, были самыми подлыми изменниками родины. Как те, так и другие получали деньги от французских, английских и американских разведок на ведение подрывной работы в своей стране.

Таким образом, нацизм и сепаратизм были не антиподами, а близнецами. Террор нацистских банд был наруку немецкой реакционной буржуазии, которая была теснейшим образом связана с милитаристскими кругами и вместе с ними угнетали народ. За демократическим фасадом Веймарской республики скрывалась реакция. Военные министры республиканских правительств, социал-демократ Носке и его преемник демократ Гесслер были злейшими врагами свободы и ревностными сторонниками тоталитарного режима. Неспроста гитлеровцы после прихода к власти высоко оценили заслуги Носке. Ему не только назначили большую пенсию, но и всячески одаривали его своими милостями. Генерал Сект, командующий рейхсвером в 1920г. заявил, что у него нет расхождений с нацистами: "что касается цели, то мы едины, только пути у нас различны" ^{41/}. Руководство немецкой армией во главе с Сектом было теснейшим образом связано как с террористическими союзами, так и с фашистским движением в целом. Встречаясь систематически с нацистами, Сект им оказывал самую широкую помощь. В разгар конфликта между Берлином и Мюнхеном жена Секта была посредницей при переговорах мужа со всей шайкой баварских покровителей фашистов ^{42/}.

Командование рейхсвера покровительствовало террористам из союза "Консул". Оно опекало фашистские союзы и фактически содержало их. Баварский министр-президент Хегнер, хорошо знакомый с деятельностью гитлеровской партии, показав впоследствии перед международным трибуналом в Нюрнберге, что штурмовые отряды были обучены рейхсвером, как своего рода вспомогательные войска ^{43/}.

Во главе штурмовых отрядов, союз "Консул", "черного рейхсвера" неизменно стояли кадровые офицеры, игравшие ведущую роль в милитаристских кругах Германии. Только такие ревностные слуги германского монополистического капитала, как правые социал-демократические вожди, могли усердно распространять среди пролетариата иллюзии "будто рейхсвер верен республиканской Конституции, будто он является орудием защиты демократического порядка, орудием защиты республики" 44/.

Юнкерские круги вместе с лидерами буржуазных партий десятилетиями пропагандировали и восхваляли доблесть прусской военины. Культ милитаризма всегда играл важную роль в идеологии германского империализма. "Жизненное пространство", "народ без пространства", "перенаселение" — это три фашистских лозунга, которые, будучи объединены в теорию "жизненного пространства" составляли самый ходкий аргумент нацистов при подготовке второй мировой войны. Основываясь на словах Гегеля, высказанных в начале XIX века, "кто не увеличивается в объеме, тот становится меньше по мере роста других", реваншистские круги, используя отряды и нацистскую идеологию, готовили Германию к новой войне. Для этой цели монополисты и юнкеры превратили рейхсвер в своего рода "государство в государстве" 45/. Ему было все дозволено: и нарушение Конституции, и подготовка заговоров против Республики. Военное командование всегда стояло за спиной фашистских союзов.

В такой же мере нацисты пользовались покровительством и со стороны общеимперской и прусской охранной полиции. Так же как офицерство вильгельмовской армии

влилось в "республиканский" рейхсвер, так и полиция времен монархии продолжала и при "новом режиме" выполнять свои прежние функции по охране интересов буржуазии и юнкеров. К тому же после ноябрьской революции полиция еще пополнялась кадровым офицерством, которое придало ей еще более фашистско-реакционный оттенок.

После вступления в силу закона об охране республики, принятого вслед за убийством Ратенау, руководящие круги Германии использовали его главным образом против коммунистов и других левых революционных организаций рабочего класса⁴⁷⁷. Фашисты и их сторонники, вопреки этому закону, немедленно приступили к перестройке своих рядов, поняв, что путем индивидуального террора нельзя пробраться к власти. Поэтому они встали на путь консолидации своих сил. Прежде всего они пытались создать себе массовую базу. Для этой цели фашисты развернули растленную пропаганду среди немецкой мелкой буржуазии, студентства, гимназистов старших классов, крестьян и, наконец, искали связей с люмпенпролетариатом. Используя демагогию и посулы, опираясь на обильную материальную помощь главарей концернов, поддерживаемые правительственными органами, фашисты расширяли свои связи за пределами Баварии.

16 декабря 1922 г. возникла еще одна фашистско-черносотенная партия "Дейч фолькшисе" — Немецко-отечественная партия. Ее лидером был монархист и реакционер Геннинг. Видное положение в ней занимали представители юнкерских кругов, небезизвестные интриганы и взяточники, депутаты рейхстага Греффе и Вулле.

Геннинг был в свое время исключен из Национальной партии за скандальные похождения и за тесные связи с террористами, что компрометировало вождей националистов. Булле и Греффе в знак солидарности с террористами покинули Национальную народную партию и примкнули к Геннингу. Немецко-отечественная партия состояла из мелких группировок северных фашистов. Находясь на крайне правом фланге, она блокировалась с открытыми реакционерами и была в авангарде реваншистских кругов германского империализма. Ведя разнузданную пропаганду, фашистские банды как на севере, так и на юге ^{47/} возрождали все самые темные и реакционные стороны истории Германии.

Опасность фашизма в стране, особенно ярко выявившаяся уже в самом факте убийства Ратенау, вызвала широкое движение народных масс по всей Германии. Лишь под давлением трудящихся правительство провело через рейхстаг "закон о защите республики". При этом оно не упускало из виду, что закон в первую очередь должен будет применяться против пролетариата. КИП в специальном обращении к СДП, "Независимой" партии и профсоюзам предложила организовать совместные выступления против террора и фашизма. Но руководство социал-демократических партий и профсоюзов отказалось поддержать коммунистов. Только под давлением рабочих масс 28 июня 1922 г. было заключено берлинское соглашение ^{48/}. Суть его заключалась в том, что три партии: коммунистическая, социал-демократическая и "независимая" обязались провести ряд совместных выступлений, направленных против усиления фашистской опасности и террора добровольческих союзов.

Левые силы потребовали от правительства на основе закона об охране республики запретить фашистско-террористические союзы и провести чистку государственного аппарата от

монархических элементов, изгнать из армии монархистов и принять целый ряд эффективных мер, которые помогли бы быстро покончить с контрреволюцией.

Важно подчеркнуть, что уже в первые годы Веймарской республики фашизм в Германии, направляемый пушечными королями и земельными магнатами, прикрываясь лозунгами о ревизии Версальского договора, развернул усиленную тлетворную пропаганду новой войны. При этом он прежде всего стремился уничтожить революционные силы немецкого народа, которые были главной преградой на его преступном пути.

Д.Б.МЕЛЬЦЕР

СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО БЛОКА / 1931 - 1934 гг. /

Вся история советской внешней политики, от ленинского Декрета о мире до Программы мира, провозглашенной на XXIV съезде КПСС, тесно связана с неустанной борьбой Коммунистической партии и Советского правительства за претворение в жизнь ее ленинских принципов, за предотвращение войн, за мир и мирное сосуществование стран с различными социальными системами. Этими принципами руководствовался Советский Союз и в своей политике по отношению Болгарии в межвоенные годы, последовательно выступая за нормализацию отношений между двумя странами, за развитие дружественных связей между советским и болгарским народами.

І. Антисоветская политика правительства
Народного блока в 1931-1932 годах

К началу 30-х годов большинство европейских государств признали страну Советов и установили с ней дипломатические отношения. Болгария оставалась в числе немногих стран, упорно продолжавших следовать политике непризнания.

Пришедшее к власти в результате победы на парламентских выборах 21 июня 1931г. правительство так называемого Народного блока заявило, что оно намерено проводить внешнюю политику своих предшественников. Это прежде всего относилось к вопросу взаимоотношений с Советским Союзом. Премьер-министр и министр

иностранных дел Болгарии Н. Мушанов ^{1/}, оправдывая свой антисоветский курс, повторял известные вымыслы о "коммунистической опасности", о "вмешательстве" советского правительства во внутренние дела Болгарии, об "экспорте революции" из Москвы ^{2/}. Под этими предлогами всемерно ограничивались те незначительные торговые связи и культурные контакты, которые пробивали себе дорогу в условиях отсутствия дипломатических отношений. Болгарское правительство охотно откликалось на антисоветские призывы международной реакции. Оно приняло участие в аграрных конференциях стран Центральной и Юго-Восточной Европы /1930-1932 гг./, созыв которых Западные державы стремились использовать для сколачивания новых блоков против СССР. На этих конференциях среди других вопросов разрабатывались меры противодействия советскому экспорту ^{3/}. Правые деятели Болгарии приветствовали выдвинутый в 1932 году главой французского правительства А. Тардье план создания так называемой Дунайской Федерации. "Болгария, - заявил в парламенте представитель радикальной партии Г. Генов, - играет роль тыла и базы для интервенции против Советского Союза, в частности в районе Черного моря" ^{4/}.

Антисоветская направленность политики правительства Народного блока вызвала растущее противодействие в стране. Под руководством Коммунистической партии, находившейся в подполье, и Рабочей партии в Болгарии ширился фронт борьбы против угрозы войны с Советским Союзом, за развитие традиционной дружбы между болгарским и советским народами, за скорейшее признание первого в мире социалистического государства. В связи с созывом очередной сессии Народного собрания

19 августа 1931г. ЦК БКП обратился ко всем окру-
жным комитетам с призывом мобилизовать все силы
трудящихся на борьбу за признание Советского Союза ^{5/}.
По всей стране, на фабриках и заводах, в городах и
селах, состоялись многолюдные собрания и митинги,
на которых принимались резолюции, выдвигавшие тре-
бование: " Прекратить подготовку войны против Со-
ветского Союза, установить с ним торговые и дипло-
матические связи" ^{6/}. Движение за нормализацию отношений
с Советским Союзом приобрело массовый характер.

Парламентская фракция Рабочей партии неодно-
кратно поднимала этот вопрос в Народном собрании.
" Вопрос об установлении дипломатических и торго-
вых отношений между Болгарией и Советским Союзом, -
говорилось в интерpellации министру иностранных дел
23 ноября 1931г., - это актуальный жизненный вопрос,
интересующий рабочий класс, трудящихся крестьян, го-
родские массы и другие общественные слои, организа-
ции и партии. Его положительного разрешения с боль-
шим нетерпением ждет подавляющее большинство бол-
гарского народа" ^{7/}.

Болгарская Коммунистическая партия вела боль-
шую и плодотворную работу по пропаганде достижений
социалистического строительства в Советском Союзе,
давая решительный отпор антисоветской клевете со
стороны правительства и реакционной прессы. Как
отмечалось в памятной записке Заграничного бюро ЦК
БКП от 31 декабря 1931г., помимо газеты "Поглед",
занимавшейся почти исключительно популяризацией
материалов о Советском Союзе, и другие издания пар-
тийной и рабочей печати большое внимание уделяли
этой проблеме ^{8/}. Например, в 78 номерах газет в
1931г. было опубликовано 60 специальных

статей о различных сторонах жизни страны Советов, не считая заметок и корреспонденций ^{9/}.

ЦК БРП придавал большое значение посылке рабочей-крестьянской делегации в СССР. Этот вопрос обсуждался на пленуме ЦК и трижды на заседаниях Политбюро ЦК ^{10/}. К середине октября 1931г. было избрано 2000 делегатов, собраны средства для поездки и подарка советским рабочим и крестьянам ^{11/}. Газета "Работническо дело" писала, что "лозунг об отправке делегации в Советский Союз является одним из самых популярных лозунгов среди трудящихся масс города и села" ^{12/}. По инициативе БРП в июне 1932 г. был создан "Союз друзей СССР" ^{13/}. Вопреки официальной политике правящих кругов болгарской буржуазии крепили и расширялись интернациональные связи болгарского и советского народов.

Лучшие представители болгарской интеллигенции - проф. Асен Златаров, писатель Людмил Стоянов, публицисты Георгий Бакалов, Тодор Павлов и многие другие являлись сторонниками нормализации отношений с СССР, расширения болгаро-советских культурных связей. В статье, озаглавленной "Дайте доступ советской книге!", Л. Стоянов писал: "Ничто не оправдывает этот строгий карантин, наложенный на современную русскую литературу, отнимающий всякую возможность у болгарских писателей и болгарской интеллигенции следить за мощным ростом и небывалым расцветом, который наблюдается в Советской России. Страх "большевизма! Вот аргумент, который не выдерживает никакой критики" ^{14/}.

Группа общественных деятелей в письме в ВОРС в январе 1932 г. отмечала, что "в последнее время интерес к Советскому Союзу очень возрос в стране" ^{15/}.

Менялось отношение к Советскому Союзу со стороны значительной части деловых кругов Болгарии. В результате успешного выполнения первого пятилетнего плана СССР превратился в развитую индустриально-колхозную державу, упрочились его позиции на мировом рынке. В условиях трудностей, вызванных мировым экономическим кризисом, растущей международной изоляции Болгарии многие реально мыслящие промышленники и купцы видели в Советском Союзе весьма выгодного торгового партнера и стремились к расширению связей с ним.

За годы кризиса внешняя торговля Болгарии значительно сократилась. В 1934 г. импорт уменьшился почти в четыре раза по сравнению с 1929 г., с 8,32 млрд. левов до 2,24 млрд. левов, а экспорт в два с половиной раза, с 6,39 млрд. левов до 2,53 млрд. левов ^{16/}. Страна переживала серьезный валютный кризис. Между тем торговля с Советским Союзом носила случайный характер. Многие советские товары попадали в Болгарию реэкспортом через Германию, Турцию, Австрию, что значительно удорожало их стоимость. Всего за 1931-1932 гг. советский экспорт в Болгарию составил 2332 тысяч рублей, а импорт всего лишь 3000 рублей ^{17/}. В развитии торговых отношений с СССР деловые круги видели известную отдушину. Проявляя глубокую заинтересованность в нормализации отношений с Советским Союзом, группа предпринимателей в ноябре 1931 г. представила правительству меморандум, подчеркивавший необходимость и возможность расширения торговли с нашей страной. В нем отмечалось, что Советский Союз согласен закупить продукцию текстильной промышленности, обеспечив ей полную нагрузку в течение двух

лет, а также поставить Болгарии необходимое количество нефтепродуктов и других товаров ^{18/}. Созданный в начале 1932 г. болгарскими предпринимателями консорциум для ведения торговли с Советским Союзом закупил через советское торгпредство в Константинополе 5000 т. каменной соли ^{19/}.

В феврале 1932 г. представители Союза текстильных и табачных производителей, Общего союза болгарских земледельческих коопераций, Союза огородников, торговых кругов обратились в Народный комиссариат по иностранным делам СССР с просьбой о предоставлении им возможности направить делегацию в СССР для переговоров и заключения торгового соглашения ^{20/}. В июле 1932 г. два представителя болгарских деловых кругов В.Кавачев и Г.Желязков посетили Москву, где встретились с руководителями ряда внешнеторговых государственных объединений. Во время этих переговоров выяснилась возможность и взаимовыгодность советско-болгарской торговли ^{21/}. Болгарский посол в Афинах П.Пейков в беседе с советским полпредом В.П.Потемкиным 20 августа 1932 г. отметил, что " двое делегатов, выехавших из Болгарии в СССР, уже вернулись и воспроизводят в газетах самые благоприятные впечатления от своей поездки. Оба, - заметил он, - были чрезвычайно поражены той осведомленностью в вопросах не только советской, но и болгарской экономики, какую проявили все лица, ведшие с ними переговоры в Москве. Заключение делегатов таково, что торговый обмен между Болгарией и СССР был бы чрезвычайно полезен " ^{22/}.

Болгарские деловые круги все более отчетливо осознавали ту истину, которую с такой откровенностью изложила правая буржуазная газета "Зора": "Теперьшний

импорт товаров причиняет ощутимый ущерб экономике, поскольку иностранные комиссионеры... увеличивают цены товаров за счет болгарского потребителя. А, с другой стороны, мы не можем вывозить в Советский Союз огромное количество табака, вина и других товаров, которые нашли бы там хороший рынок ^{23/}.

Широкое движение народных масс и прогрессивной общественности, а также давление деловых кругов заставило болгарское правительство, по крайней мере, поставить вопрос об экономических отношениях с СССР. 3 декабря 1931 г. болгарский посланник в Праге Борис Вазов, по указанию своего правительства, посетил советского полпреда в Чехословакии А.И.Аросева с целью прозондировать перспективы установления торговых отношений с Советским Союзом. Он пытался выяснить, говорилось в телеграмме Аросева в Наркоминдел СССР, "Возможно ли сначала заключить торговый договор и лишь вслед за тем признание /Советского Союза - Д.М./". Торговый договор означал бы открытие в Софии нашей торговой миссии" ^{24/}.

Советское правительство со всей серьезностью отнеслось к сообщению Аросева. Предложение правительства Болгарии обсуждалось на заседании Совнаркома ^{25/}, который пришел к выводу, что такая постановка вопроса не соответствует новому характеру взаимоотношений СССР с капиталистическими странами Запада. Как видно из телеграммы Аросева, Болгария стремилась предварить дипломатическое признание первоначальным восстановлением экономических отношений, фактически оставляя вопрос о дипломатическом признании открытым. В.И.Дегин, разрабатывая основные направления деятельности Советского государства на международной арене, всегда

выступал за широкие экономические связи с капиталистическим миром. Но он считал, что они должны строиться таким образом, чтобы могли содействовать упрочению внешнеполитических позиций страны Советов.

В первые годы Советской власти, правительство, стремясь облегчить выход Советской России из дипломатической изоляции, готово было торговать с капиталистическими странами, не связывая этот вопрос с признанием Советской страны де-юре. Теперь же, в начале 30-х годов, Советский Союз был признан большинством великих держав. Его авторитет на международной арене значительно вырос. Он успешно развивал политические, экономические и культурные связи с Францией, Германией, Англией, Японией и многими другими странами. Народный комиссар иностранных дел СССР М.М.Литвинов, разъясняя позицию советского правительства, указывал, что "если еще в 1922г. можно было согласиться на чехословацкий тип отношений ^{26/}, то на 15-м году существования Союза мы не можем признавать иных отношений, кроме нормальных в полном объеме" ^{27/}. В письме А.И.Аросеву от 8 января 1932 г. он отмечал, что опыт нашей торговли с США и другими странами, в том числе и с Чехословакией, показал нам абсолютную невозможность действительного развития экономических отношений в атмосфере недружелюбия, создаваемой отсутствием нормальных отношений. Отрицательно сказывается также при торговых сношениях отсутствие консульств и легальной базы для наших торговых представителей. "Ввиду этого, - писал М.М.Литвинов, - мы вынуждены отклонить предложение об установлении только торговых отношений".

Точка зрения советского правительства была доведена до сведения болгарского посланника в Праге Б. Вазова^{29/}, и тот немедленно телеграфировал в Софию, что правительство Советского Союза не намерено заключать торгового договора до установления предварительно дипломатических отношений^{30/}.

Таким образом, советское правительство не уклонялось от торговых связей с Болгарией, а лишь подчеркивало, что экономические отношения неразрывно связаны с развитием политических отношений. Раскрывая взаимовыгодность советско-болгарской торговли, журнал "Внешняя торговля" в передовой статье от 10 марта 1932 г. писал, что "единственным правильным разрешением этого вопроса, обеспечивающим нормальное развитие товарооборота между СССР и Болгарией, является восстановление нормальных отношений между обоими государствами"^{31/}.

Некоторые реалистически настроенные болгарские политики хорошо понимали значение восстановления дипломатических отношений, которые позволили бы наладить торговые и культурные связи. В конце марта 1932 г. во время одного из дипломатических приемов болгарский посланник в Греции П. Нейков познакомился с советским полпредом В. П. Потемкиным. В ходе беседы он заявил, что ответственность за ненормальные взаимоотношения между Болгарией и СССР должно нести "бывшее правительство государственного переворота"^{32/}. По словам Нейкова, "в настоящее время в Болгарии наблюдается сильнейшее течение в пользу восстановления этих отношений". Он надеется, что "в ближайшее время между Болгарией и СССР вновь возникнет связь, прерванная событиями 1923 г.". Лично я, заявил Нейков, "был бы счастлив, если бы это произошло"^{33/}. В. П. Потемкин выразил удовлетворение заявлением болгарского дипломата и

в свою очередь подчекнул, что до сих пор восстановлению отношений между Болгарией и Советским Союзом препятствовало лишь "нежелание болгарского правительства должным образом ликвидировать прискорбный инцидент, связанный с деятельностью советского Красного Креста в Болгарии" 34/... Если нынешнее правительство вместе с г.Нейковым возлагают ответственность за этот инцидент на тогдашнее правительство Болгарии, этим самым открывает^{ся} полная возможность ликвидировать возникший конфликт и восстановить нормальные взаимоотношения между обеими государствами" 35/.

По инициативе П.Нейкова состоялось еще несколько встреч с советским полпредом. Беседы касались и международных проблем и вопросов, связанных с болгаро-советскими отношениями. Создавалось впечатление об искренности намерений П.Нейкова содействовать их нормализации. Во время беседы 20 августа 1932г. на вопрос В.П.Потемкина, считает ли болгарский дипломат существующую в данный момент политическую конъюнктуру в Болгарии благоприятной для восстановления дипломатических отношений между СССР и Болгарией, П.Нейков ответил: "Наиболее передовые и дальновидные элементы в стране являются безусловными сторонниками такого разрешения вопроса" 36/.

Однако болгарское правительство и прежде всего премьер-министр Н.Мушанов, и после разъяснения, сделанного Наркоминделом СССР, уклонялось от принятия советских предложений о восстановлении дипломатических отношений. Более того, когда в марте 1932 г. делегация Всеболгарского купеческого союза, посетила премьер-министра и потребовала установления

владения торговых отношений с Советским Союзом, он заявил, что в настоящее время правительство не может согласиться на допущение советского торгпредства в страну, так как это представительство якобы могло быть использовано для политических целей. И тут же в качестве условия развития торговли с Советским Союзом Н.Мушанов выдвинул смехотворное требование. "Если советское правительство, - заявил он, - готово поручить посольству или консульству другой страны представительство своих экономических интересов, то болгарское правительство со своей стороны готово "начать переговоры об установлении нормальных торговых отношений". Болгарский премьер неодобрительно отнесся к идее посланки представителей купеческого союза в Москву для экономических переговоров, предупредив, что "правительство не берет на себя никакой ответственности за судьбу делегатов" ^{37/}. Когда же в апреле 1932 г. по инициативе купеческого союза в Софию был приглашен Главный директор Союзнефтьэкспорта в Константинополе С.Левский для заключения сделки о поставке Болгарии значительного количества технического масла, правительство отдало приказ Дирекции полиции собрать сведения о советском представителе. Полицейские власти поспешили донести, что С.Левский является якобы "видным деятелем ГПУ в Константинополе." Вопрос о визе затянулся на многие месяцы. И только в феврале 1933г. наконец после того, как болгарское консульство в Константинополе подтвердило личность советского торгового представителя, правительство согласилось на его въезд, дав указание полиции "установить за ним внимательное наблюдение" ^{38/}. Советский представитель был принят Н.Мушановым. Он подробно изложил ему перспективы советско- болгарской торговли. Премьер-министр попросил представить письменные предложения,

которые он обещал рассмотреть ^{39/}. Однако они были оставлены Н.Мушановым без внимания.

В мае 1932 г. на приеме у английского морского атташе Холланда В.П.Потемник осведомился у болгарского посланника о причинах задержки с въездом болгарской экономической делегации в Москву. Нейков объяснил, что, повидимому, задержка " связана с кое-какими колебаниями внешнеполитического курса Болгарии... Возможно, что исключительно тяжелое положение болгарских финансов вынуждает правящие круги страны с особой осторожностью ориентироваться в международной обстановке, учитывая свою зависимость от держав, играющих в жизни Европы руководящую роль " ^{40/}.

Нельзя не согласиться с мнением известного болгарского историка В.Хаджиниколова о том, что маневрирование правительственных кругов и самого Н.Мушанова преследовало две цели. Не отказываясь от антисоветской линии внешней политики, они надеялись, с одной стороны, отвлечь внимание народных масс, делая вид, что через торговые связи с СССР они стремятся улучшить отношения с ним. С другой стороны, они рассчитывали открыть путь к широкому советскому рынку в целях излечения глубокого кризиса, в котором оказалась болгарская экономика ^{41/}.

Вряд ли серьезно можно было принять заявление болгарского премьер-министра, который в середине 1932г. по тем же мотивам как будто выразил согласие на восстановление дипломатических отношений с СССР, но если советское представительство первое время будет "находиться в одной из соседних с Болгарией стран" ^{42/}. Антисоветизм правительства Народного блока не приносил выгод Болгарии. Наоборот, он вел к ослаблению ее внешнеполитических позиций,

в условиях, когда международная обстановка для Болгарии становилась все более неблагоприятной.

2. Внешнеполитическая изоляция Болгарии

В начале 30-х годов в результате мирового экономического кризиса и установления фашистской диктатуры в Германии происходит серьезное обострение и осложнение международной обстановки в Европе. Одним из узловых центров острых империалистических противоречий являлись Балканы. Усилилась угроза балканским странам со стороны фашистских государств - Италии и Германии. В свою очередь Франция, заинтересованная в укреплении своих позиций в Юго-Восточной Европе, стремилась к созданию сильного политического союза балканских держав, который, по словам болгарского посланника в Греции, должен был представлять "нечто вроде второго издания Малой Антанты" ^{43/}.

По замыслу французского правительства, этот союз должен был содействовать упрочению послевоенного статус-кво, сложившегося на Балканах, воспрепятствовать экономической и политической экспансии фашистских государств, содействовать политической изоляции Советского Союза в этом районе. Предполагалось, что общевалканский блок помимо Югославии и Румынии, где Франция давно имела сильные позиции, должен объединить Грецию, Турцию, а также Болгарию, без которой он не был бы столь эффективен ^{44/}. Франция и в прошлом стремилась вырвать Болгарию из-под влияния Италии. Как отмечал болгарский посланник в Афинах П.Нейков в беседе с В.П.Потемкиным 26 мая

1932г., со стороны Франции " в последнее время наблюдается усиленное стремление втянуть Болгарию в орбиту своего влияния. Всем известно, что французское правительство желало бы включить Болгарию в систему Дунайской федерации и ослабить связи Болгарии с Италией" ^{45/}.

В августе-сентябре 1933г. болгарскую столицу посетили министр иностранных дел Франции Ивон Дельбос, затем лидер партии радикалов и радикал-социалистов председатель палаты депутатов Эдуард Эррио. Им был оказан весьма теплый прием. "Я и мои коллеги, - пишет Э.Эррио в своих воспоминаниях, - были приняты с трогательной сердечностью... В Болгарии мы имели возможность оценить усилия, предпринимаемые для защиты французского влияния... 12 августа 1933 года муниципальный совет города Софии присвоил мне звание почетного гражданина болгарской столицы" ^{46/}.

Французские государственные деятели посоветовали руководителю болгарского правительства пойти на улучшение отношений с Югославией, Румынией и другими своими соседями. Будучи заинтересованными в помощи Франции в пересмотре Нейского договора, те в принципе приняли эти пожелания.

В первой половине сентября болгарский царь Борис III посетил ряд европейских столиц. По его словам, этой поездкой он стремился "избежать впечатления, что Болгария хочет остаться вечным возмутителем спокойствия на Балканах" и продемонстрировать свою "готовность обсудить общие проблемы" ^{47/}.

Царское турне началось с посещения Рима. Возможно, это диктовалось и династическими связями - в 1930 году царь Борис женился на одной из дочерей

итальянского короля Виктора-Эммануила III. Однако в большей степени имели значение политические обстоятельства. Б.Муссолини в марте 1938г. выдвинул проект "пакта четырех" - военно-политического союза Германии и Италии с Англией и Францией, являвшегося достойным предшественником Мюнхенского соглашения 1938 г. Этот проект предусматривал возможность пересмотра системы мирных договоров "законными путями" и предоставление побежденным государствам, в том числе Болгарии, равенства прав в области вооружений ^{48/}. По словам английского историка А.Тэйлора, в то время Б.Муссолини многими "рассматривался как главная опора европейского мира".

Переговоры царя Бориса с Муссолини затрагивали широкий комплекс вопросов и прежде всего балканские дела. Дуче и на этот раз пытался играть свою роль "покровителя" Болгарии и все время демонстративно подчеркивал, что желает видеть Болгарию "независимым государством". Между тем Италия всеми силами пыталась обострить имевшиеся между балканскими странами разногласия, использовать в своих интересах стремление правящих кругов Болгарии к ревизии Нейиского договора и пересмотру существующих границ. Она вынашивала планы создания в противовес Малой Антанте своей политической группировки в составе Болгарии, Греции и Турции. В резкой форме Муссолини выразил свое недовольство перспективой возможных переговоров Болгарии с Югославией и Румынией, из чего царю нетрудно было понять, что он стремится использовать Болгарию в качестве орудия итальянской политики против Югославии ^{49/}. Позднее Борис заверял югославского короля, что не

поддался настроениям дуче: "... я не связываюсь ни с кем, не желая, чтобы Болгария снова вела авантюристическую политику выгодную для других. Я это ясно сказал господину Муссолини во время моего последнего визита в Италию. Я даже уточнил, что будущее моего царства в честном союзе... с Югославией" 50/.

В Лондоне и Париже царь Борис еще с большей определенностью стремился создать впечатление, что Болгария готова искать пути к примирению со своими соседями. Встречи с королем Великобритании Георгом и премьер-министром Рамзеем Макдональдом прошли в "полном взаимопонимании" 51/. Хотя атмосфера переговоров в Париже, по оценке самого Бориса, была "более прохладная", 52/ французскому правительству удалось убедить его встретиться с югославским королем Александром. На обратном пути в Софию 18 сентября 1933 г. на белградском вокзале во время кратковременной остановки состоялась беседа между болгарским и югославским монархами. Как сообщал французский посол в Белграде в своем донесении министру иностранных дел Жозефа Поль-Бонкуру, король Югославии Александр согласился встретиться с царем Борисом лишь "принимая во внимание советы" Ка д'Орсе 53/.

В ходе переговоров король Александр, опасавшийся болгарского реваншизма, неоднократно подчеркивал, что политика Югославии "непоколебимо основана на уважении договоров". Царь Борис уклонился от обсуждения этого острого вопроса, фиксируя главным образом внимание собеседника на своем желании "искреннего соглашения с Югославией" 54/. Но югославский король в разговоре с французским послом, состоявшемся на следующий день, выразил сомнения в искренности болгарского царя. Он пояснил, что недоверие, которое

внушает ему политика Болгарии, вызвано тем, что она "не отказалась ни от одной из своих претензий" 55/.

Новая встреча между двумя монархами состоялась 3 октября в Евксинограде, близ Варны, и по словам иностранных дипломатов, демонстрировала стремление Болгарии "к постоянному примерению с Югославией" 56/. На этот раз разговор был более откровенный. Каждая из сторон не скрывала свои цели. Царь Борис выразил надежду на то, что Югославия пойдет на "некоторые жертвы", и это позволит Болгарии стать на путь "честного союза" с ней. Югославский король категорически отказался идти на какие-либо уступки и настаивал на полном отказе Болгарии от "всяких притязаний на югославскую территорию" 57/.

Как явствует из французских дипломатических документов, главной целью Кэ д'Орсэ являлось не столько улучшение болгаро-югославских отношений, сколько включение Болгарии в Балканскую Антанту. Об этом в конце октября 1933г. откровенно поведал своему болгарскому коллеге французский посол в Анкаре: "Франция - сторонница всех сближений и, главным образом, болгаро-югославского сближения. Это сближение отвечало бы нашим интересам... Но было бы лучше, если Болгария согласится войти в общеебалканский союз" 58/. В Париже утверждали, что для Болгарии очень важно пойти на соглашение с балканскими странами, и тем самым избежать международной изоляции. Чтобы добиться ее согласия на вступление в общеебалканский пакт, Франция пыталась убедить своих союзников в необходимости некоторых "нетерриториальных уступок" Болгарии 59/. Греция, Турция и Румыния, как и Югославия поддерживали инициативу Кэ д'Орсэ. Однако все эти страны были

единодушны в стремлении сохранить существующие границы, определенные Нейским мирным договором. Министр иностранных дел Турции Тефтик Рюшту Арас, который вместе с премьер-министром Исмет Иненю в конце сентября посетил Софию, делаясь впечатлениями о визите с французским послом, говорил: "Или же Болгария присоединится к нам, оставив все территориальные претензии... или же мы вчетвером возьмемся обеспечить наши границы... Мы можем дать некоторое время Болгарии для размышления, но наша общая политика отныне определена" ^{60/} Такой же позиции придерживались румынское и греческое правительства. Премьер-министр Греции Венизелос заявил, что "до тех пор, пока Болгария не оставит своих территориальных притязаний по отношению к своим соседям, никакой истинный прогресс невозможен." ^{61/}

В декабре 1933г. Борис в сопровождении премьер-министра Н.Мушанова нанес ответный визит в Белград. И эта "историческая встреча", как ее назвала болгарская и югославская печать, никаких практических результатов не дала. Заявление югославского монарха о необходимости сохранения статуса-кво на Балканах не нашло отклика у болгарского царя.

Разногласия, вытекавшие из версальской системы, оказались непреодолимыми. Это еще раз стало ясно после встречи между болгарским и румынским монархами в Бухаресте в январе 1934г. "Эти необычные по численности и разнообразности дипломатические встречи, - пишет в своих воспоминаниях видный болгарский политический деятель Димо Казасов, - оставляли на первый взгляд впечатление активной и плодотворной внешней политики. Болгарская жизнь не помнила такого дипломатического полноцветия... Много встреч, много блеска, много шума, никаких, абсолютно никаких результатов" ^{62/}

Таким образом, условия вступления Болгарии в общебалканский пакт оказались для нее совершенно неприемлемыми. Она дала понять, что никогда не свяжет себя ни двухсторонним ни многосторонним соглашением, которые будут гарантировать неприкосновенность существующих границ. "Нам хотят повесить петлю на шею", - заявил болгарский дипломат Н. Антонов ^{63/}.

Балканскую Антанту пришлось создавать без Болгарии. Окончательный текст пакта был подписан в Афинах 9 февраля 1934 г. Желая способствовать укреплению мира на Балканах, говорилось в нем, Греция, Румыния, Турция и Югославия "взаимно гарантируют безопасность как отдельных, так и всех своих общих балканских границ". Пакт обязывал участников совместно согласовывать мероприятия, которые должны быть приняты в случае событий, могущих затронуть их интересы ^{64/}.

Балканский пакт, предусматривавший прежде всего сохранение статус-кво в Юго-Восточной Европе, был встречен болгарским правительством враждебно ^{65/}. Стремясь дискредитировать его, Н. Мушанов заявил, что этот пакт, которым "наши соседи хотят гарантировать свои границы, бесполезен, ибо никто не угрожает изменениями этих границ" ^{66/}. Собственно говоря, ему ничего другого не оставалось делать.

Как известно, французская дипломатия рассматривала Балканскую Антанту и как орудие антисоветской политики. Советское правительство внимательно следило за ходом переговоров. Ему удалось несколько ослабить антисоветский характер пакта. Советский Союз, например, обратил внимание Турции, с которой

поддерживал дружественные отношения, что пакт создает теоретически возможность того, что они окажутся " в противоположных воюющих лагерях" ^{67/}. Турецкое правительство согласилось с этим мнением. И, подписывая пакт, министр иностранных дел Рюштю огласил декларацию, в которой говорилось, что "ни в коем случае Турция не будет обязана принимать участие в каком-либо действии против СССР" ^{68/}.

В целом советское правительство расценивало Балканский пакт с точки зрения интересов мира и безопасности в Юго-Восточной Европе отрицательно ^{69/}. М.М.Литвинов отмечал, что пакт является орудием в руках западных империалистических кругов, а не инструментом сохранения мира на Балканах ^{70/}. Как справедливо отмечалось в Декларации коммунистических партий Болгарии, Румынии, Турции и Югославии, Балканский пакт не ликвидировал основных противоречий в этом районе ^{71/}.

Болгария оказалась и вне австро-венгеро-итальянского союза, созданного в марте 1934г. в результате подписания так называемых "Римских протоколов" ^{72/}.

Внешиполитическое положение Болгарии стало еще более неблагоприятным. Создание Балканской Антанты, увеличившаяся изоляция страны на международной арене послужили толчком для новой полемики о направлении болгаро-советских отношений.

3. Рост тенденций в болгарском обществе в сторону нормализации отношений с СССР /1933 - 1934 гг./

Советский Союз настойчиво отстаивал политику мира и мирного сосуществования, последовательно боролся против усилившейся опасности агрессии

войны, выступал за разоружение и коллективную безопасность в Европе. В отчетном докладе ХУП съезду партии давалась предельно четкая характеристика деятельности ЦК ВКП/б/ и Советского правительства в области внешней политики: "Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и - тем более - напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира... Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку" 73/.

Советское правительство проявляло заинтересованность в обеспечении мира и в Юго-Восточной Европе. Это вынужден был признать французский посол в Москве Альфан, который в телеграмме министру иностранных дел Поль-Бонкуру в октябре 1933 г. подчеркивал, что Советский Союз является сторонником укрепления мира на Балканах. Интерпретируя по своему позицию СССР, он отмечал, что "сохранение создавшегося положения вещей служит на пользу Союзу, который опасается внезапного захвата какой-нибудь западной державой господствующего положения среди балканских или придунайских государств" 74/.

Советский Союз искренне добивался нормализации отношений и взаимопонимания с Болгарией на основе принципов мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества. Известный советский дипломат В.П. Потемкин в беседе с болгарским послом в Риме Комковым высказал пожелание советского правительства добиться скорейшего восстановления политических и экономических связей между СССР и Болгарией 75/.

Проблема взаимоотношений с Советским Союзом была жизненно важной для самой Болгарии, особенно в обстановке, когда возникла угроза со стороны фашистской Германии. В этот период в кругах болгарской буржуазии развернулась острая борьба двух направлений по вопросу о политике в отношении СССР: одного - антисоветского, наносившего прямой ущерб национальным интересам страны, другого - выступавшего за развитие взаимовыгодных экономических и политических связей.

Классовая ненависть к первой в мире социалистической стране преобладала среди болгарских правящих кругов. Одним из наиболее активных центров антисоветизма была созданная А.Цанковым фашистская партия "Национальное социальное движение". К ней примыкала террористическая организация македонских фашистов, так называемая Внутренняя македонская революционная организация. Открыто выступали против признания СССР и партии, входившие в состав правительства - демократическая, радикальная и национал-либеральная. В январе 1934 г. один из лидеров демократической партии, председатель Народного собрания А.Малинов, отвечая на вопрос представителей печати о перспективах восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом, заявил: "Болгария в этом вопросе должна быть в хвосте других стран"^{76/}. Еще более непримиримую позицию занимал А.Цанков. Выступая в парламенте он говорил: "Моя точка зрения и точка зрения группы, которую я представляю, следующая: мы решительные противники какого бы то ни было восстановления отношений с Советской Россией... ни в настоящем... ни в будущем"^{77/}. Это поддерживали такие реакцион-

ные деятели, как Б.Смилов и Х.Калфов. Последний, входивший в свое время в правительство Цанкова в качестве министра иностранных дел, высказался против установления даже торговых связей с Советским Союзом ^{78/}. Представители правых кругов болгарской буржуазии считали, что восстановление дипломатических отношений с СССР грозит серьезной "опасностью для внутреннего порядка".

Однако в Болгарии имелось немало реалистически мыслящих политических и общественных деятелей, понимавших значение нормализации отношений с Советским Союзом. Рост сторонников признания СССР в первую очередь был связан с выдающимися достижениями советского народа в экономическом и культурном строительстве, ростом авторитета нашей страны на мировой арене, успехами ее миролюбивой политики.

Заметный поворот в сторону восстановления болгаро-советских дипломатических отношений произошел в буржуазной печати. Идею улучшения взаимоотношений с Советским Союзом поддерживали многие газеты. Особенно активно выступала влиятельная софийская газета "Мир". В номере за 3 февраля 1934г. она писала:

"Прошло 17 лет, но ни одним из болгарских правительств не было сделано серьезной попытки для возобновления наших официальных дипломатических отношений со страной Советов... Разве истекшие 17 лет не были достаточным временем для наших крупных политиков, чтобы понять, чем является для нас Советский Союз". Даже такая правая газета, как "Зора", которая в течение многих лет была известна как откровенно антисоветский орган, высказалась за сближение с Советским Союзом. "Скоро все наши соседи, - гово-

рилось в одной из статей, - будут в нормальных отношениях с Союзом советских республик. Только гордая и самоуверенная Болгария остается почти в состоянии войны с русскими, с которыми нас разделяет только Черное море" 79/.

Трезво оценивая международную обстановку, в поддержку политики нормализаций болгаро-советских отношений выступили все фракции Болгарского земледельческого народного союза, Болгарская рабочая социал-демократическая партия, политический союз "Звено". В марте 1934 г. по инициативе союза "Звено" в Софии состоялось многолюдное собрание. Выступавшие ораторы, критикуя официальный курс внешней политики, подчеркивали необходимость восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом. В беседе с представителями печати лидер БЗНС "Врабча" Димитр Гичев заявил, что "если бы только это зависело от него, он бы немедленно установил дипломатические и торговые отношения с СССР" 80/.

Одним из наиболее важных факторов, определивших поворот к политике ряда влиятельных буржуазных кругов по отношению к Советскому Союзу, была растущая заинтересованность делового мира в установлении торговых связей между Болгарией и СССР. Орган группы "Звено", осуждая антисоветскую позицию правительства, писал: "Китайская стена не защитила самого Китая от нашествия, а еще меньше экономическая изолированность возможна и эффективна сейчас... Внимательная экономическая политика по отношению к Советам может открыть большие возможности для нашего экспорта" 81/.

Давление деловых кругов было столь значительным, что правительство Н.Мушанова вынуждено было предпринять новый зондаж возможности установления торговых отношений с Советским Союзом без официального его

признания. Министр финансов Стефан Стефанов в середине июля 1933г. через профессора Стояна Белинова, направлявшегося в Советский Союз, послал письма идентичного содержания Наркому внешней торговли СССР и председателю Всесоюзной торговой палаты. "Болгарское правительство считает, - говорилось в них, - что настоящий момент является благоприятным для восстановления торговых отношений с СССР, что послужит для взаимной пользы обеих сторон. Прошу через посредство Делегата болгарского правительства профессора Белинова не отказать поставить в известность болгарское правительство об условиях, которые правительство СССР благоволит поставить" 82/.

22 июля болгарский посланник в Афинах посетил советского полномочного представителя в Греции Н.Х. Давтяна и по просьбе своего правительства сделал заявление о том, что Болгария хотела бы восстановить дипломатические отношения с СССР, но внутреннее положение /оппозиция македонцев, цанковцев/ делает это сейчас невозможным. Министр иностранных дел предлагает в виде переходной меры установить торговые отношения и просит дать согласие на это 83/. Советский полпред заметил, что "вряд ли советское правительство примет это половинчатое предложение". Наркоминдел СССР одобрил ответ, данный Давтяном П.Нейкову. Заместитель Наркома иностранных дел СССР Н.Н.Крестинский подчеркнул, что "год тому назад при менее благоприятном политическом положении СССР мы отклонили предложение болгарского правительства о заключении торгового соглашения без нормализации политических отношений. Тем менее оснований у нас сейчас идти на такое неполное восстановление отношений" 84/. Решительная позиция советского правительства показала, что таким образом вопрос решен быть не может.

Многие болгарские дипломаты отдавали себе отчет в том, что нормализация отношений с Советским Союзом открывала путь к укреплению внешнеполитических позиций Болгарии. Болгарский полномочный министр в Бухаресте Робев 8 сентября 1933 г. писал в Софию: "Что касается наших отношений с Румынией, несомненно, у нас не было бы так много трудностей в Бухаресте, если бы не держались так далеко от Советов... Достаточно, мне кажется, начать разговор с Советами, чтобы здесь почувствовали, что Болгария заслуживает другого внимания" ^{85/}.

Не мог не произвести впечатление в Софии факт установления Венгрией дипломатических отношений с Советским Союзом в феврале 1934 г. Болгарский посол в Будапеште И. Попов, реагируя в ходе беседы на реплику министра иностранных дел Венгрии К. Кая, что он /Кая/ "придерживается мнения о необходимости признания Венгрией России", заинтересованно подхватил эту мысль, заявив, что в случае признания Венгрией России "и у нас приверженцы восстановления дипломатических отношений о последней бесспорно приобретут еще один сильный аргумент и может быть правительство ускорит решение этого вопроса" ^{86/}. Спустя месяц, в феврале, когда советско-венгерское соглашение стало уже фактом, Попов в своей информации о содержании этого документа особенно подчеркивал отказ каждой из сторон "от вмешательства во внутренние дела другой и от пропаганды против существующего там строя". "Официальные круги, - продолжал он в своем сообщении из Будапешта, - не боятся большевистской пропаганды... Вообще большевистская пропаганда отнюдь не сильнее там, где имеются большевистские дипломатические миссии... Мы имеем таким образом еще один пример, который следует хорошо изучить, сделав необходимые для нас выводы" ^{87/}.

14 февраля И. Попов информировал о новой встрече с венгерским министром иностранных дел, во время которой К. Каня выразил большое удовлетворение тем, что комиссия по иностранным делам венгерского парламента единодушно одобрила соглашение с Советским Союзом, и высказал пожелание, чтобы "Болгария последовала их примеру" 88/.

Однако Н. Мушанов считал иначе. По его мнению, Венгрия более отдалена от России, нежели Болгария и поэтому, с точки зрения внутренней политики, меньше могла опасаться влияния большевизма 89/.

Вопрос о болгаро-советских отношениях дважды, в ноябре 1933 г. и в марте 1934 г., обсуждался в парламентской комиссии по иностранным делам. Он же стоял в центре внимания во время прений в Народном собрании в конце марта 1934 г. по проекту бюджета министерства иностранных дел. Многие депутаты подчеркивали необходимость нормализации взаимоотношений с СССР. "Сегодня, когда Болгария изолирована ... - говорил депутат Константинов на заседании 29 марта 1934 г., - я нахожу, что установление торговых, политических и дипломатических отношений с Советской Россией сделало бы Болгарию значительным фактором на Балканском полуострове и улучшило ненадежное положение, в котором она теперь находится вследствие заключенных вокруг нас пактов" 90/.

Несмотря на то, что многие депутаты высказались в том же духе, премьер-министр Н. Мушанов попрежнему, ссылаясь на угрозу "коммунистической пропаганды", опасность вмешательства во внутренние дела Болгарии

в случае открытия советского консульства в Софии, заявил о нецелесообразности восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом 91/.

И все же Народное собрание приняло решение выделить в бюджете МИД Болгарии на 1934 год необходимые кредиты на содержание дипломатической миссии в Москве /статья, существовавшая в бюджете с момента подписания Брест-Литовского мирного договора, была аннулирована в 1933 г. / 92/.

Однако это не привело к переменам в политике болгарского правительства в отношении СССР. Все разумные доводы многочисленных сторонников соглашения отвергались премьер-министром. По его указанию министерство иностранных дел 9 мая 1934 г. разослало главам посольств директивное письмо, в котором излагалась точка зрения правительства по вопросу нормализации болгаро-советских отношений. "После заключения Балканского пакта, в желании найти для Болгарии противовес в создавшейся на Балканах обстановке, раздаются голоса, требующие скорейшего признания Советов. Об этом со все большей настойчивостью ставится вопрос в рапортах наших представителей за границей. Вопрос о возможной поддержке, которую мы могли получить от России для осуществления задач нашей внешней политики привлекал наше внимание и до заключения Балканского пакта. В этой связи я несколько раз сообщал Вам, что эти ожидания беспочвенны и в настоящий момент отсутствуют необходимые предпосылки для такого рода поддержки" 93/.

Аргументируя позицию правительства, министерство иностранных дел Болгарии утверждало, что якобы сегодня Советская Россия заинтересована солидаризироваться с общей тенденцией балканской политики наших соседей, с их позицией против Болгарии, а не поддерживать нас против них... Об этом свидетельствует антиревизионист-

ский характер советской политики, особенно очевид-
ный после компетентных заявлений Литвинова..." 94/

Таким образом, советский внешнеполитический курс, направленный на предотвращение военных конфликтов на почве пересмотра существующих границ, не устраивал реакционные круги правящего класса Болгарии, ориентировавшиеся на ревизию Нейского договора и осуществление великодержавных планов за счет других балканских держав.

Известно, что советское правительство прилагало огромные усилия, направленные на достижение европейского соглашения для защиты от агрессии путем заключения т.н. Восточного пакта о взаимной помощи 95/. Оно отдавало себе отчет в том, что с приходом Гитлера к власти в Германии опасность войны непосредственно нависла не только над Советским Союзом, но и над многими государствами Европы. Нацисты открыто заявили о своих претензиях на жизненное пространство в Восточной и Юго-Восточной Европе 96/. Среди стран, которым грозила опасность со стороны фашистской Германии, находилась и Болгария. Тем не менее крайне правые элементы в Софии не скрывали своей враждебности к советским предложениям. "Мы не можем присоединиться к этому Восточному пакту... мы не заинтересованы", - заявил в парламенте А.Цанков 97/. Категорически отвергло и болгарское правительство. Мотивы такого решения оно изложило в уже упоминавшемся директивном письме политического отдела МИД Болгарии всем своим дипломатическим представительствам от 9 мая 1934 г. "За счет поддержки, которую Москва ожидает от Франции против Германии, - говорилось там, - Советская Россия неизбежно должна будет поддерживать французские интересы на Балканах...". Правительственная печать отмечала, что Болгария не только не должна подписывать пакт,

который связал бы ей руки, но она должна бороться против него. Болгарская реакция приветствовала отказ Пилсудского от присоединения к проекту Восточного пакта и подписания им 26 января 1934г. двухстороннего польско-германского пакта о ненападении. Болгарское правительство готово было помочь польской санации замаскировать антисоветское жало этого соглашения между Берлином и Варшавой. Болгарский МИД, таким образом, инструктировал своих представителей за границей: "Пилсудский из-за нового курса польской политики по отношению к Германии отказался участвовать в подобном союзе /Восточном пакте - Д.М./. Это поведение Польши вызвало уже известное недовольство Москвы... По этому поводу я Вам разъясняю, что польско-германское сближение не представляет никакой опасности для Советской России..." ⁹⁹/подчеркнуто автором/.

Болгарское правительство заняло отрицательную позицию к проекту всеобщего разоружения, выдвинутого советской делегацией на Женевской конференции. В свое время видный советский дипломат М.М.Литвинов говорил: "То обстоятельство, что предложения исходили от советской делегации и что желание продемонстрировать единый фронт против нее брало часто верх над другими соображениями. Иначе трудно было понять, почему против идеи всеобщего разоружения выступали и представители малых государств, которым об империализме мечтать не приходится и даже представитель такой страны, как Болгария, которая будучи разоружена в силу мирного договора ... могла бы только выиграть от разоружения других стран" ¹⁰⁰/.

Среди дипломатических акций Советского Союза, направленных на сохранение мира и укрепление между-

народной безопасности важное место занимала конвенция об определении агрессии. Это предложение нашло поддержку у целого ряда европейских стран. В 1933 - начале 1934 г. к ней присоединились Румыния, Турция, Югославия, Польша, Эстония, Латвия, Иран, Афганистан, Литва, Чехословакия и Финляндия, практически все пограничные с Советским Союзом государства ^{101/}, Болгарское правительство отказалось последовать их примеру ^{102/}. Зато оно одобрительно отнеслось к выходу Германии из Лиги Наций. Германский посол в Софии Римелин в конце октября 1933г. доносил в Берлин, что царь Борис "полностью понимает нашу позицию по вопросу Лиги Наций" ^{103/}.

Антисоветизм был тем фундаментом, на котором правительство Н.Мушанова начало строить политику сближения с фашистской Германией. С момента захвата власти нацистами начинает усиливаться их влияние в Болгарии. Гитлер, стремившийся к ниспровержению созданного в Версале европейского порядка, служил вдохновляющим примером для реакционных ревизионистских сил в Болгарии, которые добивались пересмотра Нейтского договора. Эти тенденции, все больше проявлявшиеся по мере того, как становилось ясно, что соседние государства не пойдут ни на какие уступки Болгарии, не могли не ускользнуть от внимания германского посла в Софии. В своем донесении министру иностранных дел Германии Константину фон Нейрату от 22 октября 1933 г., Римелин сообщал, что встречи с царем Борисом "стали обычными, когда я возвращаюсь из Берлина" ^{104/}.

Несомненно, что царь Борис, выходец из немецкой аристократической династии Саксен-Кобург-Гота, в немалой степени содействовал сближению Болгарии с Германией. Он не раз высказывал свою искреннюю предан-

ность Германии ^{105/}. Он был одним из первых иностранных глав государств, посетивших германскую столицу. В феврале 1934 г. царь Борис прибыл в Берлин, где встречался с Гитлером, Герингом и Нейратом ^{106/}. Нацистские руководители не скрывали своего намерения втянуть Болгарию в орбиту своего политического влияния и при ее помощи, в частности, разрушить Балканскую Антанту. Об этом шел разговор, когда в середине апреля 1934 г. с официальным визитом в Германию прибыл Н. Мушанов. Во время встречи с фон Нейратом болгарский премьер-министр снова подчеркнул отрицательную позицию Болгарии к Балканскому пакту и выразил готовность заключить двухсторонние пакты о ненападении со своими соседями по образцу германо-польского договора 26 января 1934 г. ^{107/}.

В беседе с Гитлером 19 апреля Н. Мушанов заверил фюрера, что болгарское правительство "желает поддерживать хорошие отношения с Германией и насколько это возможно, укреплять их" ^{108/}.

В заключительном коммюнике о визите Н. Мушанова в Берлин отмечался "дружественный и сердечный характер германо-болгарских отношений" ^{109/}.

В основе сближения Болгарии и Германии не последнее место занимала враждебность обоих государств к Советскому Союзу. Болгария по-прежнему продолжала проводить откровенно антисовестскую политику. Об этом периодически напоминали всякого рода акции, как например, организованные осенью 1933 г. в Софии Международный съезд "инвалидов"-белогвардейцев или антисоветская выставка ^{110/}. Премьер-министр Н. Мушанов, ослепленный ненавистью к первому государству рабочих и крестьян, не скрывал своей непримиримой враждебности к СССР и категорически отвергал все предложения с его признанием.

Выступая в парламенте 30 мая 1934 г., то есть меньше чем за семь недель до майского государственного переворота, он заявил, что правительство не собирается устанавливать дипломатические отношения с Советским Союзом III/.

Антисоветская политика правительства Народного блока находилась в полном противоречии с национальными интересами страны, с подлинными интересами трудящихся масс. "Эта политика крупной буржуазии, - писал Басил Коларов, - углубляет пропасть между ней и трудящимися и подготавливает мощные силы, которые сдвинут ее в эту пропасть" II2/.

Тревога за судьбу страны охватывала все более широкие массы болгарского народа. В сотрудничестве с могучим восточным соседом - Советским Союзом, в борьбе за мир и безопасность в Европе трудящиеся Болгарии видели решающее средство обеспечения свободы и независимости своей страны. Болгарская Коммунистическая партия считала, что важным шагом на этом пути должно быть восстановление дипломатических отношений между Болгарией и СССР. Выступая на торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, посвященном 50-летию образования Союза ССР, Первый секретарь ЦК ВКП, Председатель Государственного совета ИРБ товарищ Тодор Живков говорил: "С первого же дня возникновения Советского Союза мы, болгарские коммунисты, болгарские трудящиеся, в мыслях и борьбе с вами... работали и работаем во имя все более тесного всестороннего сближения с Советским Союзом" II3/.

И.А.ШУТЦЯК

КПГ и РПО ВО ГЛАВЕ СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЫ РАБОЧЕГО
КЛАССА ГЕРМАНИИ в 1932 г.

Во время мирного экономического кризиса 1929-1932гг немецкие монополии развернули широкое наступление на социально-экономические завоевания рабочего класса, стремясь переложить на его плечи основную тяжесть кризисного бремени. Это привело к резкому снижению жизненного уровня германского пролетариата. Почасовая заработная плата квалифицированного рабочего сократилась со 102,8 пфенингов в 1930 г. до 82,3 пфенингов в 1932 г. /неквалифицированного соответственно с 80,7 пфенингов до 64,6^{1/}/ Значительно увеличились налоги и вклад рабочих в систему социалистического страхования^{2/}.

В особо тяжелые условия были поставлены безработные, число которых в январе 1932 г. достигло 6 041 910 человек^{3/}. Серьезно ухудшилась существовавшая в Германии система социального страхования по безработице, сократились количество и размеры пособий безработным, были затруднены условия их получения. К декабрю 1932г. 1 324 958 безработных были вообще лишены всякой помощи^{4/}.

Ухудшились и другие виды социального страхования. Снизились пособия по болезни, инвалидам, при несчастных случаях на производстве и т.д. В общем итоге расходы на социальное страхование сократились с 1930 г. по 1932 г. на 1,5 млрд.марок^{5/}.

Активное наступление германских монополий не могло не вызвать сопротивления рабочего класса, а высокий уровень его организованности создавал пред-

посылки для успешной борьбы против наступления капитала. Достаточно сказать, что во Всеобщее объединение немецких профсоюзов /АДГБ/ в 1931 г. входило 4 417 852 человека ^{6/}, христианские профсоюзы объединяли в своих рядах 658707 рабочих ^{7/}, количество членов гиршдункеровских профсоюзов к 1931 г. достигло 181 тыс. ^{8/} Однако соглашательская политика руководства германской социал-демократии и реформистских профсоюзов, которые считали, что всякая стачечная борьба в условиях кризиса была бесперспективна и тормозила бы развитие революционной активности германского рабочего класса. Более того, лидеры АДГБ не только отказались от ведения борьбы против наступления капитала, но и активно выступили против многочисленных забастовок, возникавших вопреки их воле. Реформистская печать обрушивалась с нападкамии на бастующих, многие из них были исключены из профсоюзов, значительно сократилась помощь бастующим рабочим, выделяемая из профсоюзного бюджета. Если в 1928 г. на эти цели было затрачено 28899455 марок, то уже в 1931 г. эта сумма сократилась до 7 796 956 марок ^{9/}.

Политику классового сотрудничества проводили и руководители христианских профсоюзов. На 13 конгрессе профсоюзов в 1932 г. их лидер Бернхард Отте заявил; "мы не только отвергаем насилие и классовую борьбу, но решительно подчеркиваем, что наша деятельность развивается в противоположном направлении". Видимо желая внести еще большую ясность, он добавил: "... мы должны быть солидарны с предпринимателями. Только таким образом мы сможем преодолеть это тяжелое время" ^{10/}.

На позициях последовательной борьбы за интересы рабочего класса стояла лишь Коммунистическая партия Германии и находящееся под ее влиянием левое движение в немецких профсоюзах. Уже в самом начале кризиса коммунисты предупреждали рабочий класс о готовящемся наступлении капитала. Выступая на первом Конгрессе Революционной профсоюзной оппозиции /РПО/ 30 ноября 1929г. Э.Тельман заявил: "Мы стоим перед лицом крупного генерального наступления буржуазии. Наша задача заключается в том, чтобы противопоставить этому генеральному наступлению капитала, наше собственное генеральное наступление, наступление пролетариата"^{11/}. Коммунисты подчинили в годы кризиса всю свою деятельность осуществлению этой задачи. Особая ответственность ложилась на РПО, которая в противовес политике реформистских вождей взяла курс на самостоятельную организацию экономической борьбы рабочего класса. Такой курс РПО давал определенные результаты. В 1930 г., по официальной, явно заниженной статистике, состоялось 366 выступлений рабочего класса, из них 176 закончились полным или частичным успехом. В 1931 г. состоялось 504 выступления, опять таки по заниженной официальной статистике ^{12/}. По подсчетам же РПО, лишь в двух последних кварталах 1931 г. состоялось 465 забастовок ^{13/}.

Однако особого размаха стачечные выступления рабочего класса Германии достигли в 1932 г., когда кризис приобрел особенно острые формы и повлек за собой невиданное обнищание всех слоев трудящегося населения страны.

Уже первые дни 1932 г. проходили под знаком массовых выступлений пролетариата. Непосредственным поводом для выступлений послужил чрезвычайный декрет

правительства Брюнинга, принятый в декабре 1931 г. Декрет предусматривал сокращение заработной платы на 10% -15% и значительное ухудшение системы социального страхования. РПО призвала рабочий класс к борьбе. Этот призыв подтверждался конкретными действиями ее функционеров по организации выступлений. Только с 1 по 10 января 1932 г. под руководством РПО было организовано 150 стачек в знак протеста против сокращения заработной платы, значительная часть которых закончилась победой. Помимо этого состоялось 20 стачек, направленных против увольнений рабочих на разных предприятиях ^{14/}. Всего за январь 1932 г. в Германии состоялось 282 забастовки. Из них 107 прошло в металлургической промышленности, 22 - в текстильной, 18 - в горной, 14 - в строительной и т.д. Бастовали рабочие Геннингсдорфа, металлисты и строители Берлина, шахтеры Рура и Нижнего Рейна, текстильщики Гронау ^{15/}. Однако большинство этих стачек произошло на мелких предприятиях или в отдельных цехах крупных предприятий. В Рурской области, например, бастовало лишь 5 тыс. горняков, на металлургических предприятиях Берлина - около 3 тыс. рабочих ^{16/}. Попытки РПО расширить фронт борьбы наталкивались на противодействие реформистского руководства. С другой стороны КПП и РПО не смогли еще завоевать прочных позиций среди широких масс рабочих и в первую очередь на крупных предприятиях. Это в значительной мере было следствием недостаточного внимания РПО борьбе за непосредственные нужды рабочих. Подтверждением этому служит движение против снижения заработной платы в Рурской области. Среди горняков Рура недовольство декабрьским декретом было чрезвычайно сильным. Однако КНС Рура вместо того чтобы выдвинуть лозунги борьбы

за повседневные требования рабочих, призвала горняков к массовой политической стачке против правительства Бриинга. Помимо этого были допущены серьезные просчеты в организации забастовок. Руководство РПО ограничилось лишь выдвижением лозунгов. Это привело к тому, что в борьбу вступила незначительная часть рабочих, хотя накануне выступления речь шла о массовом политическом движении ^{17/}.

В последующие месяцы стачечные выступления рабочего класса проходили неравномерно. Число забастовок по сравнению с январем значительно снизилось. В феврале состоялась 51 забастовка, в марте - 29, в апреле - 48. Исключением явился лишь май 1932 г., когда состоялось 436 забастовок. Это увеличение произошло за счет 350 забастовок на общественных и принудительных работах в строительстве ^{18/}. Развитие стачечной борьбы в первые месяцы 1932 г. говорило о недостаточной массовости движения. Об этом, а так же о других актуальных вопросах рабочего движения шла речь на Пленуме ЦК КПГ в феврале 1932 г. Выступившие на Пленуме Э.Тельман, Ф.Далем, Ф.Геккерт подчеркнули необходимость перенести основную тяжесть работы партии на предприятия и в профсоюзные организации с целью вовлечения широких масс рабочего класса в борьбу против наступления капитала против чрезвычайных декретов, против фашистского террора ^{19/}.

Анализ стачечных боев конца 1931 - начала 1932 гг. был дан и на мартовском пленуме Всегерманского комитета РПО. Пленум подчеркнул, что опыт многочисленных стачек подтверждает, что борьба за отражение наступления на зарплату и пособия может вестись успешно. Однако, несмотря на радикализацию масс и рост авторитета РПС, ей не удалось отразить наступление моно-

полней. Как указывалось в решениях пленума, значительное влияние на подобный исход борьбы оказали объективные причины: массовая безработица, предательство социал-демократии, террор предпринимателей. Но существенные недостатки были и в деятельности РПО. На Пленуме серьезной критике подверглись те секции РПО на предприятиях, которые в своей деятельности не учитывали требований рабочих коллективов. Были осуждены абстрактные лозунги борьбы, выдвигавшиеся подчас на предприятиях и не отвечавшие конкретным условиям. В решениях Пленума было еще раз подчеркнуто, что "РПО выступает за всеобщую стачку, за политическую стачку, но в ответ на наступление предпринимателей РПО должна вести повседневную борьбу за улучшение положения рабочего класса на каждом предприятии, в каждом цеху. Эта повседневная борьба будет предпосылкой для массовых экономических выступлений и политической массовой стачки"^{20/}. Правда, в решениях Пленума сохранились и некоторые ошибочные установки, характерные для того периода деятельности КПГ и РПО. В частности, указывалось, что в борьбе против всего класса капиталистов главный удар РПО должен быть направлен против АДГБ^{21/}. Подобные лозунги не могли способствовать расширению влияния РПО среди рядовых членов профсоюзов и значительно затруднили организацию совместных выступлений рабочих различной профсоюзной принадлежности.

С целью приближения групп РПО к рабочему коллективу, и туже рабочих масс было решено несколько изменить организационную структуру РПО. Ее группы на предприятиях реорганизовывались в цеховые группы. Было

принято решение начать широкую кампанию по избранию руководства вновь создаваемых цеховых групп. Помимо этого в цехах и на предприятиях создавался корпус революционных доверенных. Все эти мероприятия должны были привести к более тесным связям РПО с коллективами рабочих и создать более действенные предпосылки для организации борьбы за повседневные требования.

Тем временем классовые противоречия в стране все больше обострялись. Правительство Брюнинга, несмотря на поддержку СДПГ, оказалось не в состоянии установить классовый мир в стране. Количество забастовок во втором квартале 1932 г. увеличилось по сравнению с первым кварталом почти в два раза ^{22/}. В этих условиях германские правящие круги взяли курс на установление в стране более реакционного режима. С этой целью был создан кабинет фон Папена, представлявший интересы самых реакционных сил юнкерства, магнатов тяжелой промышленности и влиятельных кругов генералитета рейхсвера. С первых дней своей деятельности кабинет встал на путь жесточайшего наступления на права рабочего класса и всех трудящихся. Уже первый чрезвычайный декрет правительства от 14 июня по масштабам ограбления трудящихся оставил далеко позади чрезвычайное законодательство Брюнинга. Декрет сокращал все виды пособий, получаемых трудящимися по системе социального страхования. Особенно тяжелый удар он наносил по положению безработных. Размер основного пособия для них снижался на 23%. ^{Дл-23/} Длительность его получения сокращалась с 20 до 6 недель. Декрет фактически разрушил систему социального страхования в Германии. Одновременно фон Папен легализовал

фашистские штурмовые отряды, что не могло не повлечь за собой усиления фашистского террора против революционных рабочих.

Сразу же после образования правительства Папена состоялся Пленум Всегерманского комитета РПО. Он дал характеристику обстановки в стране и подчеркнул, что приход к власти правительства Папена означает усиление реакции и процесса фашизации. В связи с этим перед РПО выдвигалась задача найти новые пути для того, чтобы сильнее укрепиться на предприятиях и усилить свою работу среди членов реформистских профсоюзов и безработных. Все это должно было послужить основой для создания единого рабочего фронта, направленного против наступления реакции и фашизма. Вопрос о едином фронте приобретал в сложившейся обстановке все более важное значение и становился главной задачей КПГ и РПО. На Пленуме вновь было подчеркнуто, что работа РПО на предприятиях должна быть усилена и построена таким образом, чтобы способствовать созданию классового фронта с рабочими-членами АДГБ, СДПГ и христианских профсоюзов ^{24/}.

Уже в первые недели деятельности правительства Папена компартия и РПО организовали широкую волну сопротивления первому чрезвычайному декрету. Лишь в июле-июле 1932 г. они провели 65 политических стачек. Помимо этого было проведено 300 экономических стачек и 120 стачек среди трудообязанных ^{25/}. Это было первым признаком нового подъема рабочего движения. Он продолжался и в последующие месяцы. В июле-сентябре 1932 г. состоялось 460 стачек. Все чаще выступления рабочих заканчивались победой. Только в июле 1932 г. успешно закончились 42 забастовки ^{26/}.

Подъем массового стачечного движения становится очевидным с сентября 1932 г., когда правительство Папена издало чрезвычайный декрет, фактически ликвидировавший тарифную систему заработной платы в стране. Это хищническое наступление на жизненный уровень рабочего класса вызвало массовое возмущение рабочих. По всей Германии прокатилась волна выступлений пролетариата. Уже к середине октября 1932 г. состоялось 500 забастовок. 228 из них были успешными. Забастовочная волна, начавшаяся в сентябре, продолжалась до конца года. Она отличалась от боев 1930 и 1931 гг. своей широкой географической разбросанностью и успешным завершением. Из 773 стачек, состоявшихся с 16 сентября по 15 ноября 1932 г. в Германии, 400 закончились полным успехом ^{27/}. В общем итоге с 5 сентября по конец декабря в Германии состоялось 1100 забастовок ^{28/}. 177 из них проведены в металлургической промышленности, 148 - в строительной, 119 - на фабриках, 117 - в текстильной промышленности, 51 - в кожевенной и т.д. ^{29/}

Вышей точкой подъема рабочего движения в 1932 г. была ноябрьская стачка берлинских транспортников. Она, как и большинство других забастовок этого периода, была направлена против снижения заработной платы в соответствии с сентябрьским декретом Папена. Еще 16 сентября делегатская конференция рабочих транспортного общества приняла решение ответить на все попытки снижения заработной платы стачкой. В конце октября был избран центральный стачечный комитет, в состав которого вошли представители РПО, АДГБ, и НСБО ^{30/}. Реформисты, которые обладали довольно прочными позициями среди берлинских транспортников, были уверены, что КПГ и РПО не удастся повести

за собой большинство рабочих. В своей уверенности они исходили из того, что КПГ имела в транспортном обществе лишь 31 ячейку с 285 членами, а организация РПС здесь состояла из 1200 человек при общем количестве рабочих в 22 тыс.^{31/} В то же время к АПБ принадлежало 6 тыс. рабочих. Однако РПО в организации борьбы опиралась на массовое недовольство рабочих наступлением предпринимателей. Руководство РПО в качестве основного лозунга в момент подготовки борьбы выдвинуло лозунг единства действий рабочего класса. Одна из многочисленных листовок РПО этого периода призывала: "Создавайте единый фронт борьбы против грабежа заработной платы, избирайте комитеты борьбы из лучших, готовых к борьбе товарищей, независимо от их политической принадлежности. Только единый фронт позволит довести борьбу до победного конца!"^{32/} Призыв РПО к забастовке был поддержан большинством рабочих - транспортников. 2 ноября за забастовку проголосовало 14 471 человек, против - лишь 3 993^{33/}. 3 ноября началась забастовка. Остановились все виды транспорта в городе с 5-миллионным населением. В поддержку бастующих транспортников высказались коллективы многих предприятий столицы, на демонстрации солидарности вышли безработные Берлина. Стачка все больше приобретает характер политической борьбы рабочего класса против буржуазии.

Против бастующих сложился единый фронт предпринимателей, правительства и лидеров реформистских профсоюзов. В кампанию против стачки включились представители нацистских организаций, намереваясь подорвать единый фронт бастующих. 4 ноября было арестовано свыше 400 рабочих. Полиция охотилась за членами стачкома. Под ее охраной на работу доставлялись штрейкбрехеры. В этих условиях

стачком принял решение прекратить забастовку. 7 ноября он издал листовку, в которой говорилось: "Пять дней мы бастуем. На нашей стороне весь трудящийся Берлин. В борьбе мы создали единый фронт членов профсоюзов и неорганизованных, коммунистов и социал-демократов, беспартийных и национал-социалистов. Мы бастовали, несмотря на угрозы предпринимателей и террор полиции. В результате предательства лидеров АДГБ и измены руководства НСБО стачка окончена. Однако борьба продолжается" ^{34/}.

Забастовка транспортников Берлина знаменовала собой высшую точку подъема рабочего движения в Германии во второй половине 1932 г. Она носила ярко выраженный политический характер. Инициаторами и руководителями борьбы выступили коммунисты и РПО. Стачка была первым после 1923 г. народным движением в полном смысле этого слова ^{35/}. Она продемонстрировала силу единого рабочего фронта и вновь разоблачила истинное лицо реформистского руководства СДПГ и АДГБ.

В результате резкого подъема рабочего движения в стране немецкие монополии вынуждены были отказаться от осуществления многих мероприятий, предусмотренных чрезвычайным законодательством Папена, а впоследствии сентябрьский декрет Папена был вообще отменен.

Выступая на конференции КПГ в октябре 1932г. Э.Томман таким образом оценил революционный подъем в стране во второй половине 1932 г.: "Нам впервые удалось развязать действительно широкую волну борьбы против проведения чрезвычайного законодательства буржуазии и тем самым предотвратить в значительной мере проведение в жизнь сравнительно обширной программы финансового капитала."

Была опровергнута на практике реформистская теория, согласно которой во время кризиса невозможно проводить стачки, так как безработные сыграют роль штрейкбрехеров, и что нельзя бороться против чрезвычайных декретов, диктующих снижение зарплаты.

Широкие массы впервые практически осознали, что успеха можно добиться только в борьбе, к которой их постоянно призывают коммунисты и РПО" 36/.

АПОЛОГИИ СТЫЖЕНИИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ И САНАЦИОН-
НОЙ ПОЛЬШИ В 1934-1938 гг. РЕАКЦИОННОЙ ИСТОЧНИКОВАНИИ

В последнее время произошел резкое потепление международного климата в Европе. Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, нашла свое конкретное выражение в повороте от конфронтации периода "холодной войны" к мирному сотрудничеству европейских государств. Московский и Варшавский договоры 1970 г. с ФРГ, а также целая система других соглашений стали значительными вехами в развитии Европы по пути мира. Зафиксированная в них нерушимость европейских границ нанесла тяжелый удар реваншистам, мечтавшим о "переигрывании" итогов второй мировой войны. По выражению одного из советских журналов, "саперы мира обезвредили мину замедленного действия, часовый механизм которой грозно тикал все послевоенные годы, угрожая благополучию и самому существованию народов нашего континента" 1/.

Однако в ФРГ продолжает действовать крупная оппозиция делу мира в Европе, включающая крайне реакционные силы. Особую активность проявляет в этом направлении лидер баварского ХСС Штраус, владелец газетного концерна Шпрингер. Под влиянием реакционных кругов судьи в Карлсруэ вынесли официальное решение, что "граница между ГДР и ФРГ не является границей суверенных государств, а похожа на границу между землями одного и того же государства" 2/.

Судьи из Карлсруэ произвольно толкуют и договор между ФРГ и ПНР, т.е. пытаются отвергать реальности послевоенного развития. Они нередко оперируют преследующей реакционной историографии, созданной в годы войны, в частности, произведениями такого органа, как "Германское общество по изучению Восточной Европы". Популяризирующая его идеи "Osteuropa", подавая польско-западногерманский договор как совершившийся факт, вместе с тем не одобряет отношение Польши к ее западной границе и считает ее виновной за напряженность предыдущих лет. Старый специалист по Польше, довоенный корреспондент гитлеровских газет Ласуан, например, называет позицию Польши перед подписанием договора "слишком формальной и мало эластичной", а отклонение польской стороной предложения западногерманских реакционных кругов о "мирном исправлении" границы по Одеру и Нейсе считает выражением "необоснованного сопротивления" ^{3/}. В ФРГ и сегодня немало последователей Ласуана. Не ушли в прошлое попытки пересмотреть то, что давно уже решено историей.

В этой связи обращение к предистории второй мировой войны представляет собой более чем академический интерес. Изучение международных отношений 30-х годов проливает свет на некоторые проблемы, неотвратимо возникающие перед странами Европы и государственными деятелями наших дней. Это обстоятельство делает задачу критического анализа реакционной историографии германо-польских отношений между мировыми войнами весьма актуальной.

Строго заданный объем предлагаемого материала не позволяет выделить и сформулировать все характерные положения реакционной историографии германо-польских отношений 30-х годов. Поэтому рассмотрению подлежит лишь определенный круг работ, в который входят: писания немецко-фашистских авторов, произведения представителей "санации" и эндиции, литература из реваншистского арсенала западногерманской буржуазной науки. Первая группа сочинения гитлеровских псевдоученых -- включает в себя писания, отличающиеся, прежде всего, крайней наглостью и неупреждающей радостью, демонстрировавшимися в связи с достижением т.н. примирения между Германией и Польшей после заключения пакта 1934 г. Соглашение о "мирном разрешении споров и ненападении" фашистские историки комментировали как залог "теснейшего содружества по работе" между Берлином и Варшавой, в политическую основу которого заложен принцип "do ut des"^{x/}

Гитлеровские "ученые" заявляли, что Германии нужно было выиграть время, внести раскол в ряды своих возможных противников, и первым шагом к достижению этой цели явилось сближение с Польшей. В книге, которая появилась в мае 1934 г. и была рекомендована фашистским министерством пропаганды наравне с писаниями Гитлера, Геббельса и других нацистских бонз, переметнувшийся к гитлеровцам историк Герман Штергеман, например, писал: Пакт, заключенный между Германией и Польшей станет только тогда понятным, если его рассматривать на фоне французской системы союзов ... Он противостоит этой системе на Востоке Европы, хотя Польша подписала договоры, которые являются основой данной системы. Иными словами, пакт представляет первую счастливую попытку в каком-то месте прорваться

x/"Дав тебе с тем, чтобы ты мне дал"/лат./

сквозь цепь и в жизненном пункте проникнуть в лабиринт государств, окружающих Германию. Надо было разорвать версальское окружение и любой ценой ликвидировать зависимость от Запада. Это удалось. В результате Польша получила больше свободы для движения на Восток. Германия же приобрела возможность двигаться на юго-восток" 4/.

Этот тезис Штегемана более подробно разъяснял участник почти всех послеверсальских международных конференций Отто Кригк. Обещая Польше награду за "мужество", проявленное ею при подписании пакта, Кригк в книге "Конец Версаля" заявлял, что Польша получит "привилегию совместно с Германией отвечать за те новые мероприятия, которые Европа будет проводить после отказа от Версаля" 5/.

Официальный же историограф гитлеровского правительства Фрейтаг-Лорингофен оценивал германо-польское соглашение как "достижение безопасности Германии на Востоке". Он также всячески расхваливал пилсудчину за проявленную "смелость". Однако это не мешало ему впоследствии взвалить всю вину за разрыв на Польшу, объявив ее "неблагодарной" за область Олзы и лицемерить по поводу причин нападения Германии. "Польша сделала все, чтобы разрушить договор, - писал Фрейтаг после сентябрьского разгрома, - Фюрер вынужден был 28 апреля 1939 г. заявить о его расторжении" 6/. После денонсации германо-польского пакта все нацистские авторы объявили Польшу "эпизодом германской политики", а всю польскую политику "дилетантской" 7/.

Сам же Бек после "трогательной" дружбы с гитлеровцами в 30-х годах был окрещен "Люблинским Тартареном из Тараскона" ^{8/}, а германо-польский пакт 1934 г. был назван лишь "попыткой взаимопонимания Гитлера и Пилсудского" ^{9/}. После сентябрьского разгрома Польши и на протяжении всей второй мировой войны гитлеровские псевдоученные продолжали чернить Польшу, обвиняя ее в невыполнении условий соглашения с Германией, подписанного в январе 1934 г.

Достижение германо-польского примирения с исключительным пристрастием трактовали и представители реакционных кругов досентябрьской Польши. Объявив Советский Союз врагом № 1, они в основе соглашения с Германией согласны были видеть возможность включения Польши в сферу немецкой экономической гегемонии.

Наиболее ярким идеологом этой концепции был Владислав Студницкий. В своей нахуливающей в те годы книжке "Политическая система Европы и Польша" он выдвигал следующий категорический тезис: "Польша с точки зрения ее географического положения должна стремиться к сближению с Германией, к созданию вместе с ней общего средневропейского блока" ^{10/}.

Апология германо-польского союза у Студницкого органически сочеталась с ненавистью к СССР. "Советская Россия, — писал он, — является государством, с которым примирение и хорошие отношения более опасны, чем вражда. Политическое сближение и дружба, как результат такого сближения, открывает дорогу идеологическим влияниям, в то время как политическая вражда вызывает ненависть к советской психологии и советской идеологии" ^{11/}.

Подобные откровения Студницкого встречали резкий отпор со стороны прогрессивных сил Польши, предпри-

мавших в то время попытку создания народного фронта. Пресса этого направления остро критиковала главного трубадура гитлеровско-санационного сближения. Так, например, Дембинский писал в 1935 г.: "Гитлеровские сны о Срединной Европе являются грозной опасностью для независимости польского народа. Несмотря на это, Студницкому снится то же самое, что и властителям

Третьего рейха. Если рассматривать его как личность, то он крикливый, а не серьезный публицист. Однако за ним стоят сильные и влиятельные круги. Его линия свилась золотой нитью со статьями в консервативной прессе. Мегафоном Срединной Европы являются прежде всего "Слово" и краковский "Час" во главе с князем Сапегой. Однако этим не исчерпывается список энтузиастов обращения с Третьим рейхом. Знаменательно, что все эти люди, — говорящие больше всего о Польше и народе, защищая свои классовые интересы, — стремятся к такой внешней политике, которая может смертельно поразить независимость Польши и будущее польской культуры"^{12/}.

Однако польские реакционеры были далеки от учета столь ярких предостережений.

На роль младшего партнера гитлеровской Германии по сути дела соглашался отдать собственную страну и видный пиисудч.к Смогожевский. Приветствуя подписание германо-польского пакта и заявив, что теперь Польше не грозят "никакие катастрофы и никакие несчастья", он писал: "Физическая и экономическая география, а также вьющаяся линия нашего этнического соседства велят нам выйти на дорогу сотрудничества"^{13/}.

В книге "Мысли о национальной политике и национальном государстве" безусловным апологетом германо-польского сближения объявил себя такой ретроград, как Зигмунд Войпеховский, который считал, что един-

ственным средством укрепления Польши является перенесение на польскую почву идей и методов германского фашизма. "В наши дни, — писал он, — можно еще дискутировать о том, достаточно ли осторожна тактика, применяемая в отношении Германии, но никто не останавливается перед альтернативой: с Германией против России или с Россией против Германии" ^{14/}.

Выразительную оценку германо-польскому сближению дает и бывший редактор Виленского "Слова" Мацкевич, ревностно отстаивавший так называемую "теорию двух врагов" Польши, и также проповедовавший идею союза с фашистской Германией. Весьма примечательно то, что этот реакционер в результате борьбы клик за власть, развернувшейся с особой силой после смерти Пилсудского, сам угодил в Березу-Картузскую, созданную в 1934 г., т.е. вслед за заключением сделки Гитлера с пилсудчиной. Мацкевич находился в концентрационном лагере под личным номером 2858 и впоследствии подробно описал ужасы Березы, сравнивая ее с адом Данте ^{15/}.

Германо-польское примирение Мацкевич оценивает как шаг к осуществлению гитлеровской программы похода на Советский Союз при активном соучастии Польши и при нейтралитете Западной Европы. Сравнивая достижение соглашения между Германией и Польшей с брачным союзом, он пишет следующее: "Если после венчания дело не доходит до брачных отношений между супругами, то церковь говорит: *"Matrimonium ratum, sed non consummatum"* ^{x/} и объявляет такой брак недействительным. Наше понимание с Германией было *"ratum"*, но *"non consummatum"*, так как совместный поход против России не состоялся" ^{16/}. В одной из статей Мацкевич соболезновал по поводу наметившегося охлаждения между Германией и Польшей и заявил, что Бек вышел из "немецкого трамвая" "чересчур рано

x/ "юридически действительный, но не заверченный"
/лат./

или чересчур поздно" 17/. Стремясь сохранить уже
трепавший зимой 1939 г. по всем швам пакт, Мацке-
вич тем самым давал понять, что ни в коем случае
нельзя рвать с прогерманским курсом.

Активную работу по культивированию сближения
между фашистской Германией и санационной Польшей,
а затем по защите т.н. "линии 26 января" /пакта о
ненападении/, проделал Ватикан. Через папский инсти-
тут Востока, коллегия "Руссикум", богомольцев - поля-
ков, посещавших Рим, зондировались пути германо-
польского сближения. Папа Пий XI, принимая одну из
делегаций католиков-поляков, говорил сначала по -не-
мецки, а затем закончил по-польски: " Да наступит
согласие!" 18/.

По свидетельству действительного члена Герман-
ской Академии наук в Берлине Винтера, германский посол
в Ватикане в донесении от 30 ноября 1934 г. писал
даже о фашистском "восточном фронте, в котором сто-
дилась важная роль Польше, Австрии и Венгрии" 19/.

В польской литературе, посвященной т.н. примире-
нию Германии и Польши, имеется также группа авторов,
которая ставила под сомнение не столько надобность
заключения германо-польского соглашения, сколько
беспокойлась о пользе Польши, вытекающей из него.
И ним прежде всего следует отнести представителей
эндецкой оппозиции режиму санации. Эти авторы крити-
ковали "санацию" не за заключение пакта с Германией,
а за происшедшее ухудшение отношений Польши с буржуаз-
ным Западом. Они не хотели понять, что односторон-
ность пользы, полученной только Германией, вытекала
из самой сути "рабочего сотрудничества", которое

приняла на себя Польша, подписав договор с Гитлером. В этих кругах, пожалуй, лишь генерал Сикорский отдавал себе отчет в последствиях пакта и называл польских сторонников согласия с рейхом "неисправимыми мечтателями". Он пытался напомнить Пилсудскому и Беку в книге "Будущая война" опыт 1790г., т.е. трагический опыт того давнего прусско-польского союза, который завершился окончательным падением и разделами Польши, осуществленными по инициативе Пруссии. "И теперь, - писал Сикорский, - так же, как и 150 лет тому назад, Германия придерживается той же тактики" 20/.

Позднее другие польские авторы из буржуазно-политических кругов еще более скептически высказывались о перспективах польско-германского сближения. "До сих пор я полагал, - писал ведущий обозреватель эндецкого журнала "Merkuriusz polski" / № I за 1939г./ Браун, - что все происходящее как-то согласовано с Берлином и будет чем-то "серьезно компенсировано" Польше. Я полагал, что немцы рвутся к Украине и раз наше правительство этому не противодействует, значит находится в соглашении с немцами... Я признавал логику здравого рассудка в таком ходе дела. Больше того: если бы немцы начали с создания Украины на Днестре, то Польша могла бы пойти вместе с ними против Советов. Но немцы насильно!! выталкивают нас из антисоветского фронта, ибо начинают свой украинский крестовый поход с атаки не на Россию, а на Польшу. Теперь ясно, что никакого соглашения между нами нет" 21/.

Вопросы, связанные с т.н. примирением между Германией и Польшей, нашли свое широкое отражение

и в мемуарной литературе. Здесь по рассматриваемой проблеме вполне определенный интерес представляют произведения двух людей, которые непосредственно руководили польской внешней политикой с 1932г. вплоть до катастрофического военного поражения Польши: это "Воспоминания" министра иностранных дел Бека и "Дневник" его заместителя графа Шембека.

Полковник Бек в своих мемуарах стремится доказать последовательность и правильность внешнеполитической линии руководителей досентябрьской Польши ²²¹. Бескрывая двуличную политику Франции и Англии в вопросе гарантий Польше, Бек в то же время делает все, чтобы обвинить Советский Союз в агрессивности. Основное внимание он уделяет оправданию германо-польского пакта от 26 января 1934 г. При этом он пишет, что достижение соглашения между Германией и Польшей произошло по воле Пилсудского, который характеризуется непогрешимым политическим деятелем не только Польши, но и всей Европы. Само подписание договора с Германией Бек объясняет тем, что поляки не могли рассчитывать на помощь Франции в случае столкновения с Гитлером, как и на помощь Румынии и Чехословакии. Бек всячески нападает на советскую внешнюю политику, пытаясь замаскировать антисоветское острое сделки с Гитлером и обосновать мысль, что независимая позиция Польши в отношениях с Германией и СССР и ее упорное нежелание подчиниться влиянию своих соседей явились якобы причиной военного конфликта. За дымной завесой подобных рассуждений Бек стремится скрыть торпедирование санационной Польшей проекта Восточного пакта.

Согласно же выводам историков Польской Народной Республики "Бек не только отказался от присоеди-

нения к пакту, но и боролся против него всюду, где только было возможно" ^{23/}. Отказавшись от учета реальностей 30-х годов и руководствуясь фальшивыми постулатами, "Пилсудский и Бек не хотели пожертвовать договором с рейхом в обмен на действительные гарантии безопасности в которых Польше было отказано в Локarno, но которые ей давал Восточный пакт. Это решение и предопределило судьбу того пакта, который был одним из последних шансов спасения мира и был уничтожен близорукостью буржуазных политиков" ^{24/}.

Шембек более сдержан, чем Бек. Страницы его "Дневника" в большинстве своем свободны от дипломатических ухищрений. Записи Шембека весьма ярко иллюстрируют антисоветскую направленность сделки между нацистами и пилсудчиками, показывают доброжелательное отношение к Гитлеру правителей Польши, увязавших в аннексионистских и великодержавных иллюзиях на Востоке.

К воспоминаниям Бека и дневнику Шембека тесно примыкают откровенные панегирики Беку, написанные его приближенными: послом в Москве, а затем в Париже - Лук#севичем, журналистом Вжосом, руководителем "Бунта молодых" Бохенским и другими. Эти пилсудчики на все лады расхваливали германо-польское сближение, а самого Бека и его политику окружили ореолом "тайнственности". Они твердили, что после достижения соглашения с Германией Польша стала сильной, а ее внешняя политика независимой, что руководители государства теперь проводят в жизнь "польскую доктрину Монро" ^{25/}. Восхваление Бека его приближенными превосходит все представления о чувстве меры. Конрад Вжос, например, повествует о случае с японским деятелем, который якобы специально

приехал в Варшаву, чтобы "посмотреть на человека, являющегося самой видной фигурой в Европе". Но у Бека не было времени встретиться с гостем из Японии, т.к. он срочно уезжал на заседание Совета Лиги Наций. Тогда японец воскликнул: "Я поеду за паном в Женеvu" 26/.

Лукасеvич также не менее усердно расхваливал Пилсудского, Бека и Гитлера. У него мы находим буквально следующее: "Будучи велики^{ми} реалистами, Пилсудский и Гитлер не провозгласили вечного мира, а дали себе и своим государствам 10-летний срок на проведение этого великого испытания. Прошедшие 4 года позволяют констатировать значительный успех и иметь хорошие надежды на будущее" 27/. Лукасеvич писал подобное незадолго до разгрома Польши, в преддверии сентябрьской трагедии польского народа.

Побившее все рекорды прихлебательство продемонстрировал один из самых доверенных лиц Пилсудского, директор административного департамента Матушевский. Называя Пилсудского "чародеем", знающим, когда "высокие приливы и отливы закачают Европу", Матушевский считал его не только гениальным, но и чем-то выше: "... слово "гениальность" -- это не ответ. Это только определение, которое мы даем очень трудным явлениям, чтобы наш разум мог их понять" 28/. Так заканчивалась эта тирада.

Убедительным разоблачением внешнеполитической "гениальности" Пилсудского и его доверенных является книга историка ПНР Яшуньского, носящая весьма характерное название: "За политику - двойка!". Проводя главную мысль о недопустимости ошибок межвоенного

двадцатилетия, резко критикуя курс санации, Яшуньский определяет германо-польский договор 1934г., как "крупнейшее поражение" Пилсудского -Бека. В 1933г., пишет автор, "Польша оказалась на развилке дорог. Она могла поставить на Берлин и сотрудничество с Третьим рейхом, стремившимся к гегемонии в Европе. Она могла поставить и на Москву, чтобы вместе с СССР участвовать в создании коллективной безопасности в Европе. Пилсудский и Бек выбрали Берлин" 29/.

Отдельного рассмотрения требует литература, входящая в реваншистский арсенал западногерманской буржуазной исторической науки. В ФРГ в годы "холодной войны" нашли широкий простор культивирование и поддержка реваншистских и милитаристских настроений. Статьи и книги, выходившие в фашистской Германии и санационной Польше в 1934-1936 гг. и рекламировавшие германо-польское сближение, хлынули в тот период массовыми тиражами.

В послевоенное время в Западной Германии вышло несколько работ, непосредственно посвященных германо-польским отношениям тридцатых годов. Среди них прежде всего следует назвать книги Брейера, Рооса, Хелтье, Рихтгофена, Денне, Раушнинга, Биршенка, бывшего активного гитлеровца Лаеуэна. Многие из этих авторов, выдвинув односторонние и предвзятые концепции и объявив все польские правительственные документы уничтоженными в период боевых действий, а материалы Нюрнбергского процесса "ничего не вносящими, что достойно упоминания", в освещении польско-германских отношений 50/ занимались сознательной фальсификацией в этой области.

Заявляя, что основой отношений и причиной примирения была тогдашняя слабость Германии и что "Гитлер нуждался в Польше как форпосте против Азии, т.к. боялся /непосредственной - Д.К./ границы с Советским Союзом" ^{31/}, реакционные историки ФРГ фактически продолжили клеветнические выпады гитлеровских псевдоученых против советской дипломатии и советской историографии. Брайер, например, пишет, что "советские утверждения, будто Польша находилась в фарватере германской политики фальшивы" и что "советские мнения, будто Пилсудский отдавал предпочтение союзу с Германией мало вероятны" ^{32/}. В своих антисоветских построениях Брайер даже проповедует такое беспочвенное утверждение, будто "Липский был уверен, что Германия и Советский Союз в ноябре 1934г. стояли перед заключением политического и военного договора" ^{33/}. Всячески обеляя германский империализм и руководителей фашистского МДДА Нейрата и Бюлова, Брайер всю ответственность за заключение германо-польского договора 1934 г. согласен возложить только на Гитлера и Гинденбурга, которые-де достигли соглашения с Польшей, пожертвовав немецким национальным меньшинством и оставив его под польским господством. В этом последнем утверждении и раскрывается Брайер полностью, выступая апологетом немецкой "пятой колонны", выросшей в Польше именно в теплом климате январского пакта 1934г. Адвокатами "пятой колонны" выступают в своих книгах Гиршенк ^{34/} и некоторые другие западногерманские авторы.

Доверенный Гитлера, а затем дезертир из нацистского лагеря Раушнинг, определявший в свое время германо-польское сближение 30-х годов. как политику "свободно остающихся целей" ^{35/}, нашел себе последователей в относительно либеральном лагере. Наиболее ярко выражен-

ным представителем этого так называемого "примирительного" в отношении Польши направления является Роос. В своей работе "Польша и Европа", несвободной как и книга Брайера от антисоветских устремлений, Роос предлагает включить Польшу в германское "Большое хозяйственное пространство" ^{36/}.

В Западной Германии и по сей день популяризируют и нередко находят симпатии как довоенные, так и послевоенные писания Студницкого. Крайним реакционерам из ФРГ и сейчас импонируют призывы этого ретрограда к новому походу против СССР. "Крестьяне в районе Слущка, — писал Студницкий в выпущенной в Геттингене, книжке, — говорят: "что с нами будет, если не воззираться польские помещики" ^{37/}. Многие западногерманские реваншисты включили в свой арсенал не только такой бред Студницкого, но и писания крайне реакционного американского историка Хогэна, который пишет о Беке, как яром противнике нереализованного союза с гитлеровцами против

СССР. По Хогэну, лишь отказ Польши от заманчивого предложения Гитлера "стать союзником против большевизма привел к величайшей катастрофе" ^{38/}. Вместе с тем Хогэн расточает комплименты Беку, который якобы "поступил умно, отказавшись от сотрудничества с Советским Союзом" ^{39/}. Описывая реакционные шаги руководителей санационной Польши, Хогэн вслед за гитлеровцами и пилсудчиками продолжает твердить, что "Польша должна была выполнить исключительно важную миссию в Европе в качестве оплота против большевизма" ^{40/}.

Как видите, выполнить "миссию", да еще "исключительно важную". Как будто Хогэну невдомек, что еще в 30-х годах даже самые законченные реакционеры сомневались

успехе подобного дела. В 1936 г. Мацкевич, например, заявлял об "актуальной угрозе полного разложения правящего лагеря" ^{41/} в Польше. Студницкий же уже тогда заговорил о "грозном положении не только для развития, но и для существования" ^{42/} санационного государства.

Таким образом, своеобразная "перекличка" реакционеров послевоенных с довоенными опять-таки не в пользу вчерашнего дня.

Реакционные историки из ФРГ "забывают" о том, что германо-польское сближение типа 30-х годов вообще невозможно в силу условий, сложившихся в Европе после разгрома гитлеровской Германии. Потускневший лозунг, призывающий к "мирному решению" вопроса о границах, теперь уже не может обмануть ни немцев, ни поляков, ни мировую общественность.

В наши дни территориальные притязания к Польше нельзя разрешить на путях агрессии и реванша. И прежде всего поэтому притязания западногерманских реваншистов в Центральной Европе обречены на провал.

Этот вывод подтверждается действиями нынешнего правительства ФРГ, возглавляемого социал-демократом Брандтом. Правительственная коалиция СДПГ-Св.ДП использовала исторические "возможности, чтобы приличествующим образом, достойно слезть с клячи реваншистской политики прежних правительств Западной Германии и перейти к политике мира и разума" ^{43/}.

Реалистический курс, приведший к признанию статус-кво в Европе и нерушимости существующих границ, нашел поддержку общественного мнения не только в ФРГ, но и почти во всех странах мира.

В.С.КОМЕЛЕВ

БОРЬБА В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ ЕГИПТА ПО ВОПРОСУ
О ПОЗИЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
/ июль - сентябрь 1940 г. /

Примечательной чертой политического развития Египта накануне II мировой войны было усиление позиций королевского двора. Внешне это проявилось в назначении Али Махира /август 1939 г./ главой правительства, в состав которого вошло несколько лиц, известных своими антибританскими настроениями. В таком виде кабинет имел "националистический привкус".

Подготовка к войне и ее успешное для держав "оси" начало способствовали усилению прогерманской ориентации части правящих кругов Египта. Играя на противоречиях между двумя империалистическими блоками, дворцовая камарилья стремилась обеспечить себе максимально возможные выгоды независимо от исхода международного конфликта. Начавшаяся в Европе война поставила на повестку дня перед египетским правительством вопрос об объявлении войны фашистской Германии. На долгое время этот вопрос стал камнем преткновения в англо-египетских отношениях. Вопреки советам английского посла Майлза Лэмпсона кабинет Али Махира не объявил войны, хотя и оказал разнообразную помощь Англии в соответствии с договорными обстоятельствами.

Определяющей тенденцией в англо-египетских отношениях вплоть до вступления в войну Италии /июнь 1940 г./ являлось практически неукоснительное выполнение Египтом статей англо-египетского договора 1936 г. и разнообразных требований английских властей. Однако содержание политики алимахировского кабинета не было однозначным. По мере развития военных успехов фашистской

Германии в его деятельности все четче проявляются центробежные в отношении английских властей тенденции. Деятельность кабинета внешне все в большей степени приобретает националистический характер.

Конфликт в англо-египетских отношениях стал неизбежен, когда Италия вступила в войну, а кабинет Али Махира не только не объявил ей войну, но занял открыто враждебную Англии позицию. Тогда английское правительство решило оказать давление на египетского короля и потребовало от него уволить кабинет Али Махира в отставку. Фарук предпринял отчаянную попытку сохранить пребывание Али Махира у власти, обратившись за помощью к королю Георгу VI. Однако решение Лондона было окончательным. 23 июня 1940 г. Али Махир подал в отставку.

Таким образом, в результате мер, предпринятых английскими властями, ориентирующееся на державы "оси" правительство Али Махира пало, как только его политика заигрывания с фашистскими державами создала определенную угрозу английским интересам на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

После длительного политического кризиса 28 июня 1940 г. вышел королевский декрет о формировании нового кабинета во главе с Хасаном Сабри, известным своими дружественными отношениями с английским послом. По мнению египетского историка Амина Саида, это назначение знаменовало собой "победу политики Лэмпсона" в Египте I/. Однако отношение английских властей к кандидатуре Х.Сабри было гораздо сложнее и не укладывалось в формулировку Амина Саида. Не случайно римский корреспондент

"Фелькишер Беобахтер" подчеркивал, что новый египетский премьер "находится в тесном контакте с королевским двором и уже выступал как доверенное лицо короля Фарука" ^{2/}. Надо полагать, "победа" Лэмпсона — это полупобеда, если не меньшая часть победы, принимая во внимание тот факт, что вплоть до событий 4 февраля 1942 г. египетские кабинеты в целом обслуживали также интересы двора и находились под его контролем.

Коалиционное правительство сформировали партии антивафдистского блока: саадистская, либерал-конституционная, ватанистская и "независимые". Лдро кабинета составляли "независимые", представленные 6 министрами, в том числе и Х.Сабри. Из всех кабинетов, которые находились у власти в Египте в период с 1938 г. по 1945 г., этот кабинет принято считать самым слабым.

Новый кабинет унаследовал от предыдущего все политические проблемы, разрешение которых становилось делом первостепенной важности по мере того, как обстановка в Северной Африке все более и более обострялась. Главной из них по-прежнему являлся вопрос о позиции Египта по отношению к войне. 3 июля 1940 г. Х.Сабри выступил перед палатой депутатов с речью о внутренней и внешней политике правительства. Это было первое программное выступление главы кабинета. Газета "Аль-Мукаттам" отмечала, что общественность страны "с большим нетерпением ожидала выступления премьера, будучи обеспокоенной за ту линию, которой будет придерживаться новый кабинет в своей внешней политике" ^{3/}. Зал заседаний парламента был переполнен — ни одного свободного места ^{4/}. Х.Сабри заявил о стремлении правительства к независимости и благополучию страны, затем

подчеркнул верность союзническим обязательствам и готовность продолжать политику, утвержденную парламентом 12 июня 1940 г. ^{5/} Депутаты с одобрением встретили речь премьера. В ходе парламентской дискуссии многие из них резко критиковали вмешательство английских властей во внутренние дела Египта, приведшее к падению правительства Али Махира. В донесении госдепартаменту посланник США в Египте Хар сообщил, что заявление нового премьера "существенно совпадает с выступлениями предыдущего премьера Али Махира, и рассматривается как полное подтверждение его политики" ^{6/}. Таким образом, новое правительство выразило свою готовность придерживаться оборонительной позиции в войне. Но теперь обстановка в Северной Африке была гораздо сложнее, нежели в период пребывания у власти Али Махира — война все ближе приближалась к Египту. Вплоть до конца сентября 1940 г. вопрос об участии Египта в войне не сходил с повестки дня.

Именно с обмена мнений по этому вопросу началось первое заседание нового кабинета. Министры пришли к соглашению, что Египет выступит против Италии только в том случае, если итальянские войска подойдут к Мерса Матрух, первому египетскому укрепленному пункту на средиземноморском побережье в Западной пустыне ^{7/}. Если принять во внимание, что между Соллумом /египетский населенный пункт недалеко от ливийской границы/ и Мерса Матрух расстояние в 230 км,⁸ то напрашивается вполне законный вопрос: не является ли это решение продолжением той политики Али Махира, в осуществление которой он отвел египетские войска от западной

границы, чтобы не быть втянутым в войну с державами "оси". Факты свидетельствуют в пользу положительного ответа на этот вопрос. Египетские войска были отведены от Саллума по приказу Али Махира. Но если бы новое правительство имело определенные намерения вовлечь Египет в оборонительную войну то для него не составило бы никакого труда отменить этот приказ и продвинуть свои вооруженные силы к западной границе для совместной с британскими войсками обороны Египта. Вместо этого правительство допускало возможность оккупации итальянскими войсками значительной части страны. Незримая тень Али Махира стояла за этим решением. Х.Сабри не был самостоятелен в определении политической линии своего кабинета. Он не мог отменить указ Али Махира. Королевский двор обязал его продолжать политику предыдущего кабинета, т.е. политику невступления в войну, каковы бы ни были условия^{8/}. Со всей очевидностью это обнаружилось, когда итальянские войска подошли к Мерса Матрух, а объявление войны со стороны Египта не последовало.

С другой стороны, решение о передислокации египетских частей в направлении Саллума вызвало бы недовольство "египетского народа, большинство слоев, партий и группировок которого в то время было против объявления Египтом войны"^{9/}. Подобные настроения особенно усилились после того, как английское правительство в апреле 1940г. в ответе на меморандум Вафда выразило отрицательное отношение к вопросу о выводе английских войск из Египта.

Общая установка кабинета по вопросу об участии в войне не согласовывалась с позицией саадистской партии, которая была представлена в кабинете 4 министрами. Между тем Х.Сабри всякий раз старался подчеркнуть правомерность решения, принятого на первом заседании.

Так, выступая перед палатой депутатов в июле 1940 г., он заявил, что "правительство несет ответственность за сохранение независимости страны, придерживаясь политики, направленной на избежание бремени войны"^{10/}

Серьезным аспектом такой политики явился вновь всплывший на поверхность вопрос об объявлении Каира "открытым городом". 17 июля один из депутатов парламента запросил премьера, не считает ли он целесообразным объявить Каир "открытым городом" на том основании, что Египет - невоюющая страна. В ответ последовало буквально следующее: "Нет ничего, что бы запрещало объявить Каир открытым городом. Однако этому должно предшествовать соглашение между египетским и союзным правительствами с тем, чтобы такой акт возымел требуемый эффект... Египетское правительство вступило в переговоры с английским для достижения такого соглашения..."^{11/} Английские власти, разумеется, даже в мыслях не допускали возможности объявления Каира "открытым городом".

К августу военная обстановка в Ливии изменилась. Произошли первые столкновения между английскими и итальянскими войсками. Важные действия в Ливии пулким эхом отозвались не только в кулуарах правящих кругов, но и на страницах каирской печати. Грозный призрак войны теперь стал для Египта реальностью. В это время саадистская партия развернула широкую кампанию за выступление Египта в войну, за необходимость объявления войны Италии, как только ее войска перейдут египетскую границу. Инициатором этой кампании являлся сам Ахмед Махер, глава саадистской партии и председатель палаты депутатов. Против него выступили Исмаил Сидки и большинство египетских политических деятелей. 21 августа этот вопрос обсуждался на секретном заседании палаты депутатов, которая, выразив доверие правительству, подтвердила

предыдущее решение палаты депутатов от 12 июня 1940г. ^{12/} Новое решение явно обязывало египетское правительство вступить в оборонительную войну, как только территория или вооруженные силы Египта подвергнутся нападению. В то же время ни слова не говорилось об официальном объявлении войны в случае агрессии. Приняв во внимание дальнейшее развитие событий, есть все основания полагать, что в действительности египетское правительство не отказалось от своего решения, принятого на первом заседании после формирования, и негласно продолжало действовать в соответствии с ним.

Египетское общественное мнение в этот период стояло перед альтернативной: либо уклонение от войны во что бы то ни стало, либо готовность оказать сопротивление в случае нападения. Наиболее последовательно к вступлению Египта в войну в ответ на итальянскую агрессию, как уже было сказано, призывала саадистская партия. Но "доминирующее течение египетского общественного мнения было по-прежнему против вовлечения страны в военные действия" ^{13/}. Ватанистская и либерал-конституционная партии, а также "независимые" выступали против участия Египта в войне. Что же касается вафдистов, то они, как свидетельствует ар-Рафи, воздержались от конкретных высказываний по этому серьезному вопросу и ограничивались требованием формирования нейтрального кабинета для проведения выборов ^{14/}. Такая противоречивая позиция общественного мнения была на руку королевскому двору и правительству.

К тому же надо иметь в виду, что египтяне подвергались массированному воздействию итальянской пропаганды, пытавшейся представить дело так, как будто Италия не

думает покусаться на суверенитет Египта. Наряду со всякого рода лживыми обещаниями и заверениями итальянская пресса и радио в это время обращались с прямыми угрозами в адрес Египта. Главным образом они сводились к напоминанию того, что Италия не может допустить, чтобы ей угрожали английские войска, действующие с египетских баз. 26 августа, в день годовщины подписания англо-египетского договора 1936 г., в редакционной статье "Джорнале д'Италия" подчеркивалось, что Египет будет рассматриваться враждебной стороной, если он предоставит Англии военную помощь. На следующий день газета графа Чиано "Иль Телеграфо" заявила, что Италия столкнулась в Египте с трагическим и абсурдным политическим парадоксом: "Египтяне остаются друзьями Италии даже тогда, когда они оказывают гостеприимство ее врагам англичанам" ^{15/}. Несомненно, что все это оказывало определенное влияние на египетские правящие круги и общественное мнение страны.

Активная пропаганда саадистов в пользу вступления Египта в войну вызвала серьезные разногласия в правительстве. Заявление Х.Сабри представителям прессы 27 августа весьма красноречиво говорит об этом. Премьер опроверг сообщения, опубликованные в утренних газетах об отставке кабинета и подчеркнул, что положение не изменилось и кабинет остается у власти. На самом же деле /как явствует из очередного донесения Фима, посланника США в Египте, государственному секретарю/ 26 августа Х.Сабри представил королю заявление об отставке кабинета. Это был заранее обдуманный ход, цель которого сводилась к тому, чтобы заручиться поддержкой вафлистов

либо вследствие удаления одного только Нукраши, лидера саадистов, с поста министра внутренних дел, либо, при возможности "полного устранения саадистов из кабинета. Но действовавшее в тесном контакте с Ахмедом Махиром английское посольство "вмешалось в последний момент и уредило премьера остаться у власти" и не предпринимать никаких изменений 16/.

Крайней остроты разногласия в правительстве Х.Сабри достигли после того, как 13 сентября итальянские войска пересекли границу и, пройдя вглубь египетской территории, сначала захватили Соллум, а к 17 сентября — Сиди Барани. Саадисты потребовали немедленного вступления Египта в войну. Ахмед Махир апеллировал к патристическим чувствам египтян. Выступая 19 сентября в городе Мамсура, он потребовал созыва парламента для того, чтобы определить отношение Египта к развивающимся событиям. В этой же речи он обращался к египтянам со словами предостережения на будущее: "Если мы будем придерживаться позиции невоюющей страны, то нам придется дорого заплатить за это. Что мы скажем нашим союзникам, когда война закончится: "Оставьте нас, мы сами займемся своими делами?". Не благоразумно ли будет, если они ответят нам: "Вы оказались неспособны выполнить долг защиты своей страны. Практика подтвердила это. Можем ли мы оставить вас, не рискуя, что вы подвергнетесь новой агрессии? Мы останемся для обеспечения ваших интересов и вашей защиты". Неужели после всего этого вы не видите, что мы хороним наше будущее собственными руками" 17/.

Ахмед Махир представлял ту часть египетской национальной буржуазии, которая хотя и связывала свое существование с судьбами британской империи, тем не

менее рассчитывала на удовлетворение своих интересов и упрочение политической независимости Египта после окончания войны. Однако восторженный патриотизм Ахмеда Махира и в особенности его надежды на будущее отчасти претили колониальным интересам английского империализма в Египте. Небезынтересно в этой связи отметить, что английское официальное издание, излагающее историю англо-египетских отношений 1914-1951 гг., следующим образом комментирует речь Ахмеда Махира от 19 сентября 1940 г.: "Участие египетских войск в войне с его точки зрения было необходимо не для того, чтобы защищать Египет от Италии, а для того, чтобы защищать его от Англии" 18/.

Что касается правительства, то его позиция оставалась не совсем ясной. Только 19 сентября, т.е. пять дней спустя после итальянского наступления, состоялось первое заседание кабинета, на котором обсуждался вопрос об отношении к происходящему. Министры-саадисты единодушно потребовали объявления войны, но не нашли поддержки со стороны остальных членов кабинета. Премьер-министр более чем откровенно изложил свою точку зрения: "Я не считаю целесообразным, чтобы Египет объявлял войну, даже если итальянцы достигнут Каира. Мы придерживаемся в этой войне позиции сотрудничества с нашим союзником, Англией, в рамках договора, заключенного обеими странами. Италия воюет против Англии, но не объявила войну Египту. Я беседовал с британскими политическими и военными деятелями, и пришел с ними к единодушному мнению, что для Англии будет гораздо выгоднее, если Египет останется невоюющим государством и не объявит войну державам "оси". И поскольку, дело обстоит именно таким образом, мы должны по мере своих

сил придерживаться политики, направленной на избежание Египтом бремени войны. Любой расчет будет приниматься во внимание только в связи с этим фактором" 19/ Приводимые Х.Сабри факты свидетельствуют, что он действовал в абсолютном согласии с английскими властями. Однако министры не пришли к единому мнению по данному вопросу. Выработка "окончательного решения" была перенесена на следующее заседание кабинета, состоявшееся 21 сентября. К этому времени разногласия во мнениях между министрами-саадистами и остальными членами кабинета достигли размеров кризиса. На повторном заседании кабинета саадисты по-прежнему настаивали на объявлении войны. В ходе дискуссии Х.Сабри вновь заявил, что "не видит причин, побуждающих к неосмотрительному изменению политики в настоящее время". Для большей убедительности он напомнил о заверениях английского посла в том, что "Великобритания удовлетворена неукоснительным выполнением Египтом договорных обязательств" 20/. Вопрос был поставлен на голосование. Министры - саадисты оказались в полной изоляции. Их мнение было отвергнуто. В знак протеста они подали в отставку.

На решение правительства не изменять своей политики оказали влияние следующие факторы: 1/ отказ английских властей от настойчивых попыток формально втянуть Египет в войну; 2/ наличие профашистских тенденций при королевском дворе; 3/ отрицательное отношение египетской общественности к вступлению в войну; 4/ неодобрительное отношение большинства египетских офицеров к участию в войне; 5/ неподготовленность Египта к войне; 6/ отдаленность и относительно незначительность территорий, скупированных итальянскими войсками; 7/ боязнь ответных ударов Италии, и прежде всего бомбардировок

египетских городов; 8/ распространенное среди правящих кругов Египта мнение, что в случае победы Италии с Египтом обойдутся гораздо великодушнее, нежели в том случае, если он будет находиться в состоянии войны с ней.

Этот политический кризис формально закрепил позицию Египта как невоюющей страны. В то же время вся египетская административная машина и армия были поставлены на службу английских интересов, несмотря на пассивную политику правительства.

Вышедшие в отставку министры-саадисты и руководство саадистской партии развернули еще более активную, нежели раньше, пропаганду с целью вовлечения Египта в войну. Однако, их деятельность не нашла заметного отклика ни среди широкой общественности, ни со стороны других политических партий. Росла и ширилась в стране волна националистического энтузиазма и патриотизма, разбавленная изрядной долей вражды и ненависти к английским колонизаторам. Это чувство мешало правильной оценке реального положения вещей и пониманию всей глубины опасности, которая нависла над Египтом после вторжения итальянских войск. Не последнюю роль в этом сыграл британский империализм, отказавшийся не только удовлетворить справедливые требования египетского народа, но и обещать их удовлетворение после окончания войны. Еженедельник "Ахир Саа", комментируя сентябрьский политический кризис, прямо и без обиняков выразил мнение значительной части египетской общественности: "Либерал-конституционалисты придерживаются одного с Вафдом мнения, когда поддерживают требование, чтобы англичане обещали эвакуировать Египет после войны, признать египетские права

в Судене и изменить статьи договора. Люди задаются вопросом, почему египтяне должны бороться за предотвращение возможной итальянской оккупации, чтобы поддерживать фактически существующую английскую оккупацию. Если англичане дадут требуемые от них обязательства, то притязание итальянцев на роль освободителей Египта не будет иметь под собой почвы, а любое дальнейшее продвижение только докажет агрессивность их намерений" 21/.

Какую же позицию заняли английские власти во время разногласий в египетских правящих кругах по вопросу об участии в войне? Именно этот вопрос вызвал в июне 1940 г. острейший политический кризис в стране и привел к отставке кабинета Али Махира. Во время сентябрьского политического кризиса, когда на повестку дня было поставлено разрешение этого же вопроса, произошло иное: от власти была устранена именно та политическая группировка, которая так решительно стояла за объявление войны Египтом. Причем англичане палец о палец не ударили, чтобы поддержать министров-саадистов или поощрить их военную пропаганду. Более того, есть основания предполагать, что военная пропаганда саадистов вызывала некоторое раздражение английских властей, так как, заостряя внимание египетской общественности на самых злободневных вопросах, вносила ненужный англичанам элемент напряженности во внутривнутриполитическую обстановку страны. Чем объяснить столь неожиданную на первый взгляд метаморфозу в отношении английских властей к непосредственному участию Египта в войне? Есть один ответ на этот вопрос. Получив фактически неограниченную помощь от Египта в рамках англо-египетского договора, Англия

не была особенно заинтересована в формальном объявлении Египтом войны и непосредственном участии египетской армии в военных действиях. Арабские источники единодушно свидетельствуют, что Х.Сабри сумел убедить английского посла в преимуществах, которые дает Англии формальное неучастие Египта в войне. В результате английские власти предоставили ему свободу действий в определении позиции Египта. При этом англичане исходили из целого ряда соображений. Правительство Х.Сабри сотрудничало с ними. Английские власти получили возможность широкого использования Египта, как базы для военных действий на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Экономические ресурсы страны, пути сообщений, египетская армия, занятая главным образом саперными работами и несением гарнизонной службы, — все было поставлено на службу интересам британского империализма. Могло ли формальное объявление Египтом войны державам "оси" предоставить Англии сверх этого еще что-нибудь? Разумеется, не могло. Египетская армия была слишком слаба и малочисленна, чтобы оказать непосредственное влияние на исход военных действий. В то же время позиция Египта как "невоюющей" страны давала ряд преимуществ британскому империализму. Во-первых, формальное неучастие Египта в войне подтверждало английский тезис о его неспособности обороне Суэцкого канала и служило удобным предлогом для продолжения оккупации Египта после войны. Во-вторых, такая позиция Египта лишила египетское национально-освободительное движение важного козыря во время предъявления своих требований английскому правительству. Именно эти соображения и были приняты в расчет жрецами британского империализма в Лондоне.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ЕГИПТЕ
НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1942 г.

Вторая мировая война оказала весьма противоречивое влияние на внутриполитическую обстановку в Египте. Лидеры национального движения надеялись, что война против держав "оси" побудит Англию пойти на реальные уступки Египту или хотя бы обещать на будущее удовлетворение национальных чаяний египетского народа. Но эти надежды не оправдались. Политика британского империализма объективно содействовала росту в Египте прогерманских иллюзий и мешала складыванию единого национального фронта на антифашистской основе. С другой стороны, подготовка к войне и ее успешное для держав "оси" начало способствовали усилению профашистской ориентации части правящих египетских кругов. Именно в свете указанных факторов следует рассматривать события политической жизни Египта с сентября 1939 по февраль 1942 г.

С самого начала войны популярная в Египте либерально-буржуазная партия Вафд не преминула продемонстрировать "свою лояльность делу союзников" ^{1/}. Вафдистская пресса подчеркивала, что: "Египет будет верен своим обязательствам, всеми силами поддерживая демократию в борьбе против диктатуры..." ^{2/}. Антианглийская кампания, проводимая Вафдом после устранения его от власти в декабре 1937 г., была приостановлена.

Однако британское посольство в Каире заняло весьма осторожную и расчетливую в отношении Вафда позицию. Спределенное время английские власти связывали свои интересы с дворцовыми кабинетами и опасались усиления этой крупнейшей политической партии, которая не раз выступала от имени египетского народа со справедливыми национальными требованиями.

И только тогда, когда профашистская ориентация части правящих египетских кругов создала серьезную угрозу интересам британского империализма в Египте, только тогда Англия пересмотрела в пользу Вафда вопрос о возможности его прихода к власти. Реализация подобной возможности растянулась на долгое время и завершилась острейшим политическим кризисом в феврале 1942г.

Февральский политический кризис в значительной степени явился закономерным результатом крайне обострившейся в Египте в 1941 г. внутривластной обстановки. Это совпало с пребыванием у власти кабинета Х.Сирри, сформированного после того, как во время чтения тронной речи 14 ноября 1940 г. в палате депутатов скончался премьер Х.Сабри.

Приход к власти нового правительства не изменил позицию Египта в войне. Выступая перед сенатом, Х.Сирри заявил 26 ноября 1940г., что его кабинет полон решимости продолжать политику предыдущего ^{3/} Вафд, хотя и находился в оппозиции, поддерживал его внешнеполитическую линию и совместно с либералами и частью "независимых" 25 декабря 1940 г. выразил ему вотум доверия в парламенте. Получив подавляющее большинство в парламенте /122 против 68/ ^{4/} кабинет Х.Сирри упрочил свое положение. Прекратились слухи о возможной отставке кабинета.

Временному упрочению позиции кабинета Х.Сирри способствовало также резкое изменение военной обстановки в Западной пустыне. 9 декабря 1940 г. английское командование предприняло успешное контрнаступление. Изгнание итальянцев с египетской территории было воспринято в Египте /по оценке английского историка Дж.Кирка "с безграничным восторгом" ^{5/}. Никто теперь не сомневается, - писала "Аль-Ахрам", - что англо-египетский договор был

исключительно важен для безопасности Египта, и жертвы, понесенные Египтом при его осуществлении, были только ценой, которую он должен заплатить за приобретенные выгоды^{6/}. "Аль-Мусаввар" писала 20 декабря 1940 г., что меры, предпринятые египетскими властями против итальянской колонии в Египте, далеко выходят за рамки юридических предписаний англо-египетского договора 1936 г. "Но наиболее действенной и эффективной акцией, которую предпринял Египет, было то, что он не объявил войну Италии. Это предохранило линии коммуникаций и снабжения от воздушных налетов",^{7/} - подчеркивала газета.

Однако весной 1941 г. положение правительства Х.Сирри заметно ухудшилось. Все более давали о себе знать экономические трудности, связанные с проблемой реализации хлопка и обеспечения населения продовольствием. Активную антиправительственную кампанию в это время развернула партия Вафд, требуя роспуска палаты депутатов и проведения новых выборов.

По-прежнему влияние на внутрисполитическую обстановку в стране оказывали военные события в Северной Африке. В апреле 1941 г. английские вооруженные силы в Ливии были отброшены к египетской границе. Военные неудачи англичан вызвали замешательство и тревогу среди различных слоев египетского общества. В движение пришли все прогермански настроенные группировки. В апреле 1941 г. король Фарук установил контакт с руководством фашистской Германии. Активизировали деятельность "братья-мусульмане" и члены "Миср аль-Фатат", сконцентрировав внимание на антианглийской пропаганде и собирании оружия.

Напряженность внутрисполитической обстановки в Египте, вызванная военными успехами держав "оси" в апреле 1941 г., сохранялась и в последующие месяцы,

только с той разницей, что теперь она поддерживалась новыми факторами: антибританским движением Рашида Али аль-Гайлани в Ираке /май 1941г./, воздушными налетами немецкой авиации на Каир и Александрию /лето 1941г./, прогрессирующим развитием продовольственного кризиса и обострением классовых противоречий внутри египетского общества /осень 1941г./.

В связи с иракскими событиями в стране были приняты меры безопасности против подрывных элементов, включая Али Махира, от которого Х.Сирри потребовал покинуть Каир и поселиться в своей загородной резиденции ^{8/}. Все это произвело глубокое впечатление на младший состав офицерского корпуса египетской армии. Появились сообщения о раскрытии заговора, после чего якобы последовали аресты большого числа служащих военно-воздушных сил Египта, студентов и университетских профессоров ^{9/}. По требованию английских властей были арестованы ведущие члены "Мыср аль-Фатат", выступившие в поддержку движения аль-Гайлани. В тюрьму и ссылку попали многие представители национально-освободительного движения, сыгравшие позднее большую роль в борьбе за независимость Египта.

Кроме этих мер предосторожности был установлен контроль за представителями иностранных государств - сателлитов Германии. Японское посольство в Каире было лишено прав отправлять шифрованные телеграммы и дипкурьеров, прослушивались телефонные разговоры. В Александрии и зоне Суэцкого канала египетские власти закрыли консульства Японии, Венгрии, Румынии, Болгарии ^{10/}. Правительство Х.Сирри верно стояло на страже английских интересов.

С каждым днем возрастали бедствия и страдания народных масс Египта. Во время второй мировой войны цены на предметы первой необходимости выросли в 4-6 раз по сравнению с 1939г. и реальная заработная плата упала на 40-50% по сравнению с довоенной ^{11/}. Вызванная налетами фашистской авиации на Александрию и др. города эвакуация населения была связана с большими лишениями для него. Беженцы тысячами скапливались в деревнях. Просачивавшиеся через строжайшую цензуру сведения о крестьянских выступлениях, об убийствах в деревнях полицейских, о нападении на английских офицеров подтверждали серьезность создавшейся в Египте обстановки.

Разразившийся осенью продовольственный кризис настолько усугубил положение, что, несмотря на законы военного времени, каирские рабочие - транспортники потребовали от правительства вмешаться в дела компаний и содействовать повышению заработной платы в связи с ростом цен на предметы первой необходимости. Правительство отделалось обычными в подобных случаях обещаниями. Тогда рабочие приняли решение бастовать, если до 15 сентября 1941 г. компании не удовлетворят их требования. Утром 16 сентября были остановлены трамваи, автобусы и поезда железной электровозной дороги в Каире. Началась забастовка. Работа в государственных учреждениях временно была нарушена. Правительство обратилось с официальным заявлением, в котором "советовало" рабочим прекратить противоречащую военному указу / №75 от 14 июля 1940г. / забастовку и немедленно приступить к работе. В противном случае "правительство не поколеблется в применении мер в соответствии с вышеупомянутым указом". ^{12/} - подчеркивалось в заявлении.

На следующий день забастовка прекратилась. Однако обстановка была настолько серьезной, что совет министров вынужден был издать 29 сентября указ о прибавке рабочим на дороговизну. Мизерная прибавка едва ли могла улучшить их материальное положение. Продовольственный кризис развивался по восходящей линии. В конце января 1942 г. в Каире произошли беспорядки: отчаявшиеся голодные люди нападали на хлебные магазины и отбирали лепешки у разносчиков и торговцев на улицах ^{13/}.

Таким образом, в конце 1941 - начале 1942 г. политическая обстановка в Египте отличалась особой остротой и напряженностью. Правительство Х.Сирри оказалось неспособным справиться с тяжелейшим продовольственным кризисом. Разрыв отношений с правительством Виши вызвал гнев и ярость дворцовой камарильи ^{14/}. Успешное наступление германо-итальянских войск в Северной Африке в январе 1942г. ускорило выступление дворцовых кругов. 1 февраля 1942г. в Каире состоялись инспирированные группой Али Махира антиправительственные и антианглийские демонстрации. Предполагалось устранить Х.Сирри от власти и назначить во главе правительства Али Махира. В такой обстановке английские власти прибегли к решительным действиям. Произошло так, что в феврале 1942г. Англия вмешалась во внутренние дела Египта, призвав к власти наиболее популярную в стране партию Вафд.

Л.В.ЛОЙКО

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПНР В 1950-1955 гг.

К концу 40-х годов польский народ, возглавляемый рабочим классом и его марксистско-ленинской партией, окончательно встал на путь социалистического переустройства общества. Курс на строительство основ социализма в стране, провозглашенный на I съезде Польской Объединенной рабочей партии, означал наступление нового этапа в истории польского народа.

ПОРП, руководствуясь марксистско-ленинской теорией и опытом строительства социализма в СССР, определила, что главной задачей на данном этапе социалистического строительства являлось создание материально-технической базы социализма путем индустриализации экономики страны. В.И. Ленин писал, что "победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, когда пролетарская власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей / на электрификации всего хозяйства основанной / технической базы" 1/.

Необходимость социалистической индустриализации объективно вытекала из задач социалистического строительства. Только на основе индустриализации можно было добиться подъема всех отраслей экономики, что, в свою очередь, обеспечило бы решение главной задачи социализма - все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей общества.

Несмотря на достигнутые в 1945 - 1949 гг. успехи, уровень промышленного развития Польши в сравнении с

наиболее развитыми странами оставался довольно низким. Вступление Народной Польши, как и других стран социалистического лагеря, в экономическое соревнование с капиталистическим миром требовало ускоренных темпов хозяйственного развития. И, наконец, только путем создания собственной развитой промышленной базы Польская республика могла внести необходимый вклад в обеспечение безопасности стран социалистического лагеря.

Первый набросок плана социалистической индустриализации был изложен в докладе вице-премьера Г. Минца на I съезде ПОРП 18 декабря 1948 г. Съезд утвердил директивы шестилетнего /1950-1955 гг./ плана строительства основ социализма. В течение 1949 г. и первой половины 1950 г. задания шестилетнего плана неоднократно уточнялись и конкретизировались. Окончательный вариант плана был рассмотрен на У Пленуме ЦК ПОРП в июле 1950 г.^{2/} и представлен на утверждение в Сейм. 21 июля 1950 г. Сейм Польской республики по предложению ПОРП принял закон "О шестилетнем плане хозяйственного развития и строительства основ социализма на 1950-1955 гг." ^{3/}.

Следует отметить, что утвержденные Сеймом основные показатели шестилетнего плана были значительно выше, чем предусматривали Директивы I съезда ПОРП. В ходе работы над составлением плана партийные и государственные органы, опираясь на широкий партийный, профсоюзный и хозяйственный актив, изыскивали некоторые резервы повышения объема производства. "Производственные успехи, - заявил на Пленуме ЦК ПОРП в мае 1950 г. Болеслав Берут, - достигнутые в течение 1949 г. и первые месяцы 1950 г., а также развитие социалистического соревнования создали условия для более смелого планирования народного хозяйства и для внедрения более высокого темпа развития, чем

то предусматривали директивы, утвержденные на Объединительном съезде" ^{4/}.

Шестилетний план, названный планом форсированной индустриализации, предусматривал ускоренные темпы промышленного развития: валовый объем промышленного производства к концу шестилетки намечалось увеличить на 158,3%, т.е. более чем в 2,5 раза по отношению к уровню 1949 г. Решающее значение при этом отводилось производству средств производства, доля которого в валовом объеме промышленной продукции должна была возрасти с 47,1% в 1949г. до 63,5% в 1955г. ^{5/}

О намеченных темпах роста промышленности группы "А" говорят следующие данные ^{6/}.

Название продукции	Произведено в 1949г.	Намечено произвести в 1955г.
электроэнергия	8,3 млрд.квч.	19,3 млрд. квч
каменный уголь	74,1 млн. т	100 млн. т
чугун	1,4 млн.т	3,5 млн.т
сталь	2,3 млн.т	4,6 млн.т
цинк	108,0 тыс.т	196,6 тыс.т
серная кислота /100%/	276,0 тыс.т	540 тыс.т
цемент	2,3 млн.т	4,95 млн.т
автомшины	0 ,24 тыс.шт.	37 тыс.шт.

Ускоренные темпы роста производства в важнейших отраслях тяжелой промышленности должны были обеспечить быстрое развитие всей экономики и превратить Польшу из аграрно-промышленной в развитую промышленно-аграрную страну. На основе развития энергетики, чер-

ной и цветной металлургии планировалось достичь прогресса в машиностроении, которое, в свою очередь, обеспечило бы все отрасли промышленности, транспорт и сельское хозяйство в необходимой степени новейшими машинами и оборудованием. Путем широкого внедрения электричества, новой техники и передовой технологии намечалось повысить на 66% производительность труда в промышленности при одновременном снижении себестоимости продукции и значительном повышении ее качества.

Национальный доход в последнем году шестилетки должен был на 112% превзойти объем 1949г. Жизненный уровень трудящихся предполагалось повысить на 50-60% за счет значительного роста занятости и реальной заработной платы.

Достижение намеченных показателей планировалось обеспечить путем концентрации средств и усилий всего народа на наиболее важных направлениях. Занятость в народном хозяйстве /кроме частного сельскохозяйственного производства/ намечалось увеличить на 60%, в том числе в промышленности на 65% и в строительстве на 120%. Около 1/4 ежегодного национального дохода предполагалось направлять в качестве инвестиций в народное хозяйство, в первую очередь в промышленность и строительство.

Шестилетний план, отмечалось на У Пленуме ЦК ПОРП в июле 1960г., опирался на договоренность с Советским Союзом о поставках сырья и материалов, машин, нескольких десятков комплектов оборудования для важнейших предприятий. СССР обязался оказать помощь капиталовложениями в сумме 2,2 млрд.руб., передачей бесплатно лицензий, патентов, технического опыта и всеми другими возможными способами 7/.

Шестилетний план стал боевой программой деятельности ПОРП, рабочего класса и всех сил, входивших в Национальный фронт. Еще до утверждения плана Сеймом, с начала 1950 года рабочий класс и весь польский народ в обстановке трудового энтузиазма приступили к реализации его главной задачи — социалистической индустриализации страны. Величественные перспективы социализма пробудили к жизни, подавляемые в прошлом, неиссякаемые силы народа, стимулировали его творческую активность и инициативу. Наиболее ярким проявлением трудового энтузиазма рабочего класса стало массовое социалистическое соревнование за успешное выполнение заданий шестилетки.

Первый год шестилетки принес значительные успехи в индустриальном развитии страны. Объем промышленного производства вырос за год на 27,7%, в том числе в общественном секторе — на 30,8%^{8/}. Чуть ли не каждый день вступали в строй восстановленные, реконструированные или вновь построенные предприятия и цехи. Такие же бурные темпы роста производства сохранились и в следующем, 1951 г. В принятом Сеймом законе о народнохозяйственном плане на 1951 год говорилось, что успешное выполнение плана на 1950 г. указывает на существование значительных резервов, позволяющих ускорить развитие народного хозяйства. В связи с этим задания хозяйственного плана на 1951 г. были установлены на уровне высшем, чем предусматривалось шестилетним планом^{9/}. К концу 1951 г. выпуск промышленной продукции достиг 162,7% от уровня 1949 года, вместо 147,3% намеченных по плану^{10/}.

В течение 1951- 1952 гг. плановые задания шестилетки были еще раз изменены. К этому побуждала обострившаяся в то время международная обстановка. Польская республика, как и другие страны социалистического лагеря, была вынуждена принять дополнительные меры по укреплению обороноспособности. Пересмотр заданий шестилетнего плана сводился к созданию 2-3 летней программы развития оборонной промышленности ^{11/}. Шестилетний план по размерам капиталовложений был крайне напряженным, поэтому средства на усиление обороноспособности были изъяты из фондов развития других отраслей, в частности легкой и пищевой. Квоты для промышленности группы "Б" были уменьшены с 1570 млн. зл. в 1951 г. до 1407 млн. зл. в 1952 г. Прежний объем капиталовложений в эти отрасли не был восстановлен и в 1953 г. ^{12/}

Темпы развития промышленности в 1952 и 1953 гг. оставались высокими. Плановые задания на 1952 г. на 22,3% превышали объем производства 1951 г. и на 16,8% наметки шестилетнего плана ^{13/}. За этот год вошло в строй около 450 промышленных объектов, занятость в социалистическом секторе выросла на 324 тыс. человек ^{14/}. Ежегодно рос объем капиталовложений в народное хозяйство, в 1953 г. доля накопления в национальном доходе достигла рекордного для Польши уровня: 27,1% ^{15/}. Вся страна была похожа на огромную строительную площадку. Рабочий класс под руководством ПОРП в обстановке высокой трудовой активности отдавал все силы для успешного строительства социалистической экономики.

За первые четыре года шестилетки в промышленности республики произошли значительные количественные и качественные изменения. В целом объем промышленного производства в 1953 г. достиг 217,8% от уровня 1949 г., в том числе по обобществленному сектору - 229,0 .

Особенно бурно развивалось, как отмечалось на II съезде ЦОП в марте 1954 г., производство средств производства: в 1953 году оно составляло 236,1% к уровню 1949г. против 190,2% намеченных по плану ^{16/}. Резкий скачок сделали металлургическая промышленность, машиностроение, химическая промышленность, энергетика.

В то же время к концу 1953 г. усилились "серьезные диспропорции между отдельными отраслями промышленности и сельского хозяйства, затруднявшие снабжение пищевой промышленности сельскохозяйственным сырьем, а население - продовольствием. Не были выполнены намеченные планы по повышению материального благосостояния народа" ^{17/}.

На экономическом положении страны сказалось перенапряжение инвестиционного плана /стоимость многих промышленных объектов на практике оказалась выше, чем планировалось/, а также перелив капиталовложений в оборонную промышленность. В связи с этим были уменьшены капиталовложения в промышленность группы "Б" и сельское хозяйство. Серьезное влияние на экономическую ситуацию страны оказали неурожай 1951 г. и невыполнение плана сельскохозяйственного производства в последующие годы. Следствием этого явилось сокращение сырьевой базы легкой и пищевой промышленности и рост цен на продукты питания. Кроме того, с ускоренным развитием промышленности все более стала проявляться узость всей сырьевой базы страны. Государство было вынуждено направлять значительные средства на закупку за границей руд черных и цветных металлов, нефти, хлопка и других видов сырья. Все это и явилось причиной диспропорций.

Наиболее серьезными проявлениями экономических трудностей были дефицит товаров широкого потребления и рост цен на внутреннем рынке, сокращение жилищного строительства.

Вопросы экономической ситуации в стране были рассмотрены на состоявшемся в октябре 1953 г. IX Пленуме ЦК ПОРП. Пленум проанализировал трудности, возникшие в народном хозяйстве и указал, что для их ликвидации необходимо в оставшиеся два года шестилетки сосредоточить усилия на следующих направлениях работы: увеличение капиталовложений в сельское хозяйство и в отрасли промышленности, обслуживающие его, а также в легкую и пищевую промышленность, повышение объема производства в этих отраслях экономики, расширение жилищного и коммунального строительства, улучшение материального положения населения 18/

Изменения в экономической политике, намеченные IX Пленумом ЦК ПОРП, более четко и последовательно были определены на состоявшемся в марте 1954 г. II съезде партии. Съезд отметил, что создавшиеся в экономике страны диспропорции выразились, во-первых, в значительном отставании отраслей, обслуживающих сельское хозяйство, во-вторых, в отставании производства средств потребления, в-третьих, в недостаточном развитии сырьевой базы промышленности. Особую тревогу вызывало серьезное отставание сельского хозяйства от быстро растущей промышленности. С целью ликвидации возникших диспропорций съезд наметил некоторые изменения в структуре капиталовложений. Предполагалось увеличить инвестиции в сельское хозяйство и в отрасли промышленности, производящие сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения, строительные материалы, товары широкого потребления, а также на жилищное строительство. Путем подъема сельскохозяйственного производства, снижения цен и повышения заработной платы намечалось повысить жизненный уровень населения в 1954-1955 гг. на 15-20% 19/

Выполняя решения II съезда, ЦСРП и правительство республики предприняли некоторые меры по расширению производства средств потребления. На ряде предприятий и других отраслей промышленности был введен выпуск товаров широкого потребления, в том числе холодильников, швейных и стиральных машин, радио и электротоваров. Были увеличены производственные мощности на ряде предприятий легкой и пищевой промышленности, расширен объем жилищного и культурного строительства. Необходимые для этого средства изыскивались за счет сокращения расходов на оборону и замораживания некоторых новостроек в промышленности.

Однако этих мер для установления равновесия на внутреннем рынке оказалось недостаточно. Спрос населения на товары широкого потребления, возмраставший в связи с резким увеличением занятости в промышленности, строительстве и на транспорте, народное хозяйство не смогло удовлетворить.

В 1954-1955 гг. сохранились высокие темпы развития в тяжелой промышленности. Именно в это время вошли в строй крупнейшие предприятия в черной и цветной металлургии, в химической и угольной промышленности, в энергетике. План последнего года шестилетки промышленностью в целом был перевыполнен на 4,3%, прирост промышленности продукции в социалистическом секторе составил за этот год 11% ^{20/}.

Валовый объем промышленной продукции в 1955 году согласно статистическим данным составил 270,3% от уровня 1949г. /шестилетний план предусматривал достижение уровня в 258,3% /. На долю социалистического сектора приходилось 99,5% промышленного производства и 70,9% национального дохода ^{21/}.

Следует отметить, что в польской экономической литературе существуют несколько отличные от официальных статистических данных оценки степени выполнения заданий шестилетнего плана. Многие экономисты считают, что реальный прирост промышленной продукции был несколько ниже. Аргументируется это мнение тем, что польская статистика в 1955 г. подсчитывала валовой объем продукции, не учитывая факты кооперации между предприятиями, а при сравнении с уровнем 1949 г. не брался во внимание рост цен на некоторые промышленные изделия. Известный польский экономист А. Карпиньский, сравнивая показатели производства в абсолютных единицах измерения за 1949 и 1955 годы, пришел к выводу, что прирост промышленной продукции составил за шестилетку 120-130% ^{22/}. По более поздним оценкам польской статистики, объем чистой продукции /т.е. конечной, с учетом кооперирования и государственной политики цен/ в 1955 г. составил 210% по отношению к уровню 1949 г.

Расхождения в оценке процента прироста промышленной продукции ни в коей мере не умаляют замечательных достижений ПОРП и рабочего класса страны в области социалистической индустриализации. Даже по самой скромной оценке /110% прироста/ объем промышленной продукции за 6 лет более чем удвоился. / В этой связи можно было бы отметить, что по статистике ООН к быстроразвивающимся странам относятся те, у которых объем промышленной продукции удваивается не более чем за 10 лет/. Прирост промышленного производства в ПНР составил в годы шестилетки в среднем не менее 13% в год. По темпам промышленного развития Польша в этот период вышла на одно из первых мест в мире, чем еще раз продемонстрировался преимущества социалистической системы хозяйства.

Степень выполнения задания шестилетки и темпы роста производства отдельных видов продукции можно проследить по следующей таблице: 23/

Наименование продукции	Задания шестилетнего плана	Произведено в 1955 году	
		в абсолютных единицах	в % к 1949г.
электроэнер- гия	19,3 млрд.квч	17,8 млрд.квч	223,6
каменный уго- ль	100 млн.т	94,5 млн.т	138,5
чугун	3,5 млн.т	3,1 млн.т	221,4
сталь	4,6 млн.т	4,4 млн.т	191,3
цемент	4,95 млн.т	3,8 млн.т	105,2
цвяк	196,6 тыс.т	156 тыс.т	144,4
серная кис- лота /100%/	540 тыс.т	450 тыс.т	126,8
минеральные удобрения	480 тыс.т	286 тыс.т	193,5
автомашины	27000 штук	17500 штук	в 60 раз больше
тракторы	11000 штук	8050 штук	320
Радиоприемники	300 тыс.штук	461 тыс.штук	691
обувь кожаная	22,2 млн.пар	24,6 млн.пар	286
мясо	952 тыс.т	629 тыс.т	137,5
ткани х/б	607,7 млн.м/п	568 млн.м/п	140

Ведущее место в промышленности заняло производ-
ство средств производства - 57,2% валового объема
промышленной продукции 24/. Это несколько ниже, чем
предусматривалось планом /63,5% /, но выполнение пла-
на по данному показателю значительно увеличило бы
диспропорции в народном хозяйстве. Ведь на долю тя-
желой индустрии в годы шестилетки пришлось около

85% всех инвестиций в промышленность вместо 76% по плану 25/.

Наиболее пристальное внимание ПОРП и правительство республики обращали на металлургическую промышленность. Шестилетку иногда называют годами "битвы за сталь". В целях быстрее увеличения выплавки черных металлов в 1950-1953 гг. была проведена реконструкция ряда старых металлургических заводов: "Костюшко", "Покуй", "Баторий" и др. Вместе с тем создание большой металлургии требовало строительства новых крупных предприятий. Два таких предприятия были построены в годы шестилетки - комбинаты им. В.И. Ленина в Н.Гуте и им. Берута в Ченстохове. Проектная мощность комбината имени Ленина /1,5 млн. т. в год/ превышала мощность всех металлургических заводов довоенной Польши. Его строительство осуществлялось при широкой помощи со стороны Советского Союза и вскоре стало крупнейшей новостройкой Польши. 21 июля 1954 года здесь в торжественной обстановке был получен первый чугун 26/.

В этом же году вступил в строй комбинат имени Б.Берута, также бывший одной из крупнейших новостроек шестилетки. В 1952 г. началось строительство завода качественных сталей в Варшаве, однако закончилось оно лишь в 1958 г. Хотя задания шестилетки в области черной металлургии были несколько невыполнены, но то, что в стране была создана собственная, довольно мощная металлургическая база имело важное значение для дальнейшего успешного развития народного хозяйства.

Из цветных металлов в довоенной Польше добывались лишь цинк и олово. К концу шестилетки производство цинка, часть которого шла на экспорт, выросло в 1,5 раза по сравнению с довоенным 27/. На присоединенных землях была организована добыча меди и никеля, что позво-

лило резко сократить импорт этого дорогостоящего сырья. В 1954 г. был пущен в действие первый алюминевый завод, построенный с помощью Советского Союза.

Традиционно важной отраслью экономики оставалась угольная промышленность. Уголь — это хлеб промышленности и важнейшая статья польского экспорта. До войны Польша экспортировала в среднем 11,4 млн. т угля в год ^{28/}. Социалистическая индустриализация резко увеличила потребности страны в иностранной валюте, необходимой для закупок сырья, машин и оборудования.

В 1949—1955 гг. из Польши вывозилось 24—26 млн. т каменного угля в год, который продавался на внешнем рынке в среднем по 14 дол. за тонну ^{29/}. Отсюда видно, какое значение для страны имело увеличение добычи и экспорта угля.

Объем производства в угольной промышленности в годы шестилетки рос медленнее, чем в других отраслях. Строительство новых шахт длилось 7—8 лет, и они стали вступать в строй лишь в конце шестилетки. Производительность труда в старых шахтах выросла незначительно. В этих условиях большое значение для увеличения экспорта имела развернувшаяся в 1950—1951 гг. кампания по сокращению потерь от неэкономного использования угля и энергии, полученной от его сжигания. В результате этой кампании, которая была поддержана широкими массами трудящихся, потребление угля внутри страны в 1951 г. сократилось на 1 млн. т ^{30/}.

Одним из главных потребителей угля внутри страны была электроэнергетика. Мощность электростанций за годы шестилетки увеличилась с 2631,7 мвт. до 4178,6 мвт. ^{31/} В строй вступили десятки электростанций, среди которых были такие гиганты электроэнергетики как "Явожно П",

"Конин", "Меховице". Подверглись реконструкции электростанции в Хожуве, Шетине, Сталевой воле.

За годы шестилетки в Польше был сделан значительный шаг по пути электрификации страны. Выработка электроэнергии в 1955 г. превысила довоенный уровень почти в 5 раз. Потребление электроэнергии в быту за шесть лет выросло вдвое, было электрифицировано около 258 тыс. сельских дворов ^{32/}. Началась электрификация железных дорог.

Наибольших успехов в годы шестилетки достигло машиностроение, уровень развития которого обычно характеризует степень индустриализации страны. Выпуск обрабатывающих станков, например, увеличился за шесть лет в стоимостном выражении почти в 3 раза, сельскохозяйственных машин и оборудования в 3,5 раза ^{33/}. В 1955 г. около 1000 польских станков было продано в 40 стран мира, довоенная Польша их не экспортировала ^{34/}.

В республике возникли новые отрасли промышленности: автостроение, тракторостроение, судостроение. С помощью Советского Союза были построены автозаводы в Варшаве и Люблине. Эти заводы выпускали автомашины марок "Победа-20" и "Газ-20", лицензии на производство которых Советский Союз бесплатно передал Народной Польше. Построенный ранее автозавод в Страховицах благодаря переходу в 1951 г. на поточный метод увеличил свои производственные мощности в 1,5 раза. Реконструированный в начале шестилетки тракторный завод "Урсус" в Варшаве ко дню открытия II съезда ПОРП выпустил 26,5 тыс. колесных тракторов ^{35/}. Рядом со старыми цехами в 1953 г. началось строительство нового завода, который стал выпускать гусеничные трактора.

Среди других машиностроительных предприятий наиболее важное значение имели верфи в Гданьске, Глыне, Шетине, машиностроительные заводы в Познани и Вроцлаве, заводы сельскохозяйственных машин в Познани и Плоцке, электро-

технический завод в Понятове. Польская промышленность выпускала паровые турбины и радиоприемники, железнодорожные вагоны и шарикоподшипники, мотоциклы и оборудование для целых заводов. К концу шестилетки машиностроение стало ведущей отраслью промышленности. Объем его производства составил 434,7% от уровня 1949 г. и 16,8% от валового объема производства всей промышленности в 1955 г.^{36/}

Бурно развивались в период индустриализации и химическая промышленность. Шестилетний план предусматривал рост ее производства в 3,5 раза, эти задания были перевыполнены. Значительная часть польской химии сосредоточилась на двух крупнейших предприятиях: химических комбинатах в Освенциме и Кенджезине. Здесь производились минеральные удобрения, жирные кислоты, растворители, синтетические материалы и много других химикатов, которые раньше Польша импортировала.

Польская химия имела солидную сырьевую базу: каменный и бурный уголь, серу, соли, известняк. Польские ученые разработали прогрессивную технологию производства серной кислоты и внедрили ее на химическом заводе в Визове^{37/}. Большое внимание уделялось увеличению производства минеральных удобрений, на что указывалось, в частности, в решениях II съезда ПОРП. Однако полностью обеспечить потребности сельского хозяйства в искусственных удобрениях промышленность еще не могла.

В условиях ускоренной индустриализации особое значение приобретала промышленность стройматериалов. Строительная индустрия работала с огромным напряжением, обеспечивая строительство и реконструкцию предприятий и городов. Вместе с тем в стране ощущался дефицит стройматериалов, особенно в жилищном строительстве, так как

средств для развития этой отрасли отпускалось недостаточно.

Более медленно в годы шестилетки развивалась промышленность группы "Б". Перенапряжение финансового плана привело к тому, что строительство некоторых запланированных предприятий этой группы до 1955 г. не было начато. Среди них, например, 10 боев и 12 холодильников ^{38/}. Серьезным препятствием для развития легкой и пищевой промышленности являлась узкая сырьевая база, медленный рост сельскохозяйственного производства, которое только в 1954 г. достигло довоенного объема. Так, например, сахарная промышленность выполнила шестилетний план лишь на 89%. Причиной этого был недостаток сырья, так как урожайность сахарной свеклы в шестилетке снизилась на 16% ^{39/}.

Медленные темпы развития промышленности, производящей средства потребления, и значительное отставание сельского хозяйства явились причиной невыполнения шестилетнего плана по росту национального дохода и материального благосостояния трудящихся.

Подводя итоги шестилетки следует отметить, что наряду с объективными трудностями и просчетами в планировании на выполнении плановых заданий сказались и недостатки в руководстве промышленным строительством. Партийным и хозяйственным органам не всегда удавалось выбрать наиболее оптимальные варианты выполнения поставленных задач. Так, например, пересмотр плановых заданий, перевод средств из одной отрасли в другую, практиковавшийся в годы шестилетки, хотя и давали возможность сосредоточить усилия на более срочном участке работы, но одновременно снижали эффективность ранее сделанных капиталовложений, поскольку это приводило

к удлинению сроков строительства уже начатых объектов.

Опыт первого периода социалистической индустриализации в ПНР показал, что не всегда выгодно вкладывать средства в строительство новых предприятий, если есть возможность частично реконструировать старые. Вновь построенные предприятия поглотили 32% инвестиций, а их доля в приросте производства составила около 9% . Эти показатели составляли соответственно для реконструированных предприятий - 9% и 14%, для старых предприятий - 59% и 77% 40/.

Наконец, следует отметить, что в начале 50-х гг. еще недостаточно использовались возможности экономического сотрудничества социалистических стран. Не уделялось должного внимания вопросам производственной кооперации и специализации промышленности этих стран. Наблюдавшаяся в то время тенденция к созданию собственной всеобщей развитой промышленности отдельных стран, в том числе и в ПНР, наталкивалась на целый ряд объективных трудностей и проводила к излишним, порой необоснованным, затратам средств. Ошибки и трудности, встретившиеся в годы шестилетки, явились главным образом результатом отсутствия опыта строительства социалистической экономики, недостатка квалифицированных кадров. Отрицательную роль сыграло и имевшее порой место механическое перенесение опыта социалистической индустриализации в СССР без учета специфических особенностей и условий Польши.

Вместе с тем итоги шестилетки подтвердили правильность взятого I съездом ПОРП курса на социалистическую индустриализацию страны. Трудности, которые ПОРП и рабочему классу пришлось преодолеть при этом, еще более подчеркивают достигнутые успехи.

Главным итогом шестилетки было создание мощной индустриальной базы страны, что обеспечивало предпосылки для дальнейшего успешного строительства социалистической экономики. "Генеральной задачей шестилетнего плана, — отмечал Б.Бейрут, — была перестройка экономики Польши с таким расчетом, чтобы промышленность играла в ней ведущую роль, чтобы она стала основой неуклонного развития всего нашего народного хозяйства, фундаментом быстрого роста производительных сил. Эта задача благодаря героическим усилиям трудящихся была выполнена в более широких размерах, чем предусматривал план" ^{41/}.

В основе успехов индустриального развития НРП лежало установление в стране диктатуры пролетариата, руководство хозяйственным строительством партии рабочего класса. Концентрация в руках народной власти командных высот в экономике страны позволила НРП и рабочему классу сконцентрировать максимум финансовых и материальных средств на решении первоочередной задачи социалистического строительства — создания современной крупной промышленности. На эти цели в годы шестилетки ушло почти 1/3 национального дохода республики ^{42/}. Весьма важным фактором роста производства явилось привлечение в промышленность новых рабочих рук. В промышленность, строительство, транспорт и связь пришло свыше 1,5 млн. человек, в том числе в промышленность около 1 млн. человек. Занятость в этой важнейшей отрасли экономики за годы шестилетки увеличилась на 61% ^{43/}.

Великие преобразования в промышленности были осуществлены героическим трудом рабочего класса. Трудовой энтузиазм польских рабочих, проявившийся в массовом социалистическом соревновании, движении рационализаторов и новаторов производства, в борьбе за строгую экономию сырья

и материалов, обеспечивал создание социалистической индустрии.

Чрезвычайно важную роль в успешном осуществлении социалистической индустриализации в ПНР сыграла бескорыстная, всесторонняя помощь Советского Союза и экономическое сотрудничество с другими братскими социалистическими странами. Гидный государственный деятель ПНР Стефан Бндриховский так охарактеризовал научно-техническую помощь Советского союза: "Передовая нам бесплатно лицензии и технологическую документацию, представляющие новейшие и лучшие достижения советской техники, Советский Союз выдающимся образом подтверждает огромное преимущество социалистического лагеря над капиталистическим лагерем и новый характер отношений и взаимной поддержки, которые существуют между социалистическими государствами, заинтересованными в общем подъеме хозяйства на высший уровень" ^{44/}.

На долю социалистических стран в 1965 г. приходилось 64,9% внешнеторгового оборота ПНР, в том числе на долю СССР - 33,7% ^{45/}. СССР был главным покупателем польского угля, кораблей, вагонов, цинка, тканей, сахара, керамических и стеклянных изделий. Польша закупала в СССР 70% ввозимого хлеба, 60% железной руды, 82% хлопка, 50% нефтепродуктов. Торговый оборот Польши с социалистическими странами Европы за эти годы вырос в несколько раз. Он проводился на основе дружбы, сотрудничества и взаимопомощи. Так, например, 25% импорта машин и оборудования, необходимых для социалистической индустриализации, Польша закупала в ГДР ^{46/}. Помощь и поддержка социалистических стран была непременным условием ускоренной индустриализации Польши.

Таким образом, годы шестилетки вошли в историю ПНР как период ускоренной социалистической индустриализации. Польский рабочий класс под руководством ПОРП за эти годы сделал решающий шаг в создании фундамента социалистической экономики. Темпы промышленного развития в этот период были наиболее высокими за всю историю Польши и представляли собой знаменательное явление в мировой экономической истории.

Опыт ПНР, накопленный в этот период, заслуживает, на наш взгляд, дальнейшего, детального изучения экономистами и историками.

Д.С.КАПИТАН

ПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ БЕЛОРУССИИ

Опыт советского государства в решении экономических и социально-политических проблем, его готовность прийти на помощь угнетенным народам является притягательной силой для развивающихся стран, ведущих борьбу против империализма и неокOLONиализма.

В последние годы в этих странах вызывают большой интерес достижения Советского Союза в области образования. Эти успехи радуют наших друзей и вызывают тревогу у врагов. Бывший помощник государственного секретаря США У.Бентон после посещения СССР писал: "Наиболее могущественным оружием Советского Союза, возможно, является его самое тихое оружие - просвещение" 1/.

Передовые представители освободившихся государств понимают, что только следуя примеру Советского Союза, предоставив равенство всем гражданам в области образования, можно добиться ликвидации неграмотности.

Наиболее острой проблемой подавляющего большинства молодых развивающихся стран является проблема создания национальных кадров. Без решения этой первоочередной задачи невозможно добиться экономической и политической независимости.

"Большое значение для развивающихся стран, - подчеркивал Председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин в докладе на XXIII съезде КПСС, - имеет подготовка национальных кадров. Создать такие кадры - не менее важное дело, чем построить предприятия национальной промышленности" 2/.

Советский Союз оказывает большую и бескорыстную помощь развивающимся странам в подготовке национальных кадров. Наиболее широкая подготовка высококвалифицированных специалистов для освободившихся государств в учебных заведениях Советского Союза началась в конце 50-х — начале 60-х годов. В 1972 г. в 300 высших и средних специальных учебных заведениях страны обучалось более 50 тысяч студентов, аспирантов и стажеров из 130 стран, в том числе 14 311 чел. из 102 развивающихся стран 3/.

Москва стала крупнейшим центром подготовки иностранных специалистов не только в нашей стране, но и во всем мире. Будущие учебные заведения СССР, и в первую очередь Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, накопили большой опыт в деле подготовки высококвалифицированных специалистов для зарубежных стран.

Идя навстречу пожеланиям многочисленных общественных и государственных организаций различных стран о расширении подготовки специалистов в учебных заведениях Советского Союза, Правительство СССР учредило в Москве в 1960 году специальное высшее учебное заведение — Университет дружбы народов им. П.Думумбы. Сам факт создания Университета дружбы народов явился ярким свидетельством бескорыстной щедрости советского государства, которое готово делиться с народами развивающихся стран своими достижениями в области науки и высшего образования.

Империалистическая пропаганда с первых дней существования Университета дружбы народов предсказала ему неминуемый крах. Она настойчиво твердила, что люди разных рас и национальностей, обычаев и воззрений не могут учиться в одном учебном заведении. Их противо-

речия перейдут в непреодолимые антагонизмы, и вуз перестанет существовать. Однако великие ленинские принципы интернационализма, идеи дружбы и братского сотрудничества между народами различных стран, которые легли в основу взаимоотношений в университете, оказались столь благотворными и жизненными, что они смогли сплотить всех студентов в единую дружную многонациональную семью.

5 февраля 1970 г. учебному заведению исполнилось 10 лет. За этот период Университет дружбы народов превратился в крупный учебный и научный центр по подготовке специалистов для развивающихся стран. За 10 лет своего существования вуз подготовил 2335 молодых специалистов, в том числе для стран Азии - 513, арабского Востока - 317, Африки - 451, Латинской Америки - 593 и Советского Союза - 456. По специальностям: машиностроение - 185, энергомашиностроение - 185, строительство - 183, геология - 75, разработка полезных ископаемых - 91, физика - 135, химия - 99, математика - 45, лечебное дело - 460, агрономия - 242, русский язык и литература - 137, история - 56, международное право - 224, экономика и планирование народного хозяйства - 217 ^{4/}. За это же время подготовлено 170 кандидатов наук.

Министр иностранных дел Индии г-н Сингх, делаясь своими впечатлениями об Университете им. П. Думумбы, заявил: "Студенты со всех концов мира получают в этом университете редкую возможность не только приобрести высокую подготовку в области гуманитарных, естественных и технических наук, но они в то же время становятся прекрасными посланцами взаимопонимания и дружбы народов, борцами за мир" ^{5/}.

Важную роль в подготовке специалистов высшей квалификации для народного хозяйства развивающихся стран играют Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и другие учебные заведения Москвы.

Так, МГУ уже к 1965 г. подготовил более 1.500 чел., Московский энергетический институт - более 630, Московский институт инженеров железнодорожного транспорта - 316. Московский институт стали и сплавов - более 250 чел. и т.д.^{6/}

Успешно готовят специалистов для развивающихся стран учебные заведения Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Ростова, Воронежа, Краснодара и других городов нашей страны. По состоянию на 1 января 1972 г. в учебных заведениях Советского Союза подготовлено 54475 специалистов, в том числе для стран Азии - 5170 чел., Африки - 4674, Латинской Америки - 1119^{7/}.

Многие выпускники советских вузов и средних специальных учебных заведений занимают высокое служебное положение, активно участвуют в общественной жизни своей страны, в борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами, поддерживают связь с учебными заведениями, которые они окончили в СССР.

В развивающихся странах, где существуют прогрессивные режимы, а руководящие деятели стремятся как можно скорее покончить с последствиями колониального гнета, с большим уважением относятся к молодым специалистам, окончившим советские вузы.

Ряд молодых специалистов - выпускники высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Харькова, Одессы и других городов Советского Союза, хорошо зарекомендовав себя на практической работе, были назна-

ченъ на высокие государственные и общественные посты в Танзании, Мали, Конго, Сомали, Сьерра Леоне, Гвинея и других развивающихся странах Африки^{8/}.

Высоко оцениваются знания выпускников советских учебных заведений в дружественном Афганистане. Бывший аспирант МГУ был назначен проректором Кабульского политехнического института, а три выпускника Одесского техникума пищевой промышленности — на ответственные инженерные должности.

Однако, в некоторых странах выпускники советских вузов и техникумов сталкивались с серьезными трудностями. Несмотря на острый недостаток квалифицированных кадров, многие из них длительное время оставались без работы. Государственные чиновники не хотели признавать дипломы с советским гербом. Такое положение имело место в Сенегале, Камбодже, Шри Ланка, Индонезии, Чили / до прихода к власти правительства Народного единства/ и других странах.

Находясь порой в тяжелых условиях, многие выпускники советских вузов активно включались в работу по укреплению дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, выступали с лекциями и докладами об успехах советского народа в строительстве коммунизма, о достижениях советской науки и культуры, о миролюбивой внешней политике Советского государства.

Таким образом, анализируя положение выпускников советских вузов после возвращения на родину, можно сделать вывод, что многие из них — искренние друзья Советского Союза.

Белорусский народ, верный ленинским принципам интернационализма, щедро делится своим опытом и знаниями с народами, ставшими на путь национального возрождения

принимает активное участие в подготовке высококвалифицированных специалистов для развивающихся стран.

До победы Великой Октябрьской социалистической революции Белоруссия была одной из отсталых окраин царской России в культурном отношении. Большинство населения было неграмотным. Общеобразовательных школ было крайне недостаточно. За годы советской власти в дружной семье советских народов Белорусская ССР превратилась в республику сплошной грамотности и высокой культуры. В настоящее время по числу учащихся на каждые 10 тысяч человек населения Белоруссия опережает такие развитые капиталистические страны, как Англия, Италия, Франция и ФРГ.

В 1972 году в Белоруссии функционировало 28 высших и 130 средних специальных учебных заведений, в которых соответственно обучалось 140 тысяч студентов и примерно 150 тысяч учащихся. В республике на каждые 10 тыс. человек населения приходится 154 студента. Это в 1,6 раза больше, чем во Франции и почти в 3 раза больше, чем в ФРГ^{9/}.

Достигнутые успехи в развитии высшего и среднего специального образования позволили учебным заведениям Белоруссии активно участвовать в подготовке специалистов для других стран и особенно для молодых освободившихся государств.

Подготовка иностранных специалистов в Белоруссии началась еще в 1953 году. На протяжении первых девяти лет в республике обучались студенты из социалистических стран. С 1962 г. контингент иностранных студентов значительно расширился. В учебные заведения Белорусской ССР стали прибывать юноши и девушки из развивающихся стран. Большинство из них не владело русским языком, а многочисленные граждане из ряда африканских государств имели

также слабую общеобразовательную подготовку. Для устранения указанных пробелов было признано целесообразным иметь при одном из вузов республики подготовительный факультет для иностранных граждан.

Осенью 1961 года в Белорусском государственном университете им. В.И.Ленина был открыт подготовительный факультет для иностранных граждан ^{10/}. Этот факультет является единственным в нашей республике, готовящим иностранных учащихся для поступления в высшие и средние специальные учебные заведения Советского Союза.

В ноябре 1961 года на факультет прибыл 61 чел. из революционной Кубы. Это были первые студенты подготовительного факультета. Летом 1962 года после окончания факультета они были направлены для продолжения учебы в вузы Москвы, Ленинграда, Минска, Баку, Одессы и других городов нашей страны.

В 1963-1964 учебном году на факультете обучались студенты из Кубы, Нигерии, Кении, Гвинеи, Танганьики, Сомали, Занзибара, Руанды, КАР, Гамбии и Ганы, Республики Заир ^{11/}.

Многонациональный состав учащихся, различный уровень общеобразовательной подготовки обусловили появление новых задач перед преподавателями факультета. Однако двухлетний опыт работы с кубинскими студентами значительно облегчил обучение юной и девушки из развивающихся стран, хотя здесь были свои специфические особенности.

В последующие годы количество иностранных студентов на факультете продолжало расти. В 1964/1965 учебном году здесь уже обучалось 111 человек из Гвинеи, Кении, Мали, Нигера, Руанды, Занзибара и Сомали ^{12/}.

До 1965 г. студенты из развивающихся стран обучались на факультете на основе двусторонних межправительственных соглашений. В 1965/1966 учебном году из 121 чел. 23 прибыли на учебу в Советский Союз по направлениям советских и зарубежных общественных организаций. Так, например, ВДСПС предоставил возможность учиться на факультете восьми студентам из Танзании. Семь человек прибыли на учебу по направлениям Партии Фронта Национального Освобождения Мозамбика /ПФНОМ/, два - по направлениям Комитета солидарности стран Азии и Африки ^{13/}.

Три года работы со студентами из развивающихся стран показали, что подготовительный факультет накопил значительный опыт в обучении иностранных студентов. Улучшилась учебно-методическая работа. Были подготовлены к печати ряд сборников и учебных пособий по русскому языку, физике, химии и математике. Все это создало благоприятные условия для дальнейшей работы.

В 1966-1967 учебном году на факультет прибыло 153 иностранных студента из семи стран, в том числе из ДРВ - 109 чел., Конго - 20, Камеруна - 9, Нигерии - 6, ЦАР - 7, Замбии - 1, Родезии - 1 чел. ^{14/}.

К началу учебного года факультет располагал уже хорошей материальной базой. Имелось достаточное количество учебных площадей, лаборатории, и кабинеты пополнялись новым оборудованием, аппаратурой и наглядными пособиями, что позволило проводить больше лабораторных работ по физике и химии. Сложился опытный педагогический коллектив. Из 35 преподавателей трое имели ученую степень кандидата наук, а 17 человек успешно сдавали кандидатские экзамены и работали над диссертациями.

С 1967 по 1971 год на факультете обучалось 549 юношей и девушек из ДРВ и Южного Вьетнама^{15/}.

Учеба такого большого количества юношей и девушек из Южного Вьетнама только на одном подготовительном факультете свидетельствует о том, что Временное Революционное Правительство Южного Вьетнама в тяжёлых условиях войны против американских агрессоров и их южно-вьетнамских марионеток за спасение своей Родины смотрело с перспективой в будущее, готовя национальные кадры специалистов для развития экономики своей страны после победы над врагами.

Подготовка национальных кадров для Южного Вьетнама в учебных заведениях нашей страны -- одна из форм многогранной помощи, которую оказывал советский народ народу Южного Вьетнама в его борьбе против американского империализма.

В 1972-1973 учебном году на факультете обучалось уже более 150 юношей и девушек из Алжира, Афганистана, Бангладеш, ДРВ, Южного Вьетнама, Непала, Сомали, Сьерра-Леоне и Танзании^{16/}.

Таким образом, за период существования подготовительного факультета для иностранных граждан БГУ им. В.И.Ленина обучение здесь прошло около 1500 посланцев почти из 30 стран Азии, Африки и Латинской Америки^{17/}.

Учеба иностранных студентов на подготовительном факультете являлась важным этапом на пути к овладению основами современной науки. Изучив русский язык и устранив пробелы в образовании по общетеоретическим предметам за среднюю школу, они вступили в новый этап обучения, стали студентами вузов или учащимися средних специальных учебных заведений Советского Союза.

Первые студенты из развивающихся стран прибыли на учебу в Белоруссию еще в 1962 г. Тогда их было всего 5 чел.: три из Ирака и два из Афганистана. Всего же в то время в республике обучалось 169 иностранных студентов, главным образом из социалистических стран 18/. Уже через год, в 1963 году в 8 высших и средних специальных учебных заведениях обучалось 294 иностранных студента из 24 стран, в том числе 49 чел. из 16 развивающихся стран 19/.

В последующие годы тенденции роста числа иностранных учащихся в республике продолжалась. Так, например, если в 1964/1965 учебном году в Белоруссии обучалось 367 чел. из 28 стран, в том числе 147 чел. из 20 развивающихся стран, то в 1969/1970 учебном году - 611 чел. из 40 стран, в том числе 212 чел. из 35 развивающихся стран 20/.

В настоящее время в 11 учебных заведениях республики обучается 940 студентов из 58 стран, в том числе около 300 чел. из 48 развивающихся стран 21/.

Подготовкой специалистов для зарубежных стран в Белоруссии занимались ведущие учебные заведения: Белорусский государственный университет им. В.И.Ленина, Белорусский политехнический институт, Белорусская сельскохозяйственная академия, Белорусский институт народного хозяйства, Медицинский институт, Белорусский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, Белорусский технологический институт, Институт иностранных языков, Минский техникум легкой промышленности, Минский электротехникум связи, Минский индустриальный техникум стройматериалов, Минский архитектурно-строительный техникум и др.

В чем причины все возрастающего стремления молодежи из развивающихся стран получить образование в Советском Союзе? Ответ на поставленный вопрос можно найти во всем, что связано с учебой и жизнью студентов из развивающихся стран в Белоруссии.

Учебные заведения республики как и всей страны, готовят национальные кадры для развивающихся государств по специальностям, которые нужны этим странам для создания национальной экономики и завоевания экономической независимости.

Председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин подчеркивал: "Мы стремимся обеспечить для студентов из развивающихся стран возможность овладеть именно теми специальностями, которые более всего необходимы у них на родине. В Советском Союзе преобладающее большинство юношей и девушек из Азии, Африки и Латинской Америки изучают техническую и сельскохозяйственную дисциплину, физику, химию, медицину" ²²¹.

Так, Белгосуниверситет готовит специалистов для развивающихся стран по специальностям: физика, химия, биология, радиоэлектроника и др. Политехнический институт готовит инженеров по специальностям: электрические системы и сети, технология машиностроения, промышленное и гражданское строительство, архитектура, автомобильный транспорт и др.

Важной особенностью подготовки высококвалифицированных специалистов для стран Азии, Африки и Латинской Америки является то, что в учебных заведениях Советской Белоруссии обучение ведется на уровне современных достижений мировой науки и техники, что свидетельствует о высоком уровне советской науки и является притягательной силой для молодежи освободившихся стран.

Джон Флетчер из Ганы заявил: "Я избрал местом учебы СССР, потому что наука у вас на высоком уровне и система образования поставлена так, что можно изучить все достижения науки" ^{23/}. Юноша из Ганы на практике подтвердил высказанную им мысль. Он не только окончив физический факультет БГУ, но и успешно в 1972г. защитил диссертацию и стал кандидатом наук.

Учебные заведения республики предоставляют студентам-иностранцам все условия для овладения различными науками. В их распоряжении находятся кабинеты и лаборатории, вычислительные центры и мастерские, оснащенные современными машинами, оборудованием, приборами и аппаратурой. К их услугам -- библиотеки, читальные залы.

Наряду с опытными преподавателями, научно-педагогическую работу с ними ведут крупнейшие ученые республики: академики АН БССР Ф.Д.Гахов, М.А.Ельяшевич, члены корреспонденты АН БССР В.Г.Вафиади, Л.В.Володько, профессора Н.Ф.Кунив, Г.К.Татур и многие другие.

Производственная практика иностранных студентов, как правило, организуется на крупнейших предприятиях, в передовых колхозах и совхозах. Так, студенты-иностранцы политехнического института проходили практику на Минском автомобильном, Белорусском автомобильном, тракторном и моторном заводах, а также на ряде крупнейших предприятий других городов страны. Иностранные студенты Белорусской сельскохозяйственной академии проходят практику не только в колхозах и совхозах Белоруссии, но и в различных районах Юга и Средней Азии. Районы практики для студентов указанного вуза подбираются близкие по климатическим условиям к тем странам, откуда они прибыли. Многие иностранные студенты, обучающиеся в университете, проходили практику

в различных институтах и лабораториях Академии Наук БССР.

Для посланцев из различных стран созданы в Белоруссии хорошие бытовые условия. Трудящиеся республики, партийные, хозяйственные органы, общественные организации и советские студенты, с которыми они учатся и совместно проживают постоянно окружают их заботой и вниманием.

В своих письмах на родину они рассказывают о белорусском народе, столице республики — городе Минске и его замечательных учебных заведениях. Поэтому не удивительно, что многие молодые граждане из развивающихся стран присылают письма в адрес соответствующих организаций республики, в которых неизменно выражают пожелания учиться в вузах Белоруссии.

В адрес Министра иностранных дел БССР поступило письмо от ангольского юноши: "Имею честь просить Вашей благосклонности в том, — пишет автор письма, — чтобы мне предоставили студенческую стипендию. Я, который разговаривает с Вами, являюсь сиротой... Мой отец и мать погибли за революцию, начавшуюся в Анголе 15 марта 1961 года" 24/.

11 марта 1968 года Нигерийско-советское общество дружбы направило письмо в адрес Министерства высшего и среднего специального образования БССР, в котором в частности говорится: "Мне поручено направить Вам прилагающийся список искренних членов нашего общества для рассмотрения вопроса о приеме и зачислении на стипендию в Вашем всемирно известном университете" 25/.

Далее в письме говорится о большой роли, которую играют высококвалифицированные кадры в развитии экономики, культуры и народного образования Нигерии.

Автор письма высоко оценивает помощь СССР в подготовке национальных кадров.

Один нигерийский юноша прислал письмо на имя ректора Белорусского университета с просьбой о зачислении его в университет для изучения социологии. Рассказывая о тяжелых условиях жизни, о смерти отца и матери и о большом желании учиться, автор письма подчеркивает: "Все это время ничто так не занимало мои мысли, как возможность поступления в любой восточно-европейский университет, т.к. из того, что я слышал о том, как живут там люди, я решил, что это будет наилучшим местом для получения университетского образования. Я восхищен прекрасной философией вашей страны..."^{26/} Высказывания простых африканских граждан — свидетельство высокого уровня науки и образования в СССР.

Иностранным студентам, как и советским, созданы хорошие условия для научной работы. Их приобщают к работе научных обществ, привлекают к участию в научно-теоретических конференциях и т.д. Сочетание теории с практикой в процессе обучения является важной особенностью подготовки высококвалифицированных кадров для развивающихся стран. Только за 1968/1969 учебный год иностранные студенты Белорусского политехнического института подготовили более 30 научных докладов.

Студент III курса машиностроительного факультета политехнического института Упадхойя Мерх Радж /Непал/ провел теоретическое исследование некоторых математических функций, а его однокурсник со строительного факультета Бейси Эманнуил выступил на XIII Межвузовской научной студенческой конференции с интересным сообщением о методах поисков редкоземельных элементов. Научные

работы студента Того Букондо Лусьена и студента из Гамбии Марена Муса были опубликованы в сборнике материалов Минского медицинского института ^{27/}.

Студент IV курса строительного факультета Белорусского политехнического института Ампронса Сампсон /Гана/, под руководством преподавателей института, сделал интересный архитектурный проект, который был направлен в Союз советских архитекторов для представления на международный конкурс в Аргентине ^{28/}. В Минском медицинском институте шесть иностранных студентов из Кении, Гамбии, Того, Руанды принимали активное участие в работе студенческого научного общества института.

Активно участвовали иностранные студенты в вузовских, республиканских и всесоюзных научно-теоретических конференциях по различным проблемам марксистско-ленинской теории. В феврале 1970 г. в Казанском государственном университете имени В.И.Ульянова /Ленина/ была проведена интернациональная студенческая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. На конференции было заслушано 96 докладов советских и иностранных студентов и аспирантов. Три иностранных студента и один аспирант из Белоруссии выступили там с докладами.

Аспирант Белгосуниверситета Джон Джастис Флетчер /Гана/ сделал доклад на тему "Ленинское учение о культурной революции и его значение для африканских народов"; Роберт Кейге /Кения/, студент пятого курса биологического факультета БГУ - "Ленинское учение о национально-освободительных революциях в современную эпоху" /на примерах стран Африки/. Студент второго

курса математического факультета университета Жак Антуан Амиди /Ливан/ - "В.И. Ленин и наше время" 29/.

Выполняя большую работу по обучению иностранных граждан, учебные заведения Белоруссии подготовили значительный отряд высококвалифицированных специалистов для развивающихся стран.

За период с 1965 по 1970 г. высшие и средние специальные учебные заведения республики подготовили около 250 высококвалифицированных специалистов с высшим и средним специальным образованием для 26 стран, в том числе более 80 чел. для развивающихся стран. К началу 1973 г. подготовлено почти 170 инженеров, врачей, учителей, агрономов и специалистов других профессий для 32 развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки 30/. Кроме того, в республике обучалась большая группа стажеров и аспирантов, многие из которых защитили кандидатские диссертации.

Таким образом, активно участвуя в подготовке Советским Союзом национальных кадров для развивающихся стран, Советская Белоруссия способствует социальному и культурному прогрессу молодых освободившихся государств, вносит достойный вклад в осуществление миролюбивой внешней политики КПСС и Советского правительства, направленной на укрепление дружбы и сотрудничества между народами.

Э.Г. БРОНСКАЯ

РОЛЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ ГДР В ПРОПАГАНДЕ ЗАДАЧ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

18 апреля 1931 г. немецкий ученый Манфред фон Арденне, ныне проживающий в ГДР, впервые в Германии продемонстрировал действие телевидения. Этот день считается днем рождения немецкого телевидения.

Война и послевоенная разруха задержали развитие этого нового средства массовой информации. В Германской Демократической Республике первая официальная экспериментальная телепередача состоялась 21 декабря 1952 г. В это время в ГДР насчитывалось всего 75 телевизоров. К 1963 г. было зарегистрировано уже 2.378 900 телевизоров. Смотреть телевизионные передачи могли уже не только горожане, но и жители сельских населенных пунктов. Бедь более 5 млн. жителей ГДР живут в пунктах с численностью населения менее 1000 чел. Телевидение наряду с другими средствами массовой информации стало для них окном в мир, в искусство, в образование.

Главной задачей, поставленной СЕПГ перед работниками телевидения, было убеждение всех граждан в правильности социалистического пути и национальной политики ГДР, вовлечение трудящихся в борьбу за решение великих общественных, политических, экономических и культурных задач. Телевизионные передачи призваны содействовать формированию социалистического мировоззрения граждан ГДР. Эта цель, а также технические особенности телевидения, обусловили возникновение особых форм работы. Прежде всего, на телевидении резко возросла роль документальности в большинстве жанров телевизионных передач. Здесь лежатся

особо благоприятные возможности для обсуждения самых существенных проблем общественного и экономического развития ГДР и отображения их в художественной форме.

С 1962 г. раз в неделю публицистическая передача телевидения ГДР "Место встречи - Берлин" собирает на беседу за "круглым столом" государственных работников, деятелей экономики и культуры для обсуждения и подробного анализа национальных и международных проблем. В этих беседах часто принимают участие ведущие деятели СЕПГ и Национального Фронта, члены правительства, видные общественные деятели страны. Об общем направлении беседы телезрители узнают из предварительного объявления перед выпуском ее в эфир. Телезрители имеют возможность поговорить с участниками беседы по телефону в ходе передачи и сразу получить ответы на свои вопросы^{1/}.

На заседании Совета Министров ГДР 23 сентября 1970 г. обсуждались вопросы улучшения руководства народным хозяйством. Телевидение ГДР в ходе выполнения решений партии и правительства организовало с января 1971г. серию передач, объединенных общим названием "Социалистический хозяйсчет". Их тема - вопросы и задачи, обсуждавшиеся на вышеупомянутом заседании Совета Министров.

Большой популярностью у телезрителей пользуется постоянная рубрика "Призма" /"Проблемы. Проекты. Люди"/. Эта живая оперативно-критическая передача. Она призвана систематически следить за тем, как претворяются в жизнь решения партии и правительства. В основном "Призма" рассказывает о трудностях, встречающихся при этом,

о различных недостатках, выясняет причины их возникновения и пути их устранения. Например, телевидение устраивает рейд на предприятие, выпускающее недоброкачественную продукцию, берет интервью у рабочих, ИТР, а если надо - и у министра. Телезрители узнают о причинах и виновниках брака ^{2/}.

Руководство СЕПГ ориентирует телевидение на участие в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Для сельскохозяйственных телепередач ГДР характерно активное участие в обсуждении вопросов, связанных с организацией коллективной работы в кооперативах, с повышением продуктивности скота и урожаев. Каждое воскресенье осуществляется часовая передача для членов сельскохозяйственных кооперативов.

В 1957 г. телевидение ГДР первым в социалистической Европе начало регулярно передачи для трудящихся села. Работники телевидения всегда в курсе вопросов, связанных с обеспечением хорошей коллективной работы в кооперативах.

В телевизионных передачах они показывают пути разрешения той или иной конкретной проблемы села и этим оказывают конкретную помощь крестьянам. С 1962 г. на телевидении действует "Зимняя академия социалистического сельского хозяйства". Слушатели этой академии, закончив ее курс, могут сдать устный экзамен, получить диплом, дающий право работать по данной специальности. Например, 5000 крестьянок прошли за 3 года без отрыва от производства курс свиноводства и получили профессию свиначок ^{3/}.

В социалистической ГДР развернулось массовое движение за овладение широкими знаниями и за приобретение

более высокой трудовой квалификации.

Глубоко права Мариэтта Шагинян, назвавшая ГДР "думающей республикой" ^{4/}. Чтобы поддержать это движение, по решению политбюро ЦК СЕПГ был учрежден выпуск телепередач из серии "Телевизионная академия". Телевизионная академия предназначена для взрослых. В выпуске передач этой серии принимают участие различные учебные заведения, органы народного просвещения, профтехучилища при промышленных предприятиях и сельскохозяйственных кооперативах. Телезрители, проходящие курс обучения в рамках "Телевизионной академии", сдают экзамены и получают свидетельство о десятилетнем образовании, равноценное тому, какое выдается лицам, окончившим школу в обычном порядке. Согласно постановлению Совета министров в сентябре 1962 г. "Телевизионная академия" получила статус государственного просветительного учреждения для взрослых и включена в общегосударственную систему народного образования. Так, прослушавшие курс по математике, сдав экзамен и получив соответствующее свидетельство, имеют право поступать затем в специальные учебные заведения ^{5/}. Работники, ответственные за выпуск передач "Телевизионной академии", стремятся увеличить число учащихся, наладив снабжение слушателей ее курсов необходимыми пособиями, найти более благоприятное время для выпуска в эфир передач этой серии /в 1962 г. это были понедельник, вторник и пятница/.

В системе образовательных телепередач видную роль играют курсы ведения хозяйств иностранных языков, математики и электронной обработки информации. Оперативно работает редакция выпуска телепередач, освещающих прогресс науки и техники. Учеными ГДР и других

социалистических стран на телевидении ГДР была введена постоянная рубрикованная телепередача, в ходе которой ученые знакомят телезрителей с успехами науки и техники в своей отрасли, рассказывают о проводимых ими исследованиях. Известно, что и ученые ФРГ принимают на своих экранах эту серийную передачу телевидения ГДР для ученых. Курсом "Русский язык для вас" заинтересовались даже некоторые международные просветительные организации и симпозиумы -- ЮНЕСКО, Всемирный конгресс по вопросам телевидения в Париже, Международная организация радиовещания и телевидения /ОИРТ/. Это свидетельствует о признании важности "Телевизионной академии" в ГДР, о ее высоком международном авторитете.

Работники телевидения ГДР считают, что если актуальные политические проблемы излагать в художественной форме, то телепередачи станут намного доходчивее. Используя особенности телеискусства, работники телевидения нашли удачную форму -- многосериальные телефильмы, одновременно игровые и документальные.

Телевидение ГДР ежегодно получает 500-600 сценариев телефильмов и спектаклей. Из них^{6/} ставятся примерно 150. В телевизионной программе ГДР показывается намного больше художественных фильмов, чем в телевидении других стран /например, в два раза больше фильмов, чем их показывают две западногерманские программы, вместе взятые/^{7/}. Это отчасти объясняется конкуренцией с западногерманским телевидением, которое пока еще имеет более сильную материально-техническую базу. По данным прессы ФРГ, от 60 до 70% владельцев телевизоров ГДР имеют возможность принимать западногерманские телепередачи^{8/}.

На телевидении развился особый жанр: многосерийные психологические фильмы на материале современности или недавнего прошлого. Герои их -- всегда социально типичная личность. Фильм прослеживает формирование его мировоззрения на широком фоне исторических событий с привлечением документов. Вот один из сравнительно недавних примеров: фильм Марквардта и Виттенбенера "Что мы унаследовали от своих отцов", вышедший на телеэкран в 1970 г. В нем показана история семьи крестьянина Карла Фокродта из деревни Аммеры близ Мюльхаузена. Эта история прослеживается до XVI века, до одного из Фокродтов, который входил в окружение Т. Мюнцера. Хроника крестьянской семьи тесно связана с событиями нашего времени. Рассказ Фокродта все время прерывается экскурсами в прошлое на примере интересных, оригинальных документов. Убедительно показано, как этот крестьянин своим вступлением в кооператив в конце 50-х годов не отступил от традиций своей семьи, а наоборот, это его решение воспринимается как следствие опыта и борьбы его предков. Карл Фокродт гордится традициями своей семьи. Он считает себя самым счастливым из предков, так как ни у кого из прежних Фокродтов не было таких возможностей развития как в великом обществе, которому он теперь принадлежит. Фильмы телевидения ГДР, начиная с первых многосерийных телефильмов "Совесть пробуждается" и "Доктор Шлютер" и кончая такими, как "Ганс Баймлер, товарищ" и "Крупп и Крузе", убедительно показывают связь человека с судьбой своего класса, своего народа. Они имеют большое воспитательное значение и получают большой общественный резонанс.

Эти фильмы обычно обсуждаются на предприятиях, в школах,

административных учреждениях 9/. Такие обсуждения уже давно стали фактами культурной жизни ГДР, примером взаимодействия между искусством и народом. После просмотра телефильма Бенша "Крупп и Краузе" на заводе тяжелого машиностроения им. Э.Тельмана состоялось обсуждение фильма. Среди рабочих были и такие, которые в свое время работали на заводах Круппа в капиталистической Германии. Все рабочие были единодушны в одном: фильм "Крупп и Краузе" потому так популярен среди рабочих комбината, что он отображает целую главу истории рабочего движения. Формовщик завода Гарри Деринг сказал: "В дифференцированном изображении самих различных рабочих мы находим кусок самих себя, наших отцов ..." 10/.

За последние годы большое развитие получили детективный и приключенческий жанры кино и телефильмов. Это опять-таки вызвано необходимостью противопоставить произведения этого жанра потоку низкопробных детективов и вестернов, демонстрирующихся на западно-германском телевидении. Некоторое время этот жанр отставал по сравнению с другими, но в последние годы здесь также созданы значительные произведения. Это выпущена признать и западногерманская пресса. Газета "Франкфуртер альгемайне", говоря о 13-серийном фильме "Трое из К ..." /из истории народной полиции ГДР/, пишет: "Эта серия отличается полнокровностью, тщательной проработкой всех типов. Даже поднаторевшие в этом жанре западные авторы и режиссеры могут многое почерпнуть из этой работы" 11/.

Значительное время на телевидении ГДР отводится другим жанрам телеискусства, также выполняющим различные воспитательные функции: хроникальным и коротко-

метражным фильмам, телеспектаклям, передачам из разных областей искусства: музыки, театра, изобразительного искусства. Появляются все новые, специфичные для телевидения жанры: сценическая документация, художественный репортаж, телевизионный рассказ, смешанные формы. При телевидении создан научно-художественный совет, в который входят известные деятели из области политики, экономики, культуры. Ни одно крупное событие художественной жизни не проходит мимо внимания работников телевидения. В 1970 году весь мир отмечал 200-летие со дня рождения Людвига ван Бетховена^{12/}. Немецкое телевидение посвятило этой дате большое количество постановок. Помимо трансляций из концертных залов состоялся целый ряд собственных передач, которые ставили перед собой цель донести до миллионов граждан ГДР творчество Бетховена. Эти передачи характеризуются вдумчивостью, серьезностью и глубиной подхода к теме.

Благодаря телевидению искусство стало играть еще большую активизирующую роль в повышении уровня культурной жизни. Литературные передачи, инсценировки литературных произведений, рассказы о новых книгах способствуют росту числа любителей книг как в городе, так и на селе. Передачи, рассказывающие о новых фильмах и театральных постановках, побуждают к посещению кино и театров. Следовательно, телевидение ГДР не выступает в роли конкурента кино и театра, а стремится быть их союзником.

Особая функция телевидения в период развернутого строительства социализма в ГДР связана с географическим положением ГДР, граничащей с западным миром и являющейся форпостом стран социализма. Работники

телевидения ГДР никогда не забывают о том, что значительное количество граждан ФРГ имеют возможность принимать ее программы /около 10 млн. зрителей/^{13/}. Такую же возможность имеют граждане Дании и юга Швеции. Работники телевидения ГДР видят свою задачу в том, чтобы информировать другие страны о ГДР, ее развитии и достижениях, ее политике мира, взаимопонимания, солидарности, разрядки международной напряженности, о жизни граждан республики и их проблемах. Необходимость этого объясняется тем, что средства массовой коммуникации ФРГ распространяют ложь о ГДР и о других странах социализма, замалчивают массовые выступления прогрессивной общественности ФРГ, оправдывают внешнюю политику империалистических держав. Телевидение ГДР помогает западногерманскому зрителю узнать правду о Германской Демократической Республике, понять истинное положение дел в мире.

Работники телевидения ГДР стараются дать всеобъемлющую, беспристрастную актуальную информацию, которая ориентирует зрителей в происходящих событиях. Три раза в день телезрители могут смотреть выпуск "Актуальной телехроники". В ней сочетаются выпуски последних известий, снятые на пленку репортажи, полемические дискуссии на злобу дня. На службе этой "электронной газеты" стоят лучшие журналисты. С 1965 г. первая общенациональная программа ГДР начала давать в эфир один раз в две недели передачу "Объектив. Факты. Побудительные причины. Контрасты". Основное внимание в ней уделяется странам социализма, развивающимся странам. Даются также репортажи из развитых капиталистических стран. Западно-германские официальные источники признают, что в ФРГ 95% владельцев телевизоров, способных обеспечить удовлетворительный

прием телепередач, проявляют интерес к программам ГДР и смотрят их более или менее регулярно ^{14/}. Работники телевидения получают сотни и тысячи писем от телезрителей из ФРГ. Часто в письмах вложены пяти-марковые ассигнации - стоимость абонентской платы за пользование телеприемниками в ФРГ. Многие газеты, издающиеся в ФРГ, стали печатать программы телевидения ГДР ^{15/}. Опыт работы телевидения ГДР показывает, насколько эффективным может быть стремление донести до жителей ФРГ правду о социалистически преобразованиях. Если принять во внимание тот факт, что технически западногерманское телевидение оснащено пока лучше, чем телевидение ГДР и значительное число граждан ГДР имеет возможность принимать передачи из ФРГ, то становится ясно, какие серьезные задачи ставятся перед работниками телевидения ГДР. Непосредственно контрпропагандистский материал дают серийные передачи "Черный канал", "Место встречи - Берлин", "Теле-Бе-Цет". В этих программах используются самые различные журналистские кадры, принятые на телевидении. Чрезвычайно эффективным оказался, например, метод, согласно которому снимаются на пленку выступления буржуазных политиков, фрагменты телепрограмм ФРГ. Из них извлекаются соответствующие кадры, которые показываются в телепрограмме ГДР в сопровождении соответствующего комментария, подкрепляемого собственными хроникальными кадрами, имеющимися в распоряжении телевидения ГДР. Например, выступление западноберлинского комментатора, заявлявшего о "миролюбивой" политике США, иллюстрировалось кадрами кинохроники, рассказывавшими о военных преступлениях американской воиницы в Индокитае. Часто сопоставляется

жизнь в Западной Германии и ГДР. Например, положение детей и безработных Рура показано в контрасте с развлечениями западногерманских миллионеров и тут же даются кадры о загородных лагерях, созданных в ГДР для детей бедняков из Западной Германии. Берлинский корреспондент "Нейшл бродкастинг компани" Джерри Стиндт, отмечая, что программы для телезрителей ФРГ демонстрируются из ГДР в поздние вечерние часы, после того как прекращаются западногерманские телепередачи, называет "Черный канал" одной из "самых сильных, убедительных антизападных передач ГДР" 16/.

Документальные фильмы Главной редакции внешней политики помогают воспитанию народа в духе социализма, говорят историческую правду о прошлом нацизма, разоблачают неонацизм. Получили всемирную известность фильмы талантливых документалистов Г.Шойманна и В.Хайновского, В.Егея, документальная программа Аннели и Андре Торндайк "Немецкий империалистический генералитет: вчера и сегодня". Документалисты Вальтер Хайновский и Герхард Шойманн посвящают свой многолетний труд вопросу: "Сколько лиц у врага?". Они показывают врага в разных обликах: наемники в Конго, "ясновидящая" Букеда в ФРГ, 10 американских пилотов в пижамах военнопленных. Многие годы В.Хайновский и Г.Шойманн посвятили разоблачению перед международной общественностью нацистского прошлого баварских государственных чиновников от Оберлендера и Глобке до Бекера. Многие на Западе думают, что разоблачение реакционной сущности фашизма не является уже актуальным, т.к. бывшие нацисты сойдут с политической сцены чисто физиологическим путем, а вместе с ними исчезнет и реваншизм с его стремлением к территориальным изменениям в Европе.

Чтобы развеять эти иллюзии, В.Хайновский и Г.Шойманн создают фильм "Человек без прошлого", который призывает людей к бдительности, постоянной готовности для встречи со злом. Наемник в Крнго, человек, единственная "специальность" и назначение которого -- убийство /"Смеющийся человек"/, тоже не имеет нацистского прошлого. Это порождение неонацизма.

Телецикл Егеля "Я -- король Аксель" рассказывает о карьере А.Шпрингера, короля прессы ФРГ, реакционера, друга и помощника сионистов, вдохновителя многих политических провокаций. Деятельность его концерна зачастую вызывает раздражение и протесты в самой ФРГ. В 1969 г. западногерманские студенты разрушили здание концерна, расположенное на границе Западного Берлина с ГДР. Разоблачения кинематографистами Шпрингера попали прямо в цель. Не имея возможности опровергнуть их, приспешники Шпрингера сделали попытку смягчить их действие. Был создан рекламный фильм "Человек, который поражает", несколько дней из жизни А.Шпрингера". Фильм представляет из себя панегирик добродушному отцу семейства, снятому в домашней обстановке ^{17/}. В фильме ГДР Шпрингер показан средствами народной пьесы -- сатирической комедии. Причем это не просто народная -- это социальная народная пьеса.

Успех многосерийных фильмов ГДР неоднократно отмечался прессой ФРГ и других западных стран. Один итальянский журнал, говоря о телефильме ГДР "Ганс Троттберг", отмечает убедительность документальных передач, которые посвящены полемике со взглядами, бытующими в Западной Германии по вопросам о происхождении нацизма и корнях неонацизма ^{18/}. Журнал "Верайти" пишет: "Восточногерманская телеслужба считается одной из крупнейших

в Европе — как по размерам аудитории, так и по объему выпускаемых передач и по внешнеторговым связям. Телепередачи ГДР отмечаются высоким качеством^{19/}. Директор Всемирного фестиваля телевидения, состоявшегося в Лондоне осенью 1963 г., обратился с письмом в адрес телевидения ГДР, в котором он отмечает успех телепередач Германской Демократической Республики, представленных на фестивале^{20/}. Некоторые телевизионные фирмы Запада, которые нельзя заподозрить в симпатиях к социалистической стране, ввиду роста международного авторитета ГДР вынуждены искать с ней контакты. Так, в июне 1971 г. представитель телевидения Би-Би-Си Р.Ноби приехал в Берлин для переговоров об обмене программами. Уже в 1971 г. телевидение Би-Би-Си подготовило передачу о роли женщины в ГДР. Датское телевидение вело переговоры о совместном производстве музыкальных передач. Телевидение Голландии — о сотрудничестве в области обмена внутрисполитической информации.

Наиболее прочные связи существуют у телевидения ГДР с социалистическими странами и особенно с телевидением Советского Союза. Системы телевизионного вещания обеих стран обмениваются фильмами — документальными и художественными, телепередачами, сюжетами, интервью, детскими и спортивными передачами. За 1968 г. и 3 месяца 1969г., например, телевидение ГДР передало 135 советских передач, советское телевидение — 80 передач из ГДР. Произошел обмен 500 сюжетами. Из Советского Союза было получено 102 документальных фильма. ГДР направила в Советский Союз 25 художественных фильмов^{21/}. Пуск в действие телекабеля Москва-Прага-Берлин 6 декабря 1964 года создал технические возможности для осуществления такого

интенсивного обмена. Автоматизированная многоканальная сеть направленного вещания делает возможным ретрансляцию для третьих стран и является важным звеном для двухстороннего и многостороннего обмена программами со странами "Интервидения" и "Евровидения". Телевидение ГДР руководствуется духом гуманизма и взаимопонимания между народами. Доказательством этому служит сотрудничество со странами "Интервидения", официальные связи с "Евровидением" и выгодные связи с более чем 100 организациями во всем мире. В 1966 г. показ программы и телефильмов, полученных по обмену, занял 27, 8% всего времени вещания, в 1972 г. — уже 40%. Половина этого времени использовалась для показа советских программ.

Свою работу по отбору, синхронизации и передаче программы дружественных социалистических стран работники телевидения ГДР рассматривают как вклад в социалистическую интеграцию, дальнейшее развитие которой является важной политической задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

В.И.СМИЦА. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768-1774гг. И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

- 1/ В XIX-начале XX в. в понятие "Ближний Восток" включали все владения Османской империи.
- 2/ Архив К.Маркса и Ф.Энгельса, т.XVI. М., 1939, стр. 189.
- 3/ Там же, стр.170.
- 4/ Говоря о соседях России 1760 г., Ф.Энгельс в статье "Внешняя политика русского царизма" писал, что "наступательная сила турок была сломлена еще 100 лет тому назад /т.е. во второй половине XVIII в. - В.С./, оборонительная же их сила, пока еще значительная, тоже уменьшилась" /К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22. М., 1962, стр.17/.
5. П.А.Чихачев. Великие державы и восточный вопрос. М., 1970, стр.116.
- 6/ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22, стр.33.
- 7/ См. Примечания достойная жизнь графа Боневала, бывшего пред сим цесарского генерала от инфантерии, а потом командующего при турецкой армии под именем Асман паши. Пер. с франц. М., 1789, стр.50-54: M.d'Osson. Tableau general de l'Empire Ottoman, t.VII. Paris, 1824, p.378-380; Djévad-Bey. Etat militaire ottoman depuis la fondation de l'Empire jusqu'à nos jours, t.I. Paris, 1882, p.88-90.
- 8/ См. J.W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Th.V.Gotha, 1857, S. 834-839, 846-850, 853; Th. VI. Gotha, 1859, S. 9-10.
- 9/ См. Примечания достойная жизнь графа Боневала... стр.55; Обзорение внутренностей Турции Европейской, почерпнутое из древних и новых писателей ... М., 1829,

- стр.27-28; П.Ников. Възраждането на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1929, стр.15; А.Ф.Миллер. Мустафа паша - Байрактар. М.-Л., 1947, стр.52.
- 10/ См. В.Гордлевский. Очерки новой османской литературы. М., 1912, стр.3; Ю.Миллер. Искусство Турции. М.-Л., 1965, стр.87-100.
- 11/ П.Стрельбицкий. Владения турок на материке Европы с 1700 по 1879 год. СПб, 1879, стр.5, 20.
- 12/ См. Е.И.Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955, стр.349-360.
- 13/ Русский посланник в Константинополе Н.Я.Булгаков Екатерина II, 1/12/ сентября 1784 г. Архив внешней политики России, ф.Сношения России с Турцией, д.640, л.53.
- 14/ Архив князя Воронцова, кн.ХХУ. М., 1882, стр.306.
- 15/ Сборник Русского исторического общества, т.ХШ. СПб, 1874, стр.130.
- 16/ Jouffret. Catherine II et son règne, t.II. Paris, 1860, p.35.
- 17/ См. J.W.Zinkeisen. Op.cit., Th.VI, S.85.
- 18/ С.М.Соловьев. История падения Польши. СПб, 1869, стр.155.
- 19/ J.Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd, VIII.-Werke, Bd.VIII. Graz, 1963, S.378-379.
- 20/. См. Л.Добров. Южное славянство. Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб, 1879, стр.506.
- 21/ См. История о возмущении Али-бея против Османской Порты с различными новейшими известиями о Египте, Палестине, Сирии и турецком государстве... М., 1789; А.Адамов. Ирак Арабский. СПб, 1912, стр.373, 392-393; J.W.Zinkeisen. Op.cit., Th.V, S. 853-854.

- 22/ См. Сборник Русского исторического общества, т.I. СПб, 1867, стр.I-13.
- 23/ Сб.РМО, т.I, стр.81; Я.К.Грот. Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб, 1879, стр.IIO; А.Брикнер. История Екатерины Второй, ч.Ш. СПб, 1885, стр.280; К.Грюнвальд. Франко-русские союзы. М., 1968, стр.57-59; J.W.Zinkeisen. Op.cit.Th.V., S.863-865; Broglie. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère... t.II. Paris, 1866, p.470.
- 24/ См. Я.Н.Бутковский. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе, т.I. СПб, 1888, стр.18; J.Hammer. Op.cit., Bd.VIII.-Werke, Bd.VIII, S.320-323; J.W.Zinkeisen. Op.cit., Th.VI, S. 915; A.Beer. Die erste Theilung Polens. Documente. Wien, 1873, S.26; A.R.Arnoeth. Maria Theresia's letzte Regierungszeit. 1763-1780, Bd.II. Wien, 1877, S.121-231.
- 25/ Последнее крупное исследование о русско-прусских отношениях 60-80 хх.ХУШ в. - W.Stribni. Russland/politik Friedrich des Großen. 1764-1786. Würzburg, 1966.
- 26/ См. И.Ю.Родзинская. Естественные союзники /русско-английские отношения 60-70-х годов ХУШ в. — В кн. Проблемы британской истории. 1972 . М., 1972, стр.197-223.

В.И.СИНЦА. ВОССТАНИЕ В МОРЕЕ 1770г. и РОССИЯ

- 1/ См. Центральный государственный архив древних актов, ф.15, д.146, л.II.
- 2/ Архив Государственного совета, т.I, ч.I. СПб, 1869, стр.5, 357.
- 3/ См. "Русский архив", М., 1873, № 2, стр.71.
- 4/ См. Сборник русского исторического общества /в дальнейшем - Сб.РМО/, т.I. СПб, 1867, стр.I-13.
- 5/ В.Уляницкий. Дарданеллы, Босфор и Черное море в ХУШв.

М., 1883, приложение 27.

6/ См. Материалы для истории русского флота, ч.ХІ. СПб, 1886, стр.366-376.

7/ В Порт-Магон к этому времени пришли 4 линейных корабля, 1 фрегат и 4 мелких судна. На кораблях было 652 орудия и более 5 тыс.чел. экипажа и десанта /см. Записки Гидрографического департамента Морского министерства, ч.УІІ. СПб, 1849, стр.247-249/.

8/ Военные операции в Море довольно подробно изложены в дневнике участника событий адмирала С.К.Грейга /Собственноручный журнал капитан-командора С.К.Грейга в Чесменский поход. - "Морской сборник", 1849, № 10, стр.645-660; №11, стр.715-730; № 12, стр.785-827; то же, отд. изд. СПб, 1850/ и в кандидатских диссертациях В.Л.Полякова /Русский флот в первой турецкой войне 1768-1774 гг. Б.м., 1955, стр.120-156/ и Ф.С.Криницына /Первая Архипелагская экспедиция русского флота. Л., 1956, стр.162-187/. Отметим неточность в названии работы В.Л.Полякова: война 1768-1774 гг. не являлась первой русско-турецкой войной. Россия воевала с Турцией и в 1735-1739 гг., и в 1711г., и еще в конце ХУІ в.

9/ См. В.Уляницкий. Указ. соч., приложение 30.

10/См. "Северный архив", ч.УІІ. СПб, 1823, стр.252-257;

С.К.Грейг. Указ. соч., - "Морской сборник", 1849, № 11, стр.717-718.

11/См. "Военный сборник", 1893, № 10, стр.377.

12/Десант состоял, по данным Криницына, из 551 чел., а по данным Полякова, - из 587 чел./В.Л.Поляков. Указ.соч., стр.129; Ф.С.Криницын. Указ.соч., стр.170/.

13/ См.С.К.Грейг. Указ. соч. - "Морской сборник", 1849, № 11, стр.725-726.

14/ С.К.Грейг. Указ. соч. - "Морской сборник", 1849, №11, стр.726-728; Записки Гидрографического департамента...

ч.УП, стр.259; Ф.С.Криницын. Указ. соч., стр.177-182;
В.Л.Поляков. Указ. соч., стр.147-152.

15/ Материалы для истории русского флота, ч.ХІ, стр.586.

16/ "Санкт-Петербургские ведомости", 30 апреля 1770 г.

17/ См. А.Петров. Война России с Турцией и польскими конфедератами, т.П, СПб, 1866, стр.367, 370, 373, 374.

18/ Памятники новой русской истории, т.І. СПб, 1871, стр.142.

19/ См. Сб.РИО, т.І, стр.31.

20/ Адмирал С.К.Грейг считал, что "если б можно было русскому флоту прийти несколькими месяцами ранее... то весьма вероятно, что вся Морея в короткое время была бы очищена от турок и осталась в полной власти греков" /С.К. Грейг. Указ. соч. - "Морской сборник", 1849, №II, стр.653/.

21/ См., например, Е.В.Тарле. Три экспедиции русского флота. М., 1956, стр.56.

Л.М.ШПЕЕРСОН. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И ФРАНКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНЦЕ 1866 - НАЧАЛЕ 1867 г.

1/ Charles - Roux Et. Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III. Paris, p.535.

2/ Но все-таки он не мог отрицать, что отказавшись пойти навстречу России в восточном вопросе, Наполеон III оставил в распоряжении Пруссии сильное средство воздействия на Россию, которое та использовала в 1870 г. /Ibid., p.540/.

3/ См. Н.Сеуэв. Bismark und Napoleon III. Köln, 1959.

4/ А.Дж.Тейлор. Борьба за господство в Европе в 1848-1918 гг. Изд. иностр.лит., М., 1958, стр.187.

5/ См. W.E.Моузе. The European Powers and German Question. 1848-1871. Cambridge, 1958.

6/ Архив внешней политики России /в дальнейшем - АВПР/. Отчет МИД за 1866 г., л.92.

- 7/ Несколько подробнее об этом см: Л.М.Шнеерсон. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962, стр.311-325.
- 8/ См. АВПР. Отчет МИД за 1866 г., л.67-68.
- 9/ Об этих переговорах см. Л.И.Нарочницкая. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии "сверху". М., 1960, стр.135-139; Л.М.Шнеерсон. Указ.соч., стр.237-239, 288.
- 10/ "Голос", 14 /26/ августа 1866 г.
- 11/ Цит. по "Санкт-Петербургским ведомостям" от 20 сентября /2 октября/ 1866 г. См. так же обзор парижской прессы в "С.-Петербургских ведомостях" от 19 сентября /1 октября/ 1866 г.
- 12/ R.Linkenhell. "Revue des deux Mondes" und Deutschland /1830-1871/. Schramberg /Schwarzwald, 1962, S.93-94.
- 13/ "Весть", 31 октября /12 ноября/ 1866 г.
- 14/ "Весть", 8 /20/ сентября 1866 г.
- 15/ "Весть", 31 октября /12 ноября/ 1866 г.
- 16/ "Весть", 30 июня /12 июля/ 1867 г.
- 17/ См. "Неделя", 8 /20/ января 1867 г.
- 18/ "Биржевые ведомости", 1 /13/ января 1867 г.
- 19/ "Голос", 25 ноября /7 декабря/ 1866 г.
- 20/ См. статью Жирардена в "Journal des Débats", 11 октября 1866 г. и статью Форкада в "Revue des deux Mondes", перепечатанную в "Биржевых ведомостях" от 12 /24/ 1867г.
- 21/ См.Талейран, 7 октября 1866 г., цит. по Charles-Roux, op.cit. p.400.
- 22/ АВПР, Канц., 1866, д.172, л.235-237.
- 23/ Там же, д.132, л.81-87. Версия об отсутствии у Наполеона III самостоятельных интересов на Востоке обыгрывается и в западной историографии. См., например, H.Michael. Bismark, England and Europe. München, 1930.

- 24/ См. письмо Горчакова Будбергу от 16 /28/ и доклад Горчакова Александру II от 15 /27/ ноября 1866 г. АВПР, Канц., д.173, л.547-557; д.66, л.496-504.
- 25/ См. Записку Горчакова Александру II от 24 февраля /8 марта/ 1866 г. Там же, д.66, л.21.
- 26/ Там же, л.496-504.
- 27/ Там же.
- 28/ Les Origines diplomatiques de la guerre de 1870-1871. Recueil de documents publiés par le ministère des affaires étrangères, t.XIII, N3842, 3843 /в дальнейшем- Les Origines/.
- 29/ Доклад Горчакова Александру II от 15 /27/ ноября 1866 г. АВПР, Канц., 1866, д.66, л.496-504.
- 30/ Там же.
- 31/ См. там же, д.174, л.274-284.
- 32/ Там же, д.173, л.547-557.
- 33/ Там же, д.128, л.409-416.
- 34/ Там же.
- 35/ Там же, д.127, л.632-638.
- 36/ Там же, д.220, л.595-601, д.31, л.422-429.
- 37/ См. Отчет МИД за 1866 г., л.115, АВПР.
- 38/ См. Мустье Талейрану, 23 января 1867 г. Les Origines, t.XIV, N 4105.
- 39/ Там же.
- 40/ Там же, № 3968.
- 41/ Талейран Мустье, 1 февраля 1867 г. Les Origines, t. XIV, N 4144.
- 42/ Там же.
- 43/ См. донесение Горчакова Александру II от 12 /24/ февраля 1866 г. АВПР, Канц., 1867, д.48, л.25-28.
- 44/ Les Origines, t.XIV, N 4268.
- 45/ Там же. АВПР, Канц., 1867, д.48, л.25-28.
- 46/ Les Origines, t.XIV, N 4275.

47/ Там же.

48/ См. Записку Горчакова Александру П, 31/19/ января 1867 г. АВПР, Канц., 1867, д.48, л.15-17. См. также *Les Origines*, t.XIV, N 4106, 4125, 4122. Действительно, в инструкции послу в Константинополе Бурре 25 января Мустье писал: "Я не тороплю Вас с осуществлением этой программы. Вы должны только осторожно подготовить почву". Там же, № 4110.

49/ См. И.Г.Сенкевич. Россия и Критское восстание 1866-1869 гг. М., 1970, стр.79, 82-83. Эти "намерения" были связаны с чисто тактическими и демагогическими расчетами французской дипломатии.

50/ См. записку Горчакова Александру П, 24 /12/ февраля 1867 г. АВПР, Канц., 1867, д.48, л.25-28.

51/ Там же. Отчет МИД за 1867 г., л.50.

52/ Там же, л.53-54.

53/ Меттерних Бейсту, 10 декабря 1866 г. *Auswärtige Politik Preussens 1858-1871*. Bd.VIII, S.223.

54/ АВПР, Канц., 1866, д.219, л.256-264. К денежке приложена вырезка цитируемой статьи /л.266/.

55/ Там же, д.220, л.60-66.

56/ Там же, л.60-66, 92.

57/ Там же, л.154-161.

58/ См. Горчаков Александру П, 26 /14/ января 1867 г. Там же, д.48, л.9-10.

59/ Там же, д.33, л.503-504.

60/ Там же, Отчет МИД за 1886 г., л.117.

61/ См. Горчаков Александру П, 7 декабря /25 ноября/ 1866 г. Там же, д.66, л.525-526.

62/ *Les Origines*, t.XIV, N 4088.

63/ Там же, № 4021. "Парижский договор, - писал он, - единственный материальный результат славной войны, из которой мы не извлекли никакой материальной выгоды.

Г-н Бейст предлагает нам аннулировать этот результат".

64/ См. Будберг Горчакову, 23 /II/ февраля 1867 г.

АВПР, Канц., 1867, д.132, л.56-60.

65/ См. записку Горчакова Александру II, 28 /16/ февраля 1867 г. Там же, д.48, л.39, а также д.134, л.33-35.

66/ Там же, д.132, л.56-60. Чтобы дать некоторую гарантию Франции, Россия соглашалась на обмен депешами.

67/ Там же, д.133, л.40-42.

68/ Там же, Отчет МИД за 1867 г., л.34-35.

69/ Там же, л.35.

70/ См. там же л.136 и письма Горчакова Моренгейму от 9,10,15 июля 1867 г., д.19, л.671-675, 680.

71/ Там же, д.95, л.355-357.

72/ Там же, л.23-25.

73/ См. письмо Горчакова Бруннову, 23 /II/ января 1867г. Там же, д.98, л.146-148.

74/ См. телеграмму Горчакова Будбергу, I апреля /20 марта/ и депешу II апреля /30 марта/ 1867 г. Там же, д.134, л.53, 64. А также донесение Горчакова Александру II, 14 /2/ апреля, там же, д.48, л.82-83.

75/ См. Л.М.Шнеерсон. Начало франко-прусских переговоров о союзе и римском вопросе /август 1866 - январь 1867 г./ - Вопросы всеобщей истории . Минск, 1959.

76/ АВПР, Канц., 1867, д.134, л.294-297.

77/ См. И.Г.Сенкевич. Указ. соч., стр.133.

78/ См. там же, стр.163.

79/ H.Michael. Op. cit., S.155.

80/ АВПР, Отчет МИД за 1867 г., л.91.

81/ Там же, л.19-20.

О.Г.РАДЬКОВА. БОРЬБА КЛАССОВ ЗА ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ЖЕНЩИН /1905 - 1907 гг./

I/ Лишь после 1905 г. право участвовать в выборах по-

лучили женщины Финляндии, Норвегии, Новой Зеландии, Австрии, Дании и Исландии.

2/ Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris. Abgehalten vom 14. bis Juli 1889. Nürnberg, 1889, S.122.

3/ Internationaler Sozialisten-Kongress zu Amsterdam. 14 bis 20 August 1904. B., 1904, S.54.

4/ См. К.Цеткин. Отступничество II Интернационала в борьбе за освобождение женщин. "Коммунистический Интернационал", 1929, № 9-10, стр.129.

5/ Н.Ролланд-Холст. Frauenwahlrecht und Sozialdemokratie. "Die Gleichheit", 1906, №12, S.78f.

6/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.16, стр.85.

7/ К.Харди. Zur Haltung der englischen Sozialisten in der Frauenstimmrechtsfrage. "Sozialistische Monatshefte", 1908, Augustheft, S.1006 ff.

8/ Eine Sozialistische Enquete über die sofortige Einführung des Frauenwahlrechts. In: C. Zetkin. Zur Frage des Frauenwahlrechts. B., 1907, S.81.

9/ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zur Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. B., 1891, S.5.

10/ E.Фischer. Die Frauenfrage. "Sozialistische Monatshefte", 1905, Juniheft, S.258-266.

11/ "Die Neue Zeit", 1906-1907, Bd.2, S.686.

12/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.16, стр.86.

13/ См. "Die Gleichheit", 1906, №4,6,12,21,22.

14/ "Die Gleichheit", 1906, №2, S.11.

15/ Ibid.

16/ U.Seemann. Die Kämpfe der Hamburger Arbeiter gegen die Verschlechterung ihres Wahlrechts in den Jahren 1905/1906. "Wissenschaftliche Zeitschrift der Univer-

bitzt Rostok". 1961, H.I, S.89.

17/ "Leipziger Volkszeitung", 15 Januar 1906.

18/ "Die Gleichheit", 1906, N3, S.15.

19/ C.Zetkin. Die Frage des Frauenwahlrechts. B.,

1907. Русск.пер. К.Цеткин. Избирательное право женщин.
М., 1907.

20/ Там же, стр.3.

21/ Там же, стр.12.

22/ Там же.

23/ Там же, стр.19.

24/ Там же, стр.24.

25/ Bericht über die vierte sozialdemokratische Frauen-
konferenz in Mannheim. Abgehalten am 22. und 23. Sep-
tember 1906. In: Protokoll über die Verhandlungen des
Parteitagcs der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands.
Abgehalten zu Mannheim vom 23. bis 29. September 1906,
S.456.

26/ Bericht für die Internationale Konferenz sozialis-
tischer Frauen. Abgehalten in Stuttgart am 17. August
1907. B., 1907.

27/ "Die Gleichheit", 1907, N 17, S.143.

28/ А.Коллонтай. Международные социалистические сове-
щания работниц. Избранные статьи и речи. М., 1972, стр.87.

29/ "Vorwärts", 20. August, 1907.

30/ См.Р.Я.Цириньник. Первые международные женские со-
циалистические конференции. Из истории рабочего класса
и революционного движения. М., 1958, стр.124.

31/ Internationaler Sozialisten-Kongress zu Stuttgart.
18. bis 24. August 1907. B., 1907. S.120.

32/ Ibid., S.122.

33/ Ibid., S.121.

34/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.16, стр.86.

35/ "Sozialdemokratische Parteikorrespondenz", N35,
August 1907, S.563.

36/ Internationaler Sozialisten-Kongress zu Stuttgart, S.42.

37/ Ibid., S.43.

38/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.16, стр.70.

39/ Там же, стр.81.

Г.М.ТРУХНОВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ РЕАКЦИИ В ГЕРМАНИИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
/1919 - 1922 гг./

1/ Историко-дипломатический архив МИД СССР, ф.182,
д.53, л.16.

2/ Там же, ф.193, д.381.

3/ Там же, д.26.

4/ Там же, д.278.

5/ J.Kuczynski. Studien zur Geschichte des Deutschen
Imperialismus, Bd.,2, B., 1956, S.271.

6/ См. Э.Оствальд. Путь Гитлера к власти. М., 1933,
стр.20-21.

7/ Г.Розанов. Германия под властью фашизма /1933-
1939 гг./. М., 1961, стр.7.

8/ Э.Мануильский. Стенографический отчет XI Пленума
ИККИ. М., 1931, стр.37.

9/ Программа Коммунистической партии Советского Сою-
за. М., 1961, стр.53.

10/К.Гейден. История германского фашизма. М., 1935,
стр.73.

11/И.Гольдштейн и Р.Левина. Германский империализм.
М., 1947, стр.326.

12/ А.Абшх. Der Irrweg einer Nation. В., 1960, S.237.

- 13/ Ibid., S. 250.
- 14/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.I, Изд. 2-е, стр.374.
- 15/ Г.Розанов. Указ.соч., стр.6.
- 16/ F.K.Paul. Kleiner Weimarer Petivall. В., 1959, S.9.
- 17/ Это претенциозное название было заимствовано фашистами из периода освободительной борьбы буржуазии и студенчества в Германии в начале XIX века.
- 18/ Г.Розанов. Указ.соч., стр.8.
- 19/ См. Э.Оствальд. Указ.соч., стр.61-62.
- 20/ См. там же, стр.6-7.
- 21/ И.Гольдштейн, Р.Левина. Указ.соч., стр. 325.
- 22/ H.Rauschnig. Gespräche mit Hitler. В., 1941, S.10.
- 23/ E.Thälmann. Reden und Aufsätze, Bd.I, В., 1952, S.577.
- 24/ G.Halgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt am Main, 1958, S., 96.
- 25/ H.Rauschnig. Op.cit., S.78.
- 26/ Историко-дипломатический архив МИД СССР, ф.182, д.45, л.8.
- 27/ См. Основы истории германского рабочего движения, Берлин, 1963, стр.121.
- 28/ O.Winzer. Zwölf Jahre Kämpfe gegen Faschismus und Krieg. В.; 1955, S.15.
- 29/ Zur Geschichte der KPD. В., 1952, S.97.
- 30/ См. "Die Rote Fahne", 17.Juni, 1922.
- 31/ В.Бредель. Эрнст Тельман. М., 1952, стр.67.
- 32/ Там же.
- 33/ Там же.
- 34/ См. А.С.Ерусалимский. Германский милитаризм. История и современность. М., 1964, стр.290.
- 35/ См. " Die Rote Fahne", 25.Juli, 1922.

- 36/ См. А.Норден. Der Ratenamord und seine Lehren. "Neues Deutschland", 25. Juli, 1947.
- 37/ P. Klein. Die diplomatische Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion. B., 1951, S. 113.
- 38/ См. Verhandlungen des deutschen Reichstages. Bd. 356, S. 8042.
- 39/ Коммунистический Интернационал в документах, 1919-1932 гг. М., 1938, стр. 381.
- 40/ Там же, стр. 380.
- 41/ Seeckt. Aus meinem Leben. 1918-1936. Leipzig, 1940.
- 42/ См. А. Гумбольд. Четыре года политических убийств. М., 1925, стр. 1.
- 43/ См. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, т. I, М., 1965, стр. 350.
- 44/ О. Винцер. Революционные традиции борьбы немецкого рабочего класса против милитаризма и войны. М., 1952, стр. 31.
- 45/ Там же, стр. 32.
- 46/ В. Бредель. Указ. соч., стр. 64.
- 47/ См. А. Абусч. Op. cit., S. 241.
- 48/ Bericht über der Verhandlungen des 3 /8/ Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands. B., 1924, S. 27.
- Д. Б. МЕЛЬЦЕР. СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО БЛОКА /1931-1934 гг./

I/ Правительство так называемого Народного блока после победы на выборах 29 июня 1931 г. возглавил один из лидеров демократической партии А. Малинов, а 13 октября того же года его сменил другой лидер этой пар-

тии - Н.Мушанов, который занял также пост министра иностранных дел.

2/ Дневники /стенографски/ на XXIII Обикновено Народно събрание, III редовна сесия/ далее - Дневници/, кн.2, стр.134I.

3/ М.М.Горанович. Аграрний кризис и распад аграрного блока. 1930-1933. Изд."Наука", М., 1971, стр.181-188.

4/ Дневници, кн.3, стр.2007.

5/ Централен партиен архив при ЦК на БКП /далее - ЦПА при ЦК на БКП/, ф.3, оп.3, а.е.359, л.1.

6/ Централен държавен исторически архив /далее - ЦДИА/, ф.173, оп.3, а.е.361, л.306-307; ЦПА при ЦК на БКП, ф.25, оп.1, а.е.4а, л.1; Фонды Государственного музея революции СССР. Г.2320/17-Ж 385-5д.

7/ ЦДИА, ф.173, оп.5, а.е.503, л.27.

8/ В 1931 г. коммунистами издавалось 42 газеты, журнала и бюллетеня с недельным тиражом в 250 тыс.экземпляров.

9/ ЦПА при ЦК на БКП, ф.3, оп.1, а.е.356, л.1-2.

10/ Там же, ф.1, оп.3, а.е.224, л.6-7, 47, 57; ф.3, оп.4, а.е.307, л.13.

11/ Там же, ф.3, оп.4, а.е.307, л.32.

12/ "Работническо дело", 18 март, 1932.

13/ Централен държавен архив Октябрьской революции СССР /далее - ЦГАОР СССР/, ф.5283, оп.5, ед.хр.709, л.15, 23; оп.6, ед.хр.816, л.11; ЦДИА, ф.370, оп.1, а.е.312, лл.4-5, 13-15, 46, 61.

14/ Л.Стоянов. Избрани произведения, т.6. София, 1955, стр.46.

15/ ЦГАОР СССР, ф.5283, оп.6, ед.хр.818, л.1.

16/ Икономика на България, том първи. Икономиката на

България до социалистическата революция. София, 1969, стр.514.

17/ Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. М., 1960, стр.510, 513.

18/ "Внешняя торговля", 1932, № 7, стр.1.

19/ А.Е.Иоффе. Внешняя политика Советского Союза. 1928-1932 гг. М., 1968, стр.329.

20/ Архив внешней политики СССР /далее - АВП СССР/, ф.74, оп.11, д.2, л.2, л.31-32.

21/ Там же, л.22-25; В.Хаджиниколов. Стопански отношения и връзки между България и Съветския Съюз до Девети септември /1917-1944 гг./. София, 1956, стр.114.

22/ Документы внешней политики СССР, т.XV, док.№ 333. М.1969, стр.487.

23/ "Зора", 4 март 1932.

24/ Документы внешней политики СССР, т.XIV. М., 1968, док.№ 362, стр.689.

25/ Там же, т.XV, док.№7, стр.16.

26/ Временный договор между РСФСР и Чехословакией был заключен в Праге 5 июня 1922 г. Он предусматривал создание условий для развития советско-чехословацких экономических отношений без юридического признания Чехословакией Советской России. См.Документы внешней политики СССР, т.V. М., 1961, док.№ 180, стр.441-446.

27/ Документы внешней политики СССР, т.XV, док.№ 7, стр.16.

28/ Там же.

29/ Там же, стр.721.

30/ ЦДИА, ф.176, оп.6, а.е.2126, л.7.

31/ "Внешняя торговля", 1932, № 7, стр.3.

32/ Правительство Болгарского Земледельческого Народ-

ного Союза, возглавляемое А.Стамболийским /1920-1923 гг./, проводило политику нормализации отношений с Советской Россией. Болгария была первой и тогда единственной в Юго-Восточной Европе страной, принявшей официальную советскую делегацию Российского общества Красного Креста. Между СССР и Болгарией налаживались торговые связи, была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений. См. Д.Б.Мельцер. К вопросу о признании Болгарией Советской России /1920-1923 гг./. "Советское славяноведение", 1968, № I, стр.26-33. После фашистского переворота 9 июня 1923 г. правительство А.Цанкова стало на путь откровенно враждебной политики в отношении СССР.

33/ Документы внешней политики СССР, т.XV, док.№ 143, стр.212; Н.Жуковский. На дипломатическом посту. М., 1973, стр.142.

34/ В октябре 1922 г. с согласия правительства А.Стамболийского в Болгарию прибыла делегация Российского общества Красного Креста во главе с И.С.Корешковым для репатриации на родину солдат бывших армий Деникина и Врангеля. В конце 1922 г. во время Лозаннской конференции между Г.В.Чичериным и А.Стамболийским была достигнута договоренность об обмене представительствами Красного Креста на более широкой основе. После фашистского переворота 9 июня 1923 г. правительство А.Цанкова сделало невозможным нормальную работу миссии РОКК в Болгарии и в июле 1923 г. она была отозвана.

35/ Документы внешней политики СССР, т.XV, до.№ 143, стр.212-213.

- 36/ Там же, док. № 333, стр. 487.
- 37/ АВП СССР, ф. 74, оп. 11, д. 2, п. 2, л. 3.
- 38/ ЦИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 884, л. 6-11.
- 39/ АВП СССР, ф. 74, оп. 11, д. 2, п. 2, л. 15.
- 40/ Документы внешней политики СССР, т. XV, док. № 232, стр. 337.
- 41/ В. Хаджиниколов. Указ. соч., стр. 115-116.
- 42/ АВП СССР, ф. 74, оп. 12, д. 4, п. 2, л. 1.
- 43/ П. Нейков. Завчера и вчера. Скирци от миналото. София, 1959, стр. 258.
- 44/ С. И. Рябоконь. Образование Балканской Антанты и позиция Болгарии. См. Международные отношения в новейшее время. Сб. статей, ч. I. Свердловск, 1966, стр. 25-48.
- 45/ Документы внешней политики СССР, т. XV, док. № 232, стр. 337.
- 46/ Э. Эррио. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914-1936. М., 1958, стр. 450.
- 47/ Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Ser. C., vol. II /October 14, 1933 - June 13, 1934/. Washington, 1959, doc. N 291, p. 547.
- 48/ Сборник документов по международной политике и международному праву, вып. VI. М., 1959, стр. 10-11; И. Д. Овсинный. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971, стр. 23-25.
- 49/ Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Ser. C., vol. II, doc. N 22, p. 36; N 291, p. 543.
- 50/ Documents diplomatiques Français. 1932 - 1939. I sér. /1932-1935/, t. IV /16 Juillet - 12 Novembre 1933/. doc. N 292, Paris, 1968, p. 539.

- 51/ Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Ser.C., vol.II, doc.N 22, p. 37.
- 52/ Ibid.
- 53/ Documents diplomatiques Français. I sér., t.IV, doc.N 225, p.381.
- 54/ Ibid.
- 55/ Ibid., p.382.
- 56/ Ibid., doc.N 292, p.539; Documents on German Foreign Policy.1918-1945. Ser.C, vol.II, doc.N 291,p. 37.
- 57/ Documents diplomatiques Français, I sér., t.IV, doc.N 292, p.539.
- 58/ Ibid., doc.N 371, p.662.
- 59/ Ibid., doc.N 410, p.729.
- 60/ Ibid., doc.N 371, p.662.
- 61/ Ibid., doc.N 275, p.490.
- 62/ Д.Казасов. Бурни години. София,1949, стр.477.
- 63/ Documents diplomatiques Français, I sér., t.IV, doc.N 371, p.661.
- 64/ Архив внешней политики России. Фонд микрофильмов, ф.90, оп.1, д.155; З. Јовановић Дипломатска историја у Нове Европе. 1918-1938, кн. П.Београд, 1939, стр. 182.
- 65/ Documents on German Foreign Policy. 1918-1945.Ser. C., vol.II, doc.N 291, p.547; doc.N 413, p.759.
- 66/ "Le Temps", 9 February, 1934.
- 67/ Документи внешней политики СССР, т.ХУП, док.№ 14, стр.44.
- 68/ Там же, док.№ 51, стр.130.
- 69/ Там же, док.№ 56, стр.146.
- 70/ См. Э.Мичева. Балканският пакт и българо-югославс-

ките отношения. "Исторически преглед", 1971, № 4, стр.23.

71/ "International Press Correspondent", 1934, N 27, p.692.

72/ М. Schumann. Die Römischen Protokolle als wirtschaftspolitischen Problem, Bd.I-II. Leipzig, 1939; Н.Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969, стр.17.

73/ ХУП съезд Всесоюзной Коммунистической партии /6/, 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934, стр.14.

74/ Documents diplomatiques Français, I ser., t.IV, doc.N 349, p.627.

75/ ЦДИА, ф.176, оп.6, а.е.2482, л.31.

76/ См.АВП СССР, ф.74, оп.13, д.14, п.3, л.2.

77/ Дневники на XXIII ОНС, Ш.р.с., кн.1, стр.129.

78/ См. АВП СССР, ф.74, оп.11, д.2, п.2, л.3.

79/ "Зора", 8 март 1934.

80/ См. Болгарский народ в защиту Октябрьской революции. София, 1967, стр.259.

81/ "Звено", 1931, кн.10, стр.153.

82/ АВП СССР, ф.74, оп.11, д.3, п.2, л.1-2.

Во время посещения проф.С.Белинова Всесоюзной торговой палаты, один из ее руководителей Леншель, отвечая на предложение правительства Болгарии, заявил: "Мы заинтересованы в нормализации отношений, в хороших отношениях с каждой страной, в том числе и с Болгарией. После установления нормальных дипломатических отношений между двумя странами, несомненно, нужно будет стремиться и к развитию торговых отношений". АВП СССР, ф.74, оп.11, д.3, п.3, л.1; ЦПА при ЦК на БКН, ф.147, оп.3, а.е. 1185, л.1 .

- 83/ Документы внешней политики СССР, т.ХІУ, док.№ 252, М., 1970, стр.459.
- 84/ Там же, док.№ 255, стр.461.
- 85/ См. В.Хаджиниколов. Указ.соч., стр.122.
- 86/ ЦДИА, ф.176, оп.6, а.е.2568, л.8.
- 87/ Там же, л.39.
- 88/ Там же, л.43.
- 89/ АВП СССР, ф.74, оп.12, д.4, л.2, л.4.
- 90/ Дневники на XXIII ОНС, III р.с., кн.П, стр.1307.
- 91/ Там же, стр.1341.
- 92/ АВП СССР, ф.74, оп.12, д.4, л.2, л.4.
- 93/ ЦДИА, ф.176, оп.6, а.е.2440, л.14.
- 94/ Там же.
- 95/ Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933-1935 годах. См. "Международная жизнь", 1963, № 6-8, 10.
- 96/ Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Ser.C, vol.I, doc.N 312, p.567.
- 97/ Дневники на XXIII ОНС, III р.с., кн.І, стр.129.
- 98/ Советское правительство рассматривало польско-германскую декларацию 26 января 1934 года с некрименением силы не только как направленную против Советского Союза, но и как способствующую усилению германской агрессии в Европе. Полпред СССР в Варшаве В.А.Антонов-Овсеенко в беседе с министром иностранных дел Польши Кзефом Бекон 29 января 1934 года подчеркнул, что польско-германское соглашение облегчает проникновение германского империализма пока в страны Юго-Восточной Европы, а затем и более широкую экспансию и поэтому представляет опасность для дела мира в целом. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т.УІ. 1969, док.№ 102, стр.160.

- 99/ ЦДИА, ф.176, оп.6, а.е.2440, л.15.
- 100/ М.Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927-1937. М., 1937, стр.257,
- 101/ Сборник документов по международной политике и международному праву, вып.УІ, стр.159-160; История внешней политики СССР, ч.І, 1917-1945. М., 1966, стр.276.
- 102/ История на България, т.ІІІ, София, 1964, стр.264.
- 103/ Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Ser.C, vol.II, doc.N 22, p.38.
- 104/ Ibid., p.36.
- 105/ Ibid., p.38.
- 106/ Ibid., doc.N 291, p.547; Д.Казасов. Указ.соч., стр.499.
- 107/ Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Ser.C, vol.II, doc.N 411, p.759.
- 108/ Ibid.
- 109/ "Известия", 23 апреля 1934 г.
- 110/ История на България, т.ІІІ, стр.264; В.Хаджиниколов. Указ.соч., стр.123.
- 111/ Дневници на ХХІІ ОНС, ІІ р.с., кн.2, стр.1341.
- 112/ В.Коларов. За Октомврийската революция, Съветския Съюз и българо-съветската дружба. Студии, статии, речи. 1919-1948. София, 1949, стр.197.
- 113/ "Правда", 23 декабря 1972 г.

П.А.ШУПЛЯК. КПГ и РНО ВО ГЛАВЕ СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЫ РАБОЧЕГО КЛАССА ГЕРМАНИИ в 1932 г.

- 1/ Vierteljahrsheft für Konjunkturforschung, 1932, т.А, Heft 3, S.121.
- 2/ В ноябре 1931 г. налоги поглощали 14% доходов рабочего класса. /И.М.Фейнгар. Очерк развития германского мо-

- новости капитала. М., 1958, стр.325/. Рабочие с 1930 г. вносили только в фонд социального страхования по безработице 6,5% зарплаты. /Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, 1932, B.137, Heft 2, S.244/.
- 3/ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1933, S.297.
- 4/ "Wirtschaft und Statistik", 1933, N I, S. 19.
- 5/ P.Peschke. Geschichte der deutschen Sozialversicherung. B., 1962, S.397.
- 6/ Jahrbuch des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbund. 1931, S.302.
- 7/ Jahrbuch für christlichen Gewerkschaften. 1931, S.73.
- 8/ K.Fugger. Geschichte der deutschen Gewerkschaften. B., 1947, S.52.
- 9/ Jahrbuch des ADGB, 1931, S.307.
- 10/ Niederschrift der Verhandlungen des B.Kongresses der christlichen Gewerkschaften Deutschlands. B., 1932, S. 125.
- 11/Э.Тельман. Избранные статьи и речи, т.2. М., 1958, стр.187.
- 12/ Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich. 1932, S.307.
- 13/"Betrieb und Gewerkschaft", 1932, N 9-10, S. 280.
- 14/ "Betrieb und Gewerkschaft", 1932, N 2, S. 39.
- 15/ "Betrieb und Gewerkschaft", 1932, N 9-10, S.282.
- 16/ "Красный интернационал профсоюзов", 1932, № 7, стр. 33.
- 17/ "Коммунистический интернационал", 1932, № 15, стр. 32.

- 18/ "Betrieb und Gewerschaft", 1932, N 9-10, S.280.
- 19/ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd.4, B.,1966, S.326.
- 20/ Der Kampf der RGO. /Entschlierung der Erweiterten Reichskomitees der RGO vom 2-3. März 1932/. B.,1932, S.27.
- 21/ Ibid., S.28.
- 22/ "Die Rote Fahne", 3.Januar 1933.
- 23/ W.Ruge. Deutschland von 1917 bis 1933. B.,1967, S.443.
- 24/ "Die Rote Fahne", 31. Mai 1932.
- 25/ Коммунистический интернационал перед УП Всемирным конгрессом. М-Л, 1935, стр.103.
- 26/ XII Пленум ИККИ. Стенографический отчет, т.I. М., 1933, стр.51.
- 27/F.Schulte. Die Lehren der Streikkämpfe und die Aufgaben der FGO. B., 1932, S.4.
- 28/ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd.4, S.365.
- 29/ "Die Rote Fahne", 3 Januar 1933.
- 30/ Der Streik der Berliner Verkehrs-Arbeiter. B.,1932, S.4.
- 31/ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd.4, S.372.
- 32/ Op.cit., S. 462.
- 33/ Фонды Центр. Музея Рев.СССР, ед.хр.9014/15-17, л. 44, 5-4Б.
- 34/ Там же, ед.хр.9014/18, л.44, 5-4в.
- 35/ W.Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd.I. B.,1958, S.638.

36/ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd.4,
S.598.

А.С.КЛИМОВСКИЙ. АПОЛОГИЯ СБЛИЖЕНИЯ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
И САНАЦИОННОЙ ПОЛЬШИ В 1934 - 1938 гг.
РЕАКЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

- 1/ См. "Новое время", 1973, № 83, стр.1.
- 2/ "Neues Deutschland", 17.Januar 1973.
- 3/ "Przeegląd Zachodni", 1973, N I, S.132.
- 4/ J.Stegeman. Weltwende. Stuttgart-Berlin, 1934, S.345.
- 5/ O.Kreigk. Das Ende von Versailles. B., 1934, S.120.
- 6/ A.Freitag-Loringhoven. Deutschlands Aussenpolitik 1933-1941. B., 1941, S.221.
- 7/ H.Laueu. Polnisches Zwischenspiel. B., 1940, S.176.
- 8/ R.Stache. Polen. Söldner Anglands Gnaden. Bremen, 1939, S.7.
- 9/ A.Zelle. 50 Korrodorthesen. Abrechnung mit Polen. B., 1939, S. 89.
- 10/ W.Studnicki. System polityczny Europy a Polska. W., 1935, S.II.
- 11/ Ibid., S.231.
- 12/ H.Dembiński. Wybor piśm. W., 1962, S.109.
- 13/ K.Smogorzewski. Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich? Poznań, 1934, S.35.
- 14/ Z.Wojciechowski. Mysli o polityce i ustroju narodowym. Poznań, 1935, S.65.
- 15/ S.Mackiewicz. Geschichte Polens. Marburg, 1956, SS. 426-430.
- 16/ Ibid., S.263-264.
- 17/ "Słowo", 1 января 1939 г.

- 18/ Документы фашистской Германии и санационной Польши, взятые Советской Армией. Историко-дипломатический архив МИД СССР, ф.15, оп.1, д.88, л.4.
- 19/ "Вопросы истории", 1972, № 9, стр.45.
- 20/ В.Сикорский. Будущая война. М., 1935, стр.39.
- 21/ Цит. по ст. М.Богуславского "Политическая борьба в Польше по вопросам внешней политики". "Вопросы истории", 1949, № 10, стр.67.
- 22/ J.Beck. Pamiętniki. W., 1955.
- 23/ J.Jurkiewicz. Pakt wschódni. W., 1963, S.130.
- 24/ Ibid., S.131.
- 25/ A.Bochenski. Mędzy Niemcami a Rosją. W., 1937, SS. 175-179.
- 26/ K.Wrzos. Pułkownik Josef Beck. W., 1939, S.5.
- 27/ J.Łukasiewicz. Polska jest mocarstwem. W. 1939, S.39.
- 28/ J.Matuszewski. W dniu 19 Marca. "Polityka Narodów", t.V, L.3/1935, S.263.
- 29/ G.Jaszuński. L polityki-niedostatecznie. W., 1967, S.263.
- 30/ R.Breyer. Das Deutsche Reich und Polen. Würzburg, 1955, S.VI-VII.
- 31/ Ibid., S.185.
- 32/ Ibid., S.79, 174.
- 33/ Ibid., S.186.
- 34/ T.Bierschekk. Die Deutsche Volksgruppe in Polen. 1934-1939. Göttingen, 1954.
- 35/ H.Raushning. Die Revolution des Nihilismus. Zurich, 1938, S.415.
- 36/ H.Roos. Polen und Europa. Tübingen, 1957, S.117.

- 37/ W.Studnicki. Irrwege in Polen. Göttingen, 1951, S.96.
- 38/ D.Hoggan. Der erzwungene Krieg. Tübingen, 1962, S.751.
- 39/ Ibid., S.619.
- 40/ Ibid., S.557.
- 41/ "Słowo", 15 июля 1936 г.
- 42/ См. "Большевик", 1936, № 15, стр.66.
- 43/ В.Ульбрихт. Двадцатипятилетие освобождения. "Коммунист", 1970, № 7, стр.102.

В.С.КОШЕЛЕВ. БОРЬБА В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ ЕГИПТА ПО ВОПРОСУ О ПОЗИЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ /июль - сентябрь 1940 г./

- 1/ Амин Саид. Тарих Мыср ас-сияси. Каир, 1959, стр.262 /на араб.яз./.
- 2/ "Völkischer Beobachter", 1.Juli 1940.
- 3/ "Аль-Мукаттам", 4 июля 1940 г.
- 4/ "Аль-Ахрам", 4 июля 1940 г.
- 5/ См. А.Ар-Рафии. Фи акаб ас-суара аль-мысрия, т.Ш. Каир, 1951, стр.87 /на араб.яз./.
- 6/ Hare to the Secretary of State. Cairo, July 4, 1940. - Foreign Relations of the United States /далее:FRUS/. Diplomatic Papers, vol.III. Washington, 1958, p.472.
- 7/ М.Хайкал. Музаккарт фи-с-сияса аль-мысрия, т.П, Каир, 1953, стр.191 /на араб.яз./.
- 8/ А.Рамадан. Ад-Диблумасия аль-мысрия асна аль-харб аль-алямия ас-сания. -"Ас-Сияса ад-Давлия", уктубир 1970, стр.75 /на араб.яз./.

- 9/ А.Рамедан. Татаввур аль-харака аль-ватания фи Миср 1936-1945, Рисаля. Каир, 1970, стр.327-329 /на араб.яз./.
- 10/ Там же, стр.328-329.
- 11/ Там же, стр.329.
- 12/ А.Ар-Рафии. Указ.соч., стр.92.
- 13/ Fish to the Secretary of State. Cairo, August, 23, 1940, - FRUS, vol.III, p.474.
- 14/ А.Ар-Рафии. Указ.соч., стр.92.
- 15/ цит. по: Great Britain and Egypt 1914-1951. London, 1952, p.64.
- 16/ Fish to the Secretary of State. Cairo, August 28, 1940, - FRUS, vol.III, p.475.
- 17/ Аш-Шагид Ахмед Махир. Тасниф Мухаммед Ибрагим Абу Рава, т.I, Каир, б.г., стр.239 /на араб.яз./.
- 18/ Great Britain and Egypt 1914-1951, p.65.
- 19/ М.Хайкал. Указ.соч., стр. 194-195.
- 20/ Fish to the Secretary of State. Cairo, September 23, 1940, - FRUS, vol.III, p.480.
- 21/ Цит. по Kirk. The Middle East in the War. London, 1954, p.196.

В.С.КОШЕЛЕВ. ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ
В ЕГИПТЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕС-
КОГО КРИЗИСА 1942 г.

- 1/ I Documenti Diplomatici Italiani. Nove Serie 1939-1943, vol.I. Roma, 1954, doc.473.
- 2/ "Аль-Мисри", 4 сентября 1939 г.; ср. Lugol J. Egypt and World War II. Cairo, 1945, p.21.
- 3/ "Oriente Moderno", Roma, 1940, N 12, p.598.
- 4/ Ibid.

- 5/ G.Kirk. The Middle East in the War. London, 1954, р.197.
- 6/ "Аль-Ахрам", 15 декабря 1940 г.
- 7/ Цит. по: G.Kirk. Op.cit., р.197.
- 8/ "Аль-Баляг", 10 июля 1941 г.
- 9/ "Oriente Moderno", 1941, N 8, р.424.
- 10/ "Аль-Баляг", 10 июля 1941 г.
- 11/ Ф.М.Ацамба. Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение. М., 1960, стр.178.
- 12/ Рауф Аббас. Аль-Харака аль-уммалия фи Миср 1899-1952. Каир, 1968, стр.162 /на араб.яз./.
- 13/ А.Ар-Рафи. Фи акаб ас-саура аль-мысрия, т.III. Каир, 1951, стр.99.
- 14/ См. Салех Сами. Зикрият /1891-1952/. Матбаа Амин Абдаррахман би Миср, б.г., стр.269-273 /на араб.яз./.

Д.В.ЛОЙКО. ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПНР В 1950-1955 гг.

- 1/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.41, стр.179.
- 2/ V Plenum KC PZPR. "Nowe Drogi", N 4, 1950, S.3-32.
- 3/ "Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej", N 37, 1950, poz.344.
- 4/ "Nowe Drogi", N 2, 1950, S.26.
- 5/ "Dziennik Ustaw R.P.", N 37/1950, poz.344.
- 6/ Rocznik Statystyczny 1959. W., 1959, S.XXVI; "Dziennik Ustaw R.P.", N 37/1950, poz.344.
- 7/ V Plenum KC PZPR. "Nowe Drogi", N 4, 1950, S.38-39.
- 8/ Rocznik Statystyczny, 1959, S.75.
- 9/ "Dziennik Ustaw R.P.", N 18/1951, poz.46.
- 10/ VII Plenum KC PZPR. "Nowe Drogi", N 6, 1952, S.19.

- II/ T.Przeciczewski. Polityka ekonomiczna Polski Ludowej. W., 1965, s.91.
- 12/ A.Karpiński. Zagadnienia socjalistycznej industrializacji Polski. W., 1958, s.89.
- 13/ "Dziennik Ustaw R.P.", N 20/1952, poz.128.
- 14/ Polska 1944-1965, t.I. W., 1968, s.345.
- 15/ Rocznik Statystyczny 1959, s.58.
- 16/ II Zjazd PZPR. "Nowe Drogi", N 3, 1954, s.30.
- 17/ Очерки истории Народной Польши. М., 1965, стр.259.
- 18/ IX Plenum KC PZPR. "Nowe Drogi", N 10, 1953, s. 10-11.
- 19/ II Zjazd PZPR. "Nowe Drogi", N 3, 1954, s.29-38.
- 20/ "Trybuna Ludu", 1 февраля 1956 г.
- 21/ Статистический ежегодник стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1970, стр.38.
- 22/ A.Karpiński. Op.cit., s.49.
- 23/ "Dziennik Ustaw R.P.", N 37/1950, poz.344; Rocznik Statystyczny 1959, s.XXVI-XXVII, 75-76.
- 24/ Статистический ежегодник стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи, 1970, стр.60.
- 25/ 25 lat gospodarki Polski Ludowej. W., 1969, s.59.
- 26/ "Trybuna Ludu", 22 июля 1954 г.
- 27/ Rocznik Statystyczny 1959, s.XXVI.
- 28/ XX lat Polski Ludowej. W., 1964, s.315.
- 29/ XX lat Polski Ludowej, s.315.
- 30/ "Życie gospodarcze", N 16, s.867-869.
- 31/ Rocznik Statystyczny 1959, s.132.
- 32/ "Trybuna Ludu", 6 января 1956 г.
- 33/ Rocznik Statystyczny 1959, s.XXVII.
- 34/ "Trybuna Ludu", 13 марта 1956 г.
- 35/ II Zjazd PZPR. "Nowe Drogi", N 3, 1954, s.288.

- 36/ Rocznik Statystyczny 1959, s.75.
- 37/ "Życie gospodarcze", N 24, 1951, s.1321.
- 38/ A.Karpiński. Op.cit., s.71.
- 39/ "Życie gospodarcze", N 5, 1956, s.161.
- 40/ A.Karpiński. Op.cit., s.83.
- 41/ "Правда", 13 февраля 1956 г.
- 42/ Mały Rocznik Statystyczny 1961. W., 1961, s.30.
- 43/ Rocznik Statystyczny 1959, s.45.
- 44/ "Nowe Drogi", N.1, 1953, s.20.
- 45/ Rocznik Statystyczny 1959, s.253.
- 46/ "Życie gospodarcze", N 9, 1955, s.324-325.

Э.Г.БРОНСКАЯ. РОЛЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ ГДР В ПРОПАГАНДЕ ЗАДАЧ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

- 1/ Из опыта работы Германского Телевидения ГДР.
Документ Канцелярии Интенданта Германского телевидения
от 29 мая 1962г. Фонд Центра научного программирования
Государственного комитета по телевидению и радиовещанию
при Совете Министров СССР / в дальнейшем - ф. ЦНПГКТР/.
- 2/ Л.Касьянов. Телевидение ГДР. М., 1970, стр.54.
- 3/ Там же, стр.60.
- 4/ "Дружба народов", 1969, № 8, стр.133.
- 5/ Л.Касьянов. Указ.соч., стр.62.
- 6/ "Советская культура", 19 января 1965 г.
- 7/ Германская Демократическая Республика. Искусство
и литература. Дрезден, 1969, стр.69.
- 8/ VOJ-Nachrichten , 28 ноября 1967 г., ф.ЦНПГКТР.
- 9/ "Neues Deutschland", 1968-1972.
- 10/ "Neues Deutschland", 17.Januar 1969.

- II/ "Frankfurter allgemeine", 13. Februar 1969.
I2/ Чествование памяти Бетховена в Германской Демократической республике в 1970 г. Дрезден, 1970.
I3/ "Советская культура", 19 января 1965 г.
I4/ Из опыта работы Германского телевидения ГДР. Документ Канцелярии Интенданта Германского телевидения, 29 мая 1963 г., ф.ЦНПГКТР.
I5/ "Советская культура", 19 января 1965 г.
I6/ "Variety", 4 января 1961 г. ф.ЦНПГКТР.
I7/ "Радио и телевидение", 1970, № 32.
I8/ "Radiocorriere", 1968, № 26., ф.ЦНПГКТР.
I9/ "Variety", 20 января 1965 г., стр.44, ф.ЦНПГКТР.
20/ "Berliner Zeitung", Dezember 1963., ф.ЦНПГКТР.
21/ "Neues Deutschland", 5. April 1969.

Д.С.КАПИТАН. ПОДГОТОВКА НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ДЛЯ
РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В УЧЕБНЫХ ЗАВЕ-
ДЕНИЯХ БЕЛОРУССИИ

- I/ С.К.Романовский. Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966, стр.63.
2/ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, стр.169.
3/ Текущий архив МВ и ССО СССР. Статистический отчет о студентах-иностранцах, обучавшихся в учебных заведениях СССР за 1971/1972 учебный год.
4/ "Комсомольская правда", 5 февраля 1970 г.
5/ Там же.
6/ "Правда", 29 июня 1965 г.
7/ Текущий архив МВ и ССО СССР. Статистический отчет о студентах-иностранцах, окончивших учебные заведения СССР / по состоянию на 1 января 1972 г./.

- 8/ Текущий архив МВ и ССО СССР. Справка об опыте работы с выпускниками-иностранцами и совершенствование связей с ними.
- 9/ Ф.А.Сурганов. Белорусская Советская Социалистическая Республика. М., 1972, стр.98.
- 10/ Текущий архив подготовительного факультета БГУ им. В.И.Ленина. Справка об опыте работы факультета за период 1961/1968 гг., стр.2.
- 11/ Архив МВ и ССО БССР. Отчеты учебных заведений о работе с иностранными учащимися за 1963/1964 учебный год, д.8, стр.62.
- 12/ Архив МВ и ССО БССР. Переписка с высшими учебными заведениями. Сведения о студентах-иностранцах, обучающихся в БГУ им. В.И.Ленина в 1964/1965 учебном году, стр.154.
- 13/ Архив МВ и ССО БССР. Справки и информации о работе с иностранными студентами в учебных заведениях БССР за 1965/1966 учебный год, д.9, стр.47.
- 14/ Архив МВ и ССО БССР. Справки и информации о работе с иностранными студентами /1966/1967 гг./, д.9.
- 15/ Подсчет на основе данных статистических отчетов подготовительного факультета БГУ им. В.И.Ленина за 1967/1971 гг.
- 16/ Текущий архив подготовительного факультета БГУ им. В.И.Ленина.
- 17/ Подсчет на основе данных статистических отчетов подготовительного факультета БГУ им. В.И.Ленина за 1961/1973 гг.
- 18/ Текущий архив МВ и ССО БССР. Справки и информации

учебных заведений БССР за 1963/1964 учебный год, д.9, стр.3.

19/ Там же.

20/ Подсчет на основе данных статистических отчетов учебных заведений МВ и ССО БССР.

21/ Текущий архив МВ и ССО БССР.

22/ "Правда", 30 июня 1965 г.

23/ Нам стала родной Белоруссия. Минск, 1968, стр.14.

24/ Текущий архив МВ и ССО БССР. Дело ИС-4. Справки и информации о работе с иностранными студентами в учебных заведениях в 1966/1967 учебном году, стр.112.

25/ Архив МВ и ССО БССР. Дело № ИС-4. Переписка с Минвузом СССР по вопросам обучения иностранных студентов за 1968 г., стр.26.

26/ Там же, стр.30.

27/ Текущий архив МВ и ССО БССР. Дело № ИС-9.

Справка с работе отдела по обучению иностранных студентов и связи с зарубежными странами в 1966/1967 учебном году, стр.6.

28/ Текущий архив МВ и ССО БССР. Отчет об учебной и воспитательной работе с иностранными студентами БПИ за 1968/1969 учебный год, д.5, стр.9.

29/ Текущий архив МВ и ССО БССР. Программа общесоюзной интернациональной студенческой конференции

"В.И.Ленин - вождь и учитель трудящихся всего мира".

30/ Текущий архив МВ и ССО БССР.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

- В.И.Синица. Русско-турецкая война 1768-1774 гг. и восточный вопрос
- В.И.Синица. Восстание в Морее 1770 г. и Россия
- Л.М.Шнеерсон. Восточный вопрос и франко-русские отношения в конце 1866-начале 1867г.
- О.Г.Радькова. Борьба Клары Цеткин за избирательное право женщин (1905-1907 гг.)
- Г.М.Трухнов. Происки фашистской реакции в первые годы Веймарской республики (1919-1922 гг.)
- Д.Б.Мельцер. Советско-болгарские отношения в период правления правительства Народного блока (1932-1934 гг.)
- П.А.Шупляк. КПГ и РПО во главе стачечной борьбы рабочего класса Германии в 1923 г.
- Д.С.Климовский. Апология сближения нацистской Германии и санационной Польши в 1934-1938 гг. реакционной историографией
- В.С.Кошелев. Борьба в правящих кругах Египта по вопросу о позиции во второй мировой войне (июль-сентябрь 1940 г.)
- В.С.Кошелев. Обострение внутривнутриполитической обстановки в Египте накануне февральского политического кризиса 1942 г.
- Л.Б.Лойко. Промышленное развитие ПНР в 1950-1955 гг.
- Д.С.Капитан. Подготовка национальных кадров для развивающихся стран в учебных заведениях Белоруссии.
- Э.Г.Бронская. Роль телевидения ГДР в пропаганде задач социалистического строительства.

Примечания

3
13
23
49
63
83
116
128
144
158
164
184
200
234

63 коп.